

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова
Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

2
2015

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2015

УДК 800
ISSN 1992-6375

2.2015

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mggu-sh.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М.А. Шолохова**

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия

А.В. Циммерлинг – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
М.В. Королёва – *отв. секретарь*,
Т.М. Воителева, С.Г. Золян, И. Кишш,
Н.Д. Котовчихина, Е.А. Лютикова,
В.А. Плунгян, И.А. Пильщиков,
Н.В. Сердобольская, К.Э. Штайн

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mggu-sh.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гарипова Г.Т.

Парадигма ценностных концептов русской литературной классики
в системе аксиосферы художественного процесса XX в. 5

Заяц С.М.

Максимилиан Волошин.
Начало пути: «Быть заключенным в темнице мгновенья» 14

Соколова В.А.

Особенности употребления основных образов
в поэзии Ирины Кнорринг 21

Терешкина Д.Б.

Интертекст «Четых-Миней»
в рассказе Л.Н. Толстого «Алеша Горшок» 31

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Барабаш О.В.

Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов 39

Ван Цуй, Бочина Т.Г.

Комитативные конструкции в китайском и русском языках. 52

Давыдова О.А.

Майдан и сход как казачьи этнографизмы 61

Ионова А.А., Лютикова Е.А.

Сфера действия адъективных операторов
и синтаксис именной группы в русском языке 68

МЕТОДИКА

Воителева Т.М.

Наблюдение над функциональными особенностями языковых средств
в процессе изучения морфологии в школе 88

*Шарнин М.М., Шагаев И., Протасов В.И., Родина И.В.,
Золотарев О.В., Попова О.А.*

Использование веб-семантики для совершенствования образовательных программ вузов	97
НАШИ АВТОРЫ	113
CONTENTS	115

Г.Т. Гарипова

Парадигма ценностных концептов русской литературной классики в системе аксиосферы художественного процесса XX в.

В статье рассматриваются наиболее противоречивые вопросы идентификации ценностных онтологических и антропоцентристских констант в системе русской литературы; вопросы рецепции аксиологических проблем в современной русской литературе. Наиболее детально анализируются модусы аксиосферы художественной танатологии, тема свободы в системе художественной интерпретации в русской литературе XX в.

Ключевые слова: ценностный концепт, художественная аксиология, современная русская литература, танатология, экзистенция, катарсис, «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого, А. Платонов, А. Битов.

В современной литературоведческой науке наиболее актуальными и перспективными представляются исследования, рассматривающие художественное произведение в контексте аксиологически заданных концептов, обозначенных мировоззренческими и личностно-творческими константами писателя, поскольку литературный текст всегда является отражением глубинных миро- и психообразов художника слова. В этой связи особую научную значимость представляют исследования художественных систем писателей (поэтов) разных литературных эпох (в нашем случае XIX и XX вв.), пересекающихся на том или ином уровне своего художественного мышления.

Конгениальное сопричастие русской литературной классики с ее ценностными доминантами обеспечивает аксиологическую рецепцию традиции с устойчивыми ценностно-мировоззренческими координатами в современном литературном процессе. Одной из ключевых *гносеологических* целей художественного познания в XX в. становится стремление постичь тайну мироустройства. В результате, в литературной парадигме столетия родилась целая система культурологических метафор, в той или иной степени проецирующих особую бытийную аксиосферу, означенную попыткой решить извечную проблему ценностных ориентиров «жизни» и «смерти».

На наш взгляд, бином «жизнь – смерть» центрирует в русской литературе XIX и XX вв. все ключевые ценностные онтологические и антропоцентристские константы. В частности, проблемы свобода личности, феноменология совести и чести, соотношение в человеке «Бога» и «Зверя», полилог «Человек – Власть» и другие «проклятые вопросы» бытия человеческого ставятся и решаются в творчестве наиболее знаковых писателей в аксиопарадигме культурологической метафоры «смерть – жизнь». Наиболее яркие литературные мифомодели «жизни/смерти» были открыты в творчестве русских писателей XIX в. (Ф. Достоевского, Н. Гоголя, Л. Толстого) и затем конгениально продуцированы в художественную систему русского литературного процесса XX в. Более того, «личная мифология» русских писателей классически пересеклась с парадоксальными ценностными открытиями мировой классики, разрушив привычную схему неперемennого условия направленного совпадения. Русские реалисты в своих литературных открытиях стали одновременно основой и продолжением для развития самых громких и ярких культурологических танатологических (танатология – наука о смерти, философский опыт описания феномена смерти) концепций.

Проблема жизни и смерти (*наиболее активно решаемых в дилемме ценностных ориентиров: «Что есть смерть – конец или продолжение жизни?»*) является одной из концептуально значимых проблем в художественной литературе. В каждый отдельный период развития литературного процесса художественные танатологические концепции формировались в соответствии с направленческими установками и индивидуально-авторскими мировоззренческими представлениями, порой кардинально расходящимися с философскими концепциями эпохи. Однако в художественном сознании XX в. особую актуальность приобретает философская теория М. Хайдеггера, в которой смерть рассматривается не как метафизический или биологический переход из одного состояния в другое, а в ценностном аспекте – как онтологический конец человеческо-

го бытия (в аспекте трансформации одного жизненного мира в другой). Человеческое бытие определяется Хайдеггером как «бытие-к-смерти», которое и выявляет, посредством сознания смерти, личностную субъективность – через подчеркнутое отношение именно к «моей смерти».

Однако еще в XIX в., в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», мы сталкиваемся с подобными критериями «экзистенциального умирания». Танатологическая концепция Толстого заключена именно в *осознании*, – через постепенное, продолженное во времени и сознании умирание, – того, что это «моя», «собственная», только личностно значимая смерть: ... *Иван Ильич остается один с сознанием того, что его жизнь отравлена для него и отравляет жизни других и что трава эта не ослабевает, а все больше и больше проникает существо его.*

И с сознанием этим, да еще с болью физической, да еще с ужасом надо было ложиться в постель и часто не спать от боли большую часть ночи. <...> И жить так на краю гибели надо было одному, без одного человека, который бы понял и пожалел его [6, с. 294–295].

И трагедия Ивана Ильича не в том, что он умирает, а в том, что именно он умирает. Восприимчивое смещение акцента с процесса на личностную экзистенцию актуализирует в тексте Толстого дилемму «телесность – сознательность» до уровня антиномии. В этой связи мы не совсем согласны с тезисом К.Г. Исупова о том, что в основе «философии смертной телесности» Толстого – «смертное мучение плоти, “всей кожей” отвращающей приближение кончины, страх смерти» [4]. На наш взгляд, *суть* толстовской танатологии кроется в «философии смертной сознательности», когда *вдруг* через страх телесной смерти начинает осознаваться экзистенция «моей смерти» как конечности «моего тела», но продолженности «моего самоосознания» – символически в этом осуществлена идея отсутствия смерти. Осознание этого приходит окончательно к Ивану Ильичу в момент смерти: *Он искал своего прежнего, привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что не было и смерти. Вместо смерти был свет. <...> «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше.*

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер [6, с. 319].

Подобная танатологическая модель смерти как неконечности Я актуализирована и в модернистской прозе XX в. Идеи «умирание как процесс обретения одиночества» и «смерть как точка высвобождения из этого одиночества» лежат и в основе повести Л. Андреева «Красный смех». Увиденная героем на войне чужая «не моя» смерть стала катарсической для его самосознания. Тоске по собственной смерти, – делающей априо-

ри невозможной катарсическое состояние души, – Ивана Ильича Л. Андреев противопоставил включение в свою жизнь смерть другого человека – осознание «не моей смерти» как «моей». И здесь заключен модернистский нонсенс «семантики возможных миров» – катарсическое восприятие чужой смерти обусловило «мою смерть» для героя повести, однако лишив процесс умирания страха смерти – главного экзистенциального ужаса Ивана Ильича.

Танатологическая дихотомия «телесная смерть – смерть сознательности» не только полностью исчерпывает объем понятия «смерть» в художественном сознании XX в., но и предопределяет формирование новой формы литературной условности, интегрирующей социально-нравственные, философские и психоаналитические аспекты смерти – метаморфоза ликантропической (ликантропия – оборотничество) экзистенции. В этой связи интересно сопоставление рассказа Ф. Кафки «Превращение» и романа Д. Липскерова «Последний сон разума», выявляющее две линии ликантропической метаморфозы в призме проблемы смерти.

Если Кафка в превращении Грегора в сороконожку воплотил модель «телесного умирания – оборотничества» при сохранении полной, нравственно состоятельной, сознательности, то Липскеров в череде ликантропических превращений (как следствия смерти своего героя, татарина Ильясова то в рыбу, то в птицу и т.д. – целая система архетипических природных форм жизни) исследует смерть как феномен взаимооборотничества «телесности» и «сознательности». Для Кафки становится важным именно сохранение нравственной сознательности в процессе телесного превращения, перетекающего в умирание. Для Липскерова же смерть и есть способ телесной метаморфозы, – от этого сложного процесса одновременного, совпадающего умирания и оборотничества не меняется нравственная составляющая любой формы экзистенции (до и после) – она важна сама по себе как данность вне категории смерти.

Но вслед за Толстым и Кафка, и Липскеров концептуализируют момент телесного страдания как единственно возможного условия познания сути смерти. Однако для Ивана Ильича страдание оборачивается страхом смерти (радость смерти наступает лишь вследствие прекращения телесного страдания), для Грегора же катарсическим прозрением, а для татарина-рыбы-птицы... Ильясова – ликантропической игрой тела и разума. Для Кафки смерть значима как феномен социально-нравственного испытания, для Липскерова – природной первоосновы вечного круговорота жизни и смерти, а для Толстого смерть – глубоко личностный акт, осознаваемый именно как «моя смерть» и именно как *смерть*.

Произведения писателей так называемой *возвращенной* литературы приходят к читателям дважды – в период написания (через самиздат) и со временем признания и опубликования. Естественно, что проза, создававшаяся в атмосфере несвободы, испытывала особый интерес к исследованию темы свободы. В творчестве Андрея Платонова она развилась в целую философию с оригинально-авторской системой этических и эстетических взглядов, которая претерпевала целый ряд изменений на протяжении творчества Платонова – от утопического восприятия свободы в русле ницшеанских (вседозволенность) и шопенгауэровских (свобода воли) идей до реального восприятия свободы как дела «всеобщего братства» (философия Н. Фёдорова). Но тема свободы всегда рассматривалась Платоновым как целостный комплекс взаимосвязанных идей и проблем, как производное памяти, разума, чувства, любви, жизни, смерти. И в повести «Джан» Платонова интересует не столько проблема свободы-несвободы отдельной личности, сколько обретение свободы целым народом. Именно в ракурсе свободы-несвободы человека и общества решаются и получают развитие все основные проблемы платоновского творчества: вопрос о братстве и небратстве людей, тема сиротства, преодоления тотального и личностного одиночества, идея имманентного воскрешения, проблемы *жизни-смерти* и социально-природной гармонии.

В повести затрагиваются проблемы конкретных людей и одного маленького народа джан, космизм платоновского сознания очевиден – народ джан в данном случае символизирует все человечество, а пустынная Сарыкамышская впадина ассоциируется со вселенной, не имеющей конца и начала: *Картина изображала мечту, когда земля считалась плоской, а небо – близким. Там некий большой человек встал на землю, пробил отверстие в небесном куполе и высунулся до плеч по ту сторону неба, в странную бесконечность того времени, и загляделся туда. И он настолько долго глядел в неизвестное, чуждое пространство, что забыл про свое остальное тело, оставшееся ниже обычного неба. На другой половине картины изображался тот же вид, но в другом положении. Туловище человека истомилось, похудело и, наверно, умерло, а отсохшая голова скатилась на тот свет – по наружной поверхности неба, похожей на жестяной таз, – голова искателя новой бесконечности, где действительно нет конца и откуда нет возвращения на скудное плоское место земли* [5, с. 160]. Эта абстрактная метафорическая картина отразила всю истинную суть платоновского видения мира, его философию. Писатель не приемлет нахождения человека в плену у природы: гармоническое единение с ней – да, но зависимость от нее мыслится как несвобода, ведущая к физическому исчезновению и духовной деградации; *тело,*

лишенное *головы*, так же мертво, как и *душа*, лишенная *разума*. И если Назар Чагатаев – это *разум*, стремящийся в «странную бесконечность» жизни, где обретается истинная свобода всех, то народ джан – это *душа*, забывшая о жизни.

Основной конфликт, являющийся причиной несвободы, а, следовательно, одиночества и смерти, – это противоречие разума (идея жизни Назара Чагатаева) и чувства (потерянная душа народа джан). Дисгармония, давление одного начала на другое ведут к беспамятству и забвению: Нур-Мухаммед, руководствуясь лишь эгоистическим разумом, исчезает в пространстве небытия, также может исчезнуть и народ джан, для которого чувство определяет смысл жизни. И все же Назар Чагатаев через Айдым, вмещающей в себя разум Назара и чувства своего народа, способен возродить, *воскресить* его душу к жизни: *Чагатаев улыбнулся; он знал, что горе и страдание есть лишь призрак и сновидение, их может разрушить сразу даже Айдым своими детскими силами: в сердце и в мире бьется, как в клетке, еще не испробованное счастье, и каждый человек чувствует его силу, но чувствует лишь как боль, потому что действие счастья сжато и изуродовано в тесноте, как сердце в скелете. Вскоре он переменит судьбу своего народа* [5, с. 209–210].

Человек у Платонова в равной степени зависит от природы и от мира человеческого, и только в их единении возможно обретение свободы. Ведь суть «странничества» Назара не в том, чтобы спасти народ от физической смерти, это можно сделать просто – выведя его к земле обетованной и накормив, а в том, чтобы спасти от духовного исчезновения – это возможно лишь воскрешением любви к жизни, духовным воскрешением, обретением свободы. Основное зло для человека, по Платонову, заключено в смерти – духовной и физической. Но, в отличие от концепции Толстого, Платонов дает конкретное соотношение смерти-зла в аспекте социального и личностного, и таким образом нейтрализует трагедию «*моей личной*» смерти. Преодолеть это зло можно, лишь достигнув гармонии духа и разума. И если народ бродит в бесконечности пустыни в поисках разума, то Назар, спасая свой род, ищет для себя любовь, мать, память рода, т.е. чувства, необходимые ему, чтобы преодолеть вечное свое *сиротство* души. Однако сиротство души Ивана Ильича принципиально отличается от «сиротства» Назара: боль Ивана Ильича – от осознания конечности своей экзистенции и продолженности бытия мира без него, боль Назара Чагатаева в принятии возможности смерти чужого народа-человечества как своей. Вопрос Ивана Ильича «*Почему Я?*» звучит для Назара Чагатаева в иных, социально обозначенных ценностных координатах – «*Почему они, а не Я?*».

В повести «Котлован» смерть является не метафорой и не символом, а вполне самостоятельным образом, определяющим развитие жизни всех героев. В понимании писателя не смерть сама по себе является злом для человека, а личное *желание* смерти, это мы наблюдали на примере народа джан. В «Котловане» мать девочки Насти, желая себе свободы (от мучений, невзгод, тяжелой жизни), хочет умереть. Но такая свобода прозрачна, потому что для Платонова (в русле фёдоровских идей) смерть физическая есть следствие духовной гибели личности, того, что лежит в основе понятия *несвобода*. *«Мне теперь стало тебя не жалко и никого не нужно, я стала как каменная, потуши лампу и поверни меня на бок, я хочу умереть»* [5, с. 46], – говорит мать Насти, не понимая, что в действительности она лишает реальной свободы не только себя, но и Настю, передавая по «закону жизни» смерть дальше в свое продолжение, вырабатывая привычку к смерти. Именно поэтому Чиклин, *чтобы девочка не тратила свое тепло на остывающую мать, взял ее к себе на руки и так сохранял до утра, как последний жалкий остаток женичины* [Там же].

Настя лишена возможности преодолеть смерть, заложенную в нее «памятью рода» через мать – она невольный узник этого закона, мешающего ей выбраться из «котлована» и обрести свободу. Случайная смерть, без желания, не страшна, трагично именно желание смерти, потому что оно предопределяет духовное исчезновение – воплотившись в одном, оно передается через память дальше, предопределяя судьбу «общего братства», которое обречено на «несвободу» от смерти, уже и не желая ее. Несвобода – это предопределенность. Настя умирает, унося с собой будущее и Чиклина, и Вощева, которые мыслят себя единым родом «будущего человечества»: *Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением?* [5, с. 96].

Унаследованную от матери «несвободу» смерти Настя передала дальше в род человеческий, и в этом трагедия народа, роющего свой «котлован» будущей жизни. Но уже в повести «Джан» Платонов находит иное решение проблемы: Айдым, неся в себе, подобно Насте, «память рода», исчезающего и жаждущего смерти, смогла преодолеть ее, впитав в себя живую энергию свободного разума Назара (его внутренняя свобода обретаена через испытание внешней – странничеством); его желание свободной жизни победило в ней желание смерти и, по принципу обратной связи, возродило к жизни свой народ.

Аксиологическая конгениальность образов Насти и Айдым очевидна – они образуют единую линию в развитии платоновской *идеи жизни*, что подтверждается сопоставлением пространственных символических рядов

двух повестей: место бытия Насти – это гроб, барак, связанное в той или иной степени со смертью, а место бытия Айдым – это пустыня, бесконечный путь, бескрайнее небо, вечные пески, и в конце, как символ братства, огромный город Москва – все то, что ассоциируется с пространством свободы и жизни.

Свое внимание А. Платонов акцентирует на природно-родовой основе жизни, которую нельзя просто выкинуть, ее надо воссоединить с духом, с развитием человека. Человек у Платонова в равной степени зависит от природы и от мира человеческого. Опираясь на философские ценности Н. Фёдорова, Платонов считает, что основное зло для человека заключено в смерти. Мотив смерти и умирания является сквозным мотивом всего платоновского творчества. Лейтмотив сиротства вплетен в канву всех произведений Платонова: все его герои – готовые или потенциальные сироты, стоящие на пороге разрыва с близкими (*сиротство и одиночество разрушают родственность братских сынов*).

Опосредованное влияние этих идей чувствуется и в прозе русского писателя второй половины XX в. А. Битова, видящего трагическое зло для личности – в ее отчуждении от всего мира, в ее одиночестве. Человек у Битова не просто одинок, он именно *сирота*. Сирота без настоящего. Генетически человек рождается с заложенной в него из прошлого идеей родства, с корнями, переданными ему предыдущими поколениями, но теряет их в силу своего «несуществующего» существования и становится неспособным передать эти корни в будущее. По Битову, в этом зло не только для «один-человека», но и для всего человечества. Трагизм личности в том, что на ней все *прерывается*... Человек становится неспособным преодолеть смерть «плоти и духа». Он – сирота. Классическая формула «один плюс один равно два» для битовских героев изменяется: *и один-человек плюс один-человек равно два один-человека*.

Концепция человека (а человек, по Битову, – это всегда Личность) в его прозе складывалась как под влиянием русской классической традиции, так и новейшего модернистского искусства. Огромное влияние оказал на Битова, как и на всех «шестидесятников», Ф. Достоевский. Н. Иванова считает даже, что «проза и философский мир Достоевского были тем “чистищем”, тем испытанием духа, через которое и проходило поколение» [3, с. 251].

Идея отчужденности человека от мира, которая так волновала Битова, своими корнями уходит в глубокое и сложное переосмысление утопической философии «общего дела» Н. Фёдорова. Многие ее грани нашли отражение в прозе А. Битова: бесконечная ценность жизни, трагедия «сиротства» одного среди многих, неразрывная связь поколений, живых

и умерших. Без учета этих идей понимание Битова существенно обедняется. Сам писатель говорит: «Думаю, что русская философия всегда была заключена в художественном. Но кто, пожалуй, все-таки питает, так это Николай Фёдоров. И питает странно. Никто его не читал и на всех он повлиял. На Толстого, на Достоевского. Достаточно запаха. Идея воскрешения мертвых – одна и самых работающих идей» [2, с. 34].

Философские истоки битовской концепции Личности и бытия лежат в философии русского мыслителя Н. Фёдорова. Ключевые моменты его философии, носящей в целом утопический характер, таковы: проблема регуляции природы, идея «имманентного воскрешения», вопрос о братстве и небратстве людей, тема «одиначества», «сиротства». В русской прозе XX в. наиболее сильное влияние фёдоровских идей испытало творчество А. Платонова. Многие темы и образы в творчестве В. Набокова, А. Кима, Т. Пулатова и А. Битова идут от переосмысления этих идей. Наиболее существенным моментом художественного заимствования является подход Н. Фёдорова к человеку в его природно-родовом аспекте, исходя из которого он считает, что зло для человека заключено «в самой природе, в ее бессознательности... в самом рождении и связанной с ним неразрывно смерти» [7, с. 401]. Это объясняет внутреннее одиночество, раздвоенность, неспособность жить как все и со всеми, т.е. делать «общее дело», по Фёдорову.

Гармония внутреннего и внешнего нарушена – вот причина одиночества. Между одним «один-человеком» и другим прозрачная стена и преодолеть ее никто не в силах, «и столько в этом горького опыта невозможности». Опыт, приобретенный не одним человеком, а человечеством, приводит к обнищанию внутреннего мира современного человека, который в силу своего «сиротства» попадает в разряд «лишних» людей. Происходит душевная маета от сознания своей вины, которую битовский герой сам в себе открывает и которой стыдится сам. И в силу нравственного самосуда, и в силу внутреннего стыда и способности к страданию, он в такой же степени нравственен, как и безнравственен (в силу пассивно-созерцательного отношения к жизни). В этой *многомерности сознания* личности современного человека видит Битов возможность ее обновления. Если человек способен осознать причину своей духовной пустоты, значит, есть шанс духовного возрождения личности «один-человека» и через него – всего общества, состоящего из этих личностей. В таком подходе к проблеме человека и общества заключен гуманизм концепции личности А. Битова, утверждающего, что *один-человек – условие человечества, как одна книга – условие литературы* [1, с. 181]. Гениальная битовская формула и выражает высшие ценности русской литературы.

Библиографический список

1. Битов А. Прямое вдохновение // Вопросы литературы. 1984. № 7.
2. В поисках реальности: Беседа корр. ЛО Евг. Шкловского с А. Битовым // Литературное обозрение. 1988. № 5.
3. Иванова Н. Самообман и прозрение (Шестидесятники: как они «проходили» Достоевского) // Дружба народов. 1990. № 10.
4. Исупов К.Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3.
5. Платонов А. Котлован. Избр. произведения. М., 1988.
6. Толстой Л.Н. Избр. М., 1986.
7. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2 т. Верный, 1906. Т. 1.

С.М. Заяц

Максимилиан Волошин.

Начало пути:

«Быть заключенным в темнице мгновенья»

В статье показано начало пути русского поэта и философа Серебряного века Максимилиана Волошина, стремившегося в своем творчестве создать особую мифопоэтику, фундаментом которой являлся лик творческого человека, способного преобразить мироздание, воплощаясь в мгновение, переливающееся в вечность. Это неизбежно ставило перед творческим человеком проблему пути и духовного становления, что особенно характерно для времени перелома, какой являлась эпоха рубежа веков.

Ключевые слова: Максимилиан Волошин, поэзия Серебряного века, мифопоэтическое мирозерцание М. Волошина, творческая индивидуальность М. Волошина, понимание времени в творчестве М. Волошина, миф о поэте в творчестве М. Волошина.

Любая творческая индивидуальность находит свое воплощение в мире тех явлений, которые стремится или отразить, или преобразить, или оста-

вить их незыблемыми. Для М. Волошина характерна жажда преображения мира, восстановление в нем божественного лика. Этот процесс он понимал двусторонне: преображая мир, поэт преображал себя. В одной из статей он напишет: «В других познавай свой лик и сам будь зеркалом для других» [2, с. 593]. Понятие Лика для волошинского мифотворчества основополагающее. Он пишет: «К лику стремится искусство. К лику стремится красота. <...> Во всех исканиях безобразного... Ликом познается безликое. <...> Все ищет в себе лика и безобразный мир стучится в душу художника, чтобы через него найти в себе свое воплощение. <...> Человек, поднявшийся в самосознании до творчества, воплотивший себя в ярком художественном образе, может сохранить, спасти свой лик для других поколений, запечатлеть его в зеркале их понимания. <...> Человек – та мгновенная точка, через которую одна вечность перетекает в другую, мгновение становится вечностью и вечность мгновением» [Там же, с. 594]. Отсюда следует, что «в лике – высшая тайна» [Там же].

Обретение лика для Волошина есть вочеловечение в человеке человека, его приближенность к божественной ипостаси, что помогает осознать фундаментальность человеческой сути, что соответствует в полной мере, на наш взгляд, христианскому пониманию личности. Но путь постижения себя и мироздания у Волошина носит свой особый характер. Характерна запись поэта в одной из записной книжек: «Общего критерия нравственности не существует и существовать не может: он изменяется сообразно духу времени и индивидуальных особенностей отдельного человека. Единственное правило нравственности – это страстное познание истины и стремление честно провести то, что считаешь истиной, в жизни» [1, с. 40]. Именно истину и стремился познать Максимилиан Волошин.

В русскую литературу он входил постепенно. «Первые стихи Волошина, написанные во время учебы в гимназии, носят отпечаток увлечения Пушкиным, Некрасовым, Майковым, Гейне. <...> Однако уже в 1899 г. происходит открытие импрессионистов, а в литературе – Г. Гауптмана и П. Верлена; в 1900-м юноша видит в символизме “шаг вперед” по сравнению с реализмом. А в январе 1902 г. в лекции “Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого”, Волошин уже выступает как горячий приверженец “нового искусства” (презираемого “публикой” как декадентство)» [5, с. 7].

Однако первый сборник стихов вышел 27 февраля 1910 г. Это был своеобразный итог начала творческого пути, который поэт охарактеризовал как «блуждание духа» [Цит. по: 5, с. 4]. Для данного исследования интересны два первых цикла.

Примечательно название первой книги стихов М. Волошина «Годы странствий». В ней странствие во времени и пространстве представлено как попытка постижения себя и мира, своеобразное создание мифа о поэте и личности, а время и пространство воспринимаются автором как категории духовные и незыблемые, в которых совершается акт творчества и самосознания. Волошин считал: «все, что есть во времени, осуществляется лишь однажды и в течение одного мгновения. Пророчество – только намек на возможность события, если же слово равносильно тому, о чем повествует, то оно перестает быть пророчеством, а становится произведением поэзии и этим устраняет возможность иного осуществления» [4, с. 125].

Мифопоэтическое мирозерцание М. Волошина зиждется на понимании полноты бытия времени и пространства; понимания мгновения как элементарной частицы времени, в которой запечатлено вечное, а также на том, что преодолеть время можно, возвращая прошлое или устремляясь в будущее. Примечательны строки из стихотворения «В вагоне»:

*Ропот вечный,
Шепот сонный
В мир бездонный
Мысль унес... [3, с. 26].*

Поэт осознает себя странником, искренне верящим в истинное счастье [Там же, с. 27].

Сборник открывается характерной для Волошина строфой:

*... И мир, как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод... [Цит. по: 7, с. 287].*

Поэт создал удивительной «образ замкнутой души», по выражению Вяч. Иванова. «Это лирика ума, лирика эмоций и созерцаний, схваченных рассудком» [6, с. 287]. «Это бессмертный, неутомимый дух в его земной ипостаси, “себя забывший бог”, тоскующий по Вселенной и вечности, но обреченный земным путям и трагедиям» [Там же].

Высшая точка соприкосновения времени и пространства – человек, который творит миф о себе. Поэтому уже в первой книге «Годы странствий» ряд стихотворений посвящен людям, с которыми конкретно был близок М. Волошин. В них он стремится открыть лик, срывая всяческие маски. Так, в стихотворении «В цирке» Максимилиан Волошин воссоздает образ поэта Андрея Белого – клоуна-мифотворца, соприкоснувшегося с пошлостью жизни, но огненного и живого [3, с. 27–28].

В принципе, лик Андрея Белого, представленный в данном стихотворении, соответствовал мифопоэтизму творческой личности, о чем свидетельствует мысль, что поэт должен сгореть в мире ради красоты и любви и для того, чтобы найти себя в ближнем. Эти изначальные понятия, ставшие сущностными для поэта, волновали его с самого начала жизненного и творческого пути. Оценивая творчество Бальмонта, Волошин в стихотворении «Рождение стиха» писал:

*О, запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучьи...
И сразу все стало светло и велико...
Как ночь лучезарна! [3, с. 28].*

Эти строки соответствуют стремлению Бальмонта к лучезарному и светлому мифу, в основе которого Солнце как источник Света и Совести в прямом и иносказательном смысле этих слов.

Несколько иного типа мифопоэтика находит отражение в стихотворении «Небо запуталось звездными крыльями», посвященном Ольге Муромцевой, в которую поэт был влюблен в 1902 г. В основе стихотворения – переосмысление мифа об Акционе. Согласно мифу, Акцион – прекрасный юноша, влюбленный в Артемиду, которая превратила его в оленя. Благодаря древнему мифу, М. Волошин, с одной стороны, воссоздает лик своей возлюбленной, с другой – отражает мир измученной любовью души, где *Грустная девочка и Гордость ... и жажда любви ... и томленье...* [Там же, с. 29].

Безусловно, определяющим для поэта, как и автора данной статьи, являлся и является цикл стихотворений «Когда останавливается время» (1903–1905 гг.). «Поэтическое бытие воспринимается вне времени и пространства <...> А пространство в данном случае лишается видимых границ. Звездный небосвод, окружающий поэта, делает его соприродным космосу, “восхищает” от земли и обрекает на одиночество. Одиночество в философско-мировоззренческом плане – неизбывное состояние поэта» [7, с. 287].

Следует заметить, что цикличность, свойственная творчеству Волошина, восходит не только к процессу мифотворчества, но и является своеобразным образованием, свойственным литературе рубежа веков, которой *присуще становление и проблема пути*, что отмечает Л. Долгополов: «Лирическая поэма, цикл стихотворений, стихотворный сборник становятся основными жанрами поэтического творчества в начале века. В центре каждого из этих жанровых образований находится воспроизведение внутреннего мира поэта, представленного, однако, в формах объективированных, т.е. соотносенных с действительной жизнью. Лирический

герой получает черты личности, формирующейся в процессе *становления* (выделено мной. – М.З.), т.е. по этапам ее внутреннего созревания. В сознании поэта оформляется специальная и важная проблема – проблема пути, реализуемая в стихах как идея судьбы, соотносимой с историческим ходом времени» [6, с. 107–108].

Цикличность поэтического творчества М. Волошина тесно связана с цикличностью истории. Эта идея открывала для него перспективу осмысления духовного бытия человека на основе уже устоявшихся архетипов и мифологем. В волошинском цикле каждое стихотворение – показатель того или иного этапа его *духовного становления*. Образ остановившегося времени восходит к библейскому сюжету, описываемому в книге «Иисус Навин». Для поэта остановившееся время – это мгновение, точка соприкосновения времени и пространства, через которые проявляется лик человека, его подлинная сущность, его пророческое видение. В связи с этим Максимилиан Волошин писал: «Единственная связь между временем и пространством – это мгновение. <...> Способность пророчесственного видения связана неразрывно с углублением во мгновение» [2, с. 100]. Такое понимание времени и пространства находилось в русле религиозно-мифологических исканий поэтов рубежа веков (цикл стихотворений «Мгновение» В. Брюсова, «II симфония» А. Белого и др.).

Уже первое стихотворение «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо» передает ощущения остановленного времени, в котором человек пытается осознать себя как самость, необходимую бытию. Не случаен основной образ этого стихотворения – *Лампа Психеи*, которую поэт несет в руке. Этот образ восходит к греческому мифу о Психее. Как известно, Психея – олицетворение души, а лампа Психеи – это светильник, которым по легенде она осветила, несмотря на запрет, лицо спящего Амура: *Лампу Психеи несу я в руке – / Синее пламя познания* [3, с. 29–30]. Но за синим пламенем познания следует не радость бытия, а ощущение неполноты, временного разрыва, согласно Екклесиасту, умножающих скорбь, когда «мы еще не родились» [Там же, с. 30].

Сочетание библейского и античного понимания остановленного времени как разрыва бытия М. Волошиным воспринимается как вселенский акт творческого переосмысления, как акт духовного становления, которое возможно через мгновение пути. Стихотворение можно отнести к жанру мифо-философской лирики. Поэт использует дактиль. Стихотворный путь передается в четком использовании художником перекрестной рифмовки. В первом катрене в четных строках – дактилическая рифма, в нечетных – мужская. Но во второй и третьей строфе вместо дактилической используется женская рифма и тем самым как бы подчеркивается,

что разговор идет о душе, женском начале пути, которому свойственна преходящность и мгновенность. Не случайно и то, что следующее стихотворение начинается со слов: *Быть заключенным в темнице мгновенья* [3, с. 30].

Мгновение в данном случае отождествляется М. Волошиным с настоящим. Для поэта у настоящего нет граней, оно еще не стало будущим и не совсем порвало с прошлым, о чем свидетельствует уже процитированный выше стих. Вместе с тем, темница мгновений – это трудный путь постижения себя, творения собственного мифа, когда *Память – неверная нить Ариадны – / Рвется в дрожащих руках* [Там же]. Нить Ариадны для поэта – символ мучительного поиска и блуждания духа. В мгновении: *Смерть и Рождение – вся нить бытия* [Там же]. Так время для М. Волошина становится дискретным, т.е. разбитым на мельчайшие мгновения, которые воссоздают единую нить бытия, Вселенскую мозаику. Такое понимание времени, на наш взгляд, идентично с пониманием времени в библейской книге Иисуса Навина [10:13].

Подтверждает библейские слова третье стихотворение цикла «И день и ночь шумит угрюмо»: *Я бесконечность стерегу / Средь свиста, грохота и шума* [Там же]. Т.е. из бездны остановившегося времени поэт пытается постигнуть бесконечность, что соответствует восприятию Вечности как Полноты Бытия и Вселенской правды, которую осуществляет Бог. Поэт использует четырехстопный ямб при кольцевой рифмовке (как известно, кольцо символизирует вечность, и М. Волошин вводит себя и читателя через мгновение стиха в круг вечности): 1-я, 4-я, 6-я, 7-я строки – женская клаузула, 2-я, 3-я, 5-я, 8-я – мужская. Тексту свойственна ритмическая упорядоченность, в 1-х и 5-х стихах удлинённая стопа. Рифмы точные.

Если первые три стихотворения цикла «Когда время останавливается» отражают: а) постижение разрыва времени; б) осознание мгновения как точки соприкосновения времени и пространства в Вечности; в) стремление через мгновение узреть бесконечность; то в четвертом стихотворении «По ночам, когда в тумане» М. Волошин формирует образ *поэта-странника*, которому выпало на долю сосчитать *мировые пути и силы, Со всего, что в формах, в цвете, / Со всего, что в звуке слов* [3, с. 31].

В каждом мгновении М. Волошин жаждет узреть вечное, которое, благодаря слову, воплощается, преобразуется и становится смыслом бытия, смыслом мифа, который творит сам поэт. Но за этой вечностью скрывается парадоксальная ясность, беспощадность, суровость и ужас. И это не случайно, ибо остановившееся время – это мгновение вечности, разрыв бытия, зияние, где есть все неизбежное, остановившееся. Именно в

мгновенном вечность обнаруживает противоречивый лик, который *полон звездным ужасом* [3, с. 32].

Выстраиваясь в единое жанровое целое, стихотворения данного цикла, благодаря библейскому образу Остановившегося Времени, формируют своеобразную мифологиему: время – мгновение – вечность. Поэт рассматривает время как духовную субстанцию, в которой проявляется человеческая суть. Об этом сказано М. Волошиным в статье «Аполлон и мышь»: «Время – вечность, напряженная и вечно движущаяся сфера внутренних интуитивных чувствований, которая нашему логическому сознанию представляется огромной горой тьмы и хаоса, потрясается до основания, и из трещины рождается бесконечно малое мгновение – мышь. Гора рождает мышь, так же, как вечность рождает мгновение» [2, с. 101]. Мифологема времени выступает у М. Волошина проявлением книги Бытия и аполлонистического духа.

Цикл стихов «Когда останавливается время» и статья «Аполлон и мышь», написанные одновременно, явились для М. Волошина отправной точкой постижения времени и пространства, своеобразным отражением мифотворчества и житнетворчества, основой мистериального отношения к бытию, которое он продолжит познавать.

Библиографический список

1. Волошин М.А. Записные книжки / Вступ. ст. В.П. Купченко. М., 2000.
2. Волошин М. А. Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров; Вступ. ст. С. Наровчатова. Л., 1988.
3. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / Вступ. ст. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. М., 1991.
4. Волошин М.А. Ногомедон // VIII и IX Волошинские чтения. Материалы и исследования. Крым. Коктебель. Дом поэта 26–31 мая 1997. Симферополь, 1997. С. 125.
5. Волошин М. Избр.: Стихотворения, воспоминания, переписка / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. З. Давыдова, В. Купченко. Мн., 1993.
6. Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. Л., 1985.
7. Пинаев С.М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог. М., 2005.

В.А. Соколова

Особенности употребления основных образов в поэзии Ирины Кнорринг

В статье рассматриваются одни из основных образов поэзии Ирины Кнорринг (1906–1943), представителя младшего поколения первой волны русской эмиграции. Материалом послужили стихотворения зрелого периода творчества, 1930-х гг., в которых используются образы темноты, ночи, тишины, боли и тоски. Анализ представленных стихотворений позволяет лучше понять завершающий этап творческого пути Ирины Кнорринг с его усилившимся трагизмом мироощущения. При этом фокус исследования сосредоточен на индивидуальных особенностях употребления образов автором.

Ключевые слова: Ирина Кнорринг, «дневниковая» поэзия, поэтический образ, образ темноты, образ боли, образ тоски.

Поэзию Ирины Кнорринг (1906–1943) отличает искренность и естественность дневника. Эта манера письма проявилась у нее очень рано – в детстве, во время скитаний ее семьи в годы Гражданской войны по югу России [4; 6], а в дальнейшей эмигрантской жизни эта черта сблизила творчество Кнорринг с поэзией «парижской ноты».

Формально не относясь к этому течению, Кнорринг была близка к ней интонационно, и слова, сказанные Ю. Иваском о «ноте», соотносимы и с ее творчеством: «Простота в изложении, размышления о самом главном, тоска и порывы...» [3, с. 46]. Несколько ранее, хоть и в критическом ключе, о приглушенной интонации «парижан» сказал А. Бем [1, с. 317], их идейный противник.

В дальнейшем особая интонация у Кнорринг будет отмечена многими критиками. Так Г. Струве в своем труде «Русская литература в изгнании» писал, что ее поэзия «очень личная – едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе» [7, с. 238]. А Георгий Иванов в статье «Поэзия и поэты», рассматривая ее посмертный сборник «После всего» (1949), сказал своеобразное надгробное слово: «Кнорринг была не очень сильным, но настоящим поэтом. Ее скромная гордость и требовательная строгость к себе, мало кем оцененные, будут, я думаю, все же со временем вознаграждены. У скромной книжки Кнорринг есть шансы пережить многие более “блестящие” книги ее современников. И возможно, что, когда иные из них будут давно “заслуженно” забыты, – бледноватая прелесть стихов покойной Кнорринг будет все так же дышать тихой, не

яркой, но неподдельно-благоуханной поэзией» [2, с. 585–586]. Чтобы увидеть эти черты в живой стихотворной ткани, обратимся непосредственно к поэтическим текстам и рассмотрим употребление основных поэтических образов, формирующих глубоко индивидуальную камерную поэзию Кнорринг.

Для этой цели мы выбрали следующие произведения: «Надоели скитанья без цели...», «Собаки», «Окно в столовой», «Где-то пробили часы...». Все они написаны в 1930-е гг. и представляют творчество уже сложившегося зрелого поэта. При анализе этих произведений мы будем опираться на образы, характерность которых для поэзии Кнорринг показывает частота употребления некоторых слов. Так, в книге «После всего» [5], на данный момент наиболее полное собрание ее поэтических текстов (содержащем 2503 поэтические строки, включая 2 эпиграфа с самоцитированием), слово *ночь* и его производные формы употребляется 61 раз (для немногословной лирики Кнорринг – это достаточно часто), *тишина* – 52 раза, *темнота* – 50 раз, а *боль* и *тоска* – 35 раз. Все они входят в группу 50 наиболее употребляемых автором слов.

В стихотворениях Кнорринг, в том числе и выбранных нами, чувствуется особая интонация, выделяющая ее поэзию среди других лириков русского зарубежья – скорбная печаль и тихий голос. Используемые в них образы темноты, боли, ночи, тишины и тоски являются одними из основных в поэзии Кнорринг. Важно, что среди выбранных стихотворений представлены и личные мотивы, доминирующие в ее творчестве на протяжении многих лет, и те, поздние, связанные с войной, что выводят за рамки личных переживаний и возвращают ее поэзии качества гражданской лирики, проявлявшиеся у нее на раннем этапе творчества.

Первое из выбранных нами стихотворений, «Надоели скитанья без цели...», [5, с. 71] относится к 1931 г.

Стихотворение – знаковое, его строки *Ночью снятся мне белые стены / И широкие окна на юг* дали название второму сборнику стихов Ирины Кнорринг «Окна на север» (1939). Мы видим изначально заложенное автором противопоставление своей обыденной тяжелой жизни и невозможной мечты. Повседневность предстает как непрерывная череда скитаний, связанная с глубокой раной – потерей родины и невозможностью вернуться, закончить бег. Эта ситуация представлена как данность. Слова *скитанья без цели, бивуак* в тексте прямо указывают на отсутствие дома, а давящая атмосфера обреченности подчеркивается перечислением пристанищ с *примитивно непрочным уютом*. Кнорринг описывает те места и отели, где приходилось жить большей части русских эмигрантов, как *закоулки глухие, кривые и облупленные*,

неживые, / двухсотлетние эти дома. Помимо боли и тоски сквозит здесь бесконечное экзистенциальное одиночество человека, брошенного в холодный внешний мир. Романтизация такого состояния возможна лишь через *фальшиво-восторженные слова* и опровергается реальностью *грязных углов*.

Мотив одиночества особо подчеркнут повтором: *одиночество темных отелей, / одиночество темных минут*. При этом значение образа темноты расширяется: с одной стороны – это темнота помещения, с другой – *темные минуты*, мрак души. Образ темноты входит в описание быта через перечисление: *нищета, темнота, полутьма*. В следующей строфе (*этих грязных и темных углов*) помимо бытописания дается физическое ощущение спертости и давящего пространства. (Перед нами предстает картина, сходная с описаниями подобных «углов» у Ф.М. Достоевского и других классиков русской литературы, что лишний раз подчеркивает укорененность творчества Кнорринг в литературной традиции.)

Кнорринг характеризует жизнь следующим образом: *Жить, подобно бездомной собаке, / Не приткнуться нигде, никогда...* Прожитые годы получают у нее характеристику неживых, а жизнь – *тугой, неизменной*. Причем слово *неизменная* выделено особо, отдельной строкой, поскольку оно призвано подчеркнуть невозможность выхода из *заколдованного круга* – образ, взятый из фольклора, а в повседневном обыденном использовании подчеркивающий бессмысленность и безнадежность ежедневного повторения. Такому существованию противопоставляется недостижимый сон про *белые стены / и широкие окна на юг*. Свет, белый цвет и пространство, показанное через широкие окна, дано по принципу контраста с описанным выше номером отеля. Образ темноты, по количеству упоминаний явно преобладающий в стихотворении, противопоставлен образу белого цвета.

Рассмотренное стихотворение поднимает тему скитаний, отсутствия дома, и – в скрытой форме – отсутствия родины. Символом этой утраты может служить используемый Кнорринг образ бездомной собаки. С его помощью перебрасывается своеобразный смысловой мостик к ее следующему стихотворению «Собаки» [5, с. 90–91]. Оно написано в 1933 г. и представляет нам развитие рассматриваемого образа. Однако есть между этими обращениями к одному и тому же образу важное отличие. В предыдущем стихотворении образ собаки был призван символизировать тяжесть изгнанничества и характеризовать переживания лирической героини, в стихотворении 1933 г. образ собаки пришел из внешнего мира как его деталь.

Эпиграфом Кнорринг берет строку *О лай – о чем-то знающих собак!* Довида Кнута, представителя своего поэтического поколения.

Образы темноты и мрака, как ее апофеоза, открывают стихотворение: *В тяжелом сгустившемся мраке, / На темном пустынном дворе....* Присутствующая здесь «логическая неправильность» (мрак на темном дворе) создает особо тягостное ощущение темноты. Впечатление усилено и эпитетами *тяжелый, сгустившийся, пустынный*. Конура на дворе, по сути, представляет то самое спертое пространство, которое уже появлялось в предыдущем стихотворении в образе давящего на сознание крошечного номера отеля. Потому в следующей строфе Кнорринг так свободно переходит к описанию собственных переживаний. *Мне страшно, мне тесно, мне скучно...* – эти слова передают ощущение тоскливой безысходности. Особое внимание стоит обратить на слово *тесно*, которое придает всей группе характеристику замкнутого пространства. Только в данном случае это пространство внутреннее, душевное.

Прослеживается и определенная оппозиция образов: с одной стороны – душа героини с ее переживаниями, с другой – образ неотлучно находящегося на дворе пса. Особое знание, доступное собакам, заявлено еще в эпиграфе. От него Кнорринг во многом и отталкивается, когда пишет: *О чем они знают, собаки?* (интересна и речевая шероховатость самого выражения – *о чем они знают* вместо *что они знают*). И далее строка *Приподняты чуткие уши...* говорит о чуткости к чему-то такому, что не чувствует человек. Эта инаковость подчеркивается словами *по-волчьи сверкают глаза*, в которых, вместе с тем, заключено предчувствие опасности, заставляющее собаку превращаться в волка.

Оба – и человек, и зверь – томимы ощущением тревоги, приближением чего-то неясного, давящего. Поэтому героине *тесно и душно*. От этого ощущения духоты и физической, и эмоциональной у героини возникают слезы – *бессильные, безволие* (отметим используемый неологизм).

О чем же идет речь? Обратимся к дальнейшему тексту Кнорринг: *И хочется крикнуть: “Мне больно! / Я долго, я страшно больна!”*. Здесь одновременно говорится о душевной боли и многолетней тяжелой болезни Кнорринг – сахарном диабете. Таким образом, физический и эмоциональный планы соединяются.

Тема болезни в ее творчестве плотно связана с темой смерти, особенно явно это проявляется в последние годы жизни. *Над черной, ночной колокольной / Блестит неживая луна* – образы смерти, переносимые на природу. Вообще для поэзии Кнорринг использование образов ночи и ночных пейзажей достаточно характерно, и связаны они с глубокими переживаниями и размышлениями о жизни. Образ колокольной также

возникает на фоне ночного пейзажа, поскольку колокольня связана с часами, то этот образ указывает одновременно и на вечность, и на конечность жизни. В одной небольшой фразе проглядывает мироощущение поэта. Следующей строкой Кнорринг обрывает это слишком глубоко зашедшее повествование, рывком возвращаясь в реальный мир: *И первым раскатистым лаем / Мне вторит бессонная ночь....* Внешний мир отзывается на внутренние переживания героини.

Строки *Я слабая, глупая, злая, / И кто мне посмеет помочь?* – своеобразная кульминация стихотворения. Подобная самохарактеристика во многом связано с оценкой Кнорринг своей жизни как неудавшейся. Интересно и то, как звучит вопрос: *кто мне посмеет помочь?* В слове *посмеет* ошутим определенный вызов. Вероятнее всего, что слово использовано как синоним слов *решился, рискнет*, но, на наш взгляд, здесь присутствует и вопрос к высшим силам.

Далее следует описание, *Я вижу, как длинные тени / Трепещут под белой стеной*, передающее контраст темного и белого цвета. Тени соединяются с образом *безликого – жестокого-чужого*, приближающегося, ползущего по ступеням. Этот образ у Кнорринг нельзя назвать распространенным. *Безликий* символизирует образ неведомого, страшного, своеобразной «изнанки» внешнего мира, который мучает человека. Во многом это отголосок тем болезни и смерти.

Безусловный успех Кнорринг в создании этого образа – в отсутствии детализации, в добавлении загадки и смысловой глубины. От него действительно веет сверхъестественной жутью: *Он может смеяться беззвучно, / Пройти сквозь закрытую дверь*. И тут же идет очередное снижение напряжения: *И снова мне страшно, мне скучно / От невыразимых потерь!* Подразумеваемое слово *больно* заменяют слова *страшно* и *скучно*, которые в поэтическом словаре Кнорринг служат для передачи боли и безнадежности жизни. Это их значение подкрепляется и словами самой Кнорринг, говорящей о невыразимых потерях.

В итоге боль и невозможность ее избыть приводят к молчанию и мраку: *Молчанье, пустое молчанье. / Тяжелый, бесформенный мрак*. Молчанье (характерно, что оно пустое) – одновременно и реакция героини, и действие внешнего мира. Мрак же – и концентрированный образ темноты, и в то же время скрытый образ смерти как распада формы. Именно это бесформенное давящее проявление внешнего мира и узнают рычащие собаки.

Рядом с образом темноты в стихотворении соседствует другой, не менее характерный для Кнорринг образ тишины. Тишина у нее присутствует даже на фоне лая собак, она – явление глобальное, практически всегда

связанное по смыслу с образами темноты, тоски и боли. В образе тишины (и ее варианта – молчания) проступает тема глубокого одиночества, которая пронизывает всю лирику Кнорринг.

Еще глубже эта тема раскрывается в стихотворении «Окно в столовой» [5, с. 106–108] 1938 г.

Образы темноты и ночи опять господствуют, стихотворение открывается словами *Снова – ночь. И лето снова / (Сколько грустных лет!)* – произносит героиня, развивая мысль о бесконечном одинаковом повторении времени. Слово *лето* и его множественная форма *лет* употребляется тут сразу в двух значениях: для констатации времени года, а затем в значении *грустных лет*, повторяющихся по заведенному кругу. Тому самому заколдованному кругу из первого рассмотренного нами стихотворения – «Надоели скитанья без цели...». Здесь Кнорринг воссоздает его через описание: *Папироса. Пламя спички*. Она верна заветам акмеизма, передающего сознание через бытие. Картина действия рисуется отдельными штрихами. Во многом эта обрывочность оправдывается еще и тем, что комната изначально погружена во мрак: *Я в прокуренной столовой / Потушила свет*, происходит уход во тьму внешнюю и внутреннюю. Неслучайно соседствуют слова *мрак* и *тишина* – это не просто пустота комнаты, это два важных образа-символа в поэтической системе автора, означающие обреченность и одиночество.

Тишина – сквозной образ практически всех стихотворений Кнорринг. Он связан с одиночеством души. В поздней поэзии к этому чувству добавляется еще и восприятие тишины как привычного состояния больного одинокого человека, соединяясь с привычной покорностью судьбе: *И покорно, по привычке / Встала у окна*. Покорность эта связана с болезнью и осознанием своей жизни как неудавшейся.

Мрак и тишина лишь обостряют эти переживания. Героиня обращается к воспоминаниям и подводит итоги: *Сколько здесь минут усталых / Молча протекло!* Так стекло окна, что характерно, *темное*, становится отражением душевной боли лирической героини. Вообще образ окна у Кнорринг один из распространенных и является символом связи с внешним миром, находящимся за стенами дома и вне самой героини. По сути, окно – это «взгляд» наружу, связь с жизнью, в отличие, например, от двери, образ которой используется редко и не предназначается в поэтической системе автора для общения и взаимодействия, скорее, служит разделению людей.

Также *темное* окно (во многом и самохарактеристика), помимо боли за прошедшие годы, отражало еще и *много слов и строчек четких*, т.е. с образом окна в данном случае увязывается один из главнейших аспектов

жизни Кнорринг – творчество. Эта строфа обрывается многоточием, за которым скрывается многозначительная недосказанность.

Возвращаясь из мыслей о прошлом к настоящему, героиня отмечает обыденную, на первый взгляд, деталь:

*В отдаленье –
Гул Парижа
(По ночам – слышней).*

Этот гул – символ внешнего мира, и воспоминание об оставленном ею литературном мире Монпарнаса, куда ее муж, поэт Юрий Софиев, продолжал уходить вечерами, и откуда она ожидала его возвращения. Неслучайно *гул Парижа* даже выделен отдельной строкой. Он находится в отдалении, указывая на разъединенность героини с жизнью внешнего мира, а по ночам становится *слышнее*. Внешний гул просачивается сквозь тишину ближайшего круга пространства, осознаваемого как своего, почти всегда «ограниченного», небольшого. *Я ведь только мир и вижу, / Что в моем окне*, – признается она, передавая ощущение тесноты с помощью образа окна (не двери) как единственного выхода во внешний мир. Это чувство подчеркивается и видом, открывающимся ей из окна: *Вижу улицу ночную, / Скучные дома*. Характерно использование эпитета *скучные* в отношении домов, который говорит не только об их непривлекательном виде, но и о перенесении на них эмоций героини. Параллель между внешней жизнью и внутренними переживаниями в следующих строках выводится еще объемнее:

*Жизнь бесцветную,
Пустую,
Как и я сама.*

Кнорринг говорит о глобальных пустоте и одиночестве: пусто во вне, пусто и во мне. И когда эту *суровую тоску* не хватает сил *превозмогнуть*, героиня обращается к конкретному моменту, растворяется в *тишине* и *ночи*. Прежде негативно окрашенные образы приобретают новые смысловые оттенки. Так тишина и темнота ночи оказываются неожиданно защитниками от тоски. Заданные в начале стихотворения как отражение одиночества и обреченности, к концу они, не меняясь кардинально, приобретают дополнительные значения покоя, воспоминаний, возможности принятия себя и своей боли.

Тема одиночества раскрывается глубже и под новым углом зрения:

*Прислонясь к оконной раме
В темноте ночной,
Бестолковыми стихами
Говорю с тобой.*

Идет обращение к мужу, и на фоне темы одиночества подспудно поднимается одна из главных тем поэзии Кнорринг – любовь. При этом общение двух человек происходит не напрямую, а косвенно, через поэзию. Вновь вплетается и мотив творчества, осознаваемый Кнорринг, если не как основа собственной жизни, то, без сомнения, как глубоко правдивое истинное ее содержание. И характеристика стихов *бестолковые* – здесь более самохарактеристика.

В этом ночном разговоре героине отвечает не отсутствующий *ты*, а *наши камни, наши звезды / и цветы в окне*. Т.е., несмотря на отсутствие прямого ответа с его стороны, отвечают те предметы, которые связывают этих двоих и имеют для них свое особое значение – *наши* – наши с тобой. В этой системе ценностей камни, цветы на окне и звезды оказываются равноценными величинами. И отвечают они *всегда тепло и просто*, утешая и ободряя. Само слово *просто* у Кнорринг имеет положительное значение. И связано оно с ее стремлением видеть красоту и смысл внешнего мира в повседневных простых вещах, в противовес метафизическому восприятию мира. Ее вообще привлекает акмеистическая традиция, усвоенная на раннем периоде творчества через поэзию Ахматовой.

Такое изображение действительности мы находим и позднее, в ее стихах военного времени, где отразились темы смерти и войны. В последний период творчества Кнорринг, когда в ее жизнь вошла Вторая мировая война и усилилась многолетняя болезнь, размышления о болезни, войне и близкой смерти тесно переплелись в ее стихах. Одно из таких стихотворений – «Где-то пробили часы...» [5, с. 112], датированное ноябрем 1940 г.

Стихотворение открывается образом часов, которые находятся на колокольне, перекликаясь с образом колокольни в стихотворении «Собаки». Ночная тематика опять оказывается ведущей. Часы и колокольня в образной системе Кнорринг практически всегда связаны с этим временем суток. Таким образом, данное стихотворение представляет собой еще одно ночное размышление героини, только в этот раз она говорит о вещах глобальных. Для этого периода ее творчества характерен выход за рамки внутреннего камерного круга и проникновение в ее поэзию гражданских мотивов.

Также с первых строк появляется и образ болезни: *Всем, кто унижен и болен, / Кто отошел от побед*. Кнорринг говорит во многом о себе. Это ее сломила болезнь. Фразу-обращение к тем, *кто отошел от побед*, можно понимать обобщенно, как связанную с войной (относящуюся к Франции, победившей Германию в Первой мировой войне, а теперь в 1940 г. самой вынужденной капитулировать). Однако, зная творчество

Кнорринг, следует всегда помнить о слое индивидуального прочтения (субъективное для нее важнее объективного), присутствующем в ее текстах. Общее поражение созвучно внутреннему ощущению поэта: свою жизнь Кнорринг считала «проигранной».

Теперь она адресует *братский привет* таким же, как и сама, униженным и больным, сопереживает им. Речь о людском братстве – проявление тех общественных мотивов, о которых говорилось выше.

Эта человеческая близость возникает от общего несчастья. Людей объединяет беда. Характерно и то, что привет идет от часов и колокоelni: *Всем этот братский привет / С древних ночных колоколен*. Образ часов у Кнорринг неизменно связан с ощущением напряженной атмосферы, тяжести жизни, свершившейся утраты или же смутном предчувствии ее. Здесь мы видим характерный пример раскрытия этих смыслов в конкретном стихотворении, где часы отмеряют время, соответственно, и боль. Колоколни, на которой они расположены, есть также символ вечности: они древние, они предстают перед нами как своеобразные вехи в потоке времени. И ночная их суть тоже неслучайна, это передача состояния души.

Ночное состояние передается и другими семантически близкими образами – туманом, мглой. В *мерзлом и мутном тумане* слышится стенание военных сирен. Здесь нет отсылки к мифологии. (Возможность такой отсылки была отчетливо пресечена Ириной Кнорринг при упоминании сирен в стихотворении 1939 г. «О чем писать? О лете, о Бретани?»: *Где рев сирен (других сирен!) в тумане* [5, с. 110].)

Поэт рисует картину войны, которая захватывая все окружающее пространство, – землю, воду, небо:

*Шум авионов во мгле,
Пушечный дым на земле,
И корабли в океане!*

При этом образ врага как человека не возникает, война для нее – глобальное зло.

Перед лицом этого зла она обращается к единственной силе, способной противостоять происходящему – Богу: *Господи, / Дай же покой*. Характерно и то, что обращение она выделяет отдельной строкой. Ее отношения с Богом, отраженные в поэзии, подчас сложны, но в данном случае перед нами традиционное моление за мир. Лирическая героиня просит покоя

*Всем твоим сгорбленным людям:
Мирно идущим ко сну,
Мерно идущим ко дну,
Вставшим у темных орудий.*

Она просит и за тех, кто не участвует в войне, и за умерших или погибших, и за воюющих.

Первые и вторые погружены в сон – временный или вечный, что подчеркнуто созвучием слов *мирно* и *мерно*. Третьи же бодрствуют у *темных орудий*. Интересно двойное значение образа *темных орудий*: они объединяют в себе и *грозные*, и *защитные* функции. Это образ не только тех, кто воюет, но и кто защищает. Позднее Кнорринг воспоет их как героев Сопротивления. Однако здесь можно найти и возможное прощение врагов, людей вставших у орудий с другой стороны, – то чувство, которое позднее выльется в стихотворение «Уверенный, твердый, железный...» (1942), обращенное к немецкому *мечтательному* мальчику-завоевателю.

На примере рассмотренных стихотворений мы видим, как проявляются в поэзии Кнорринг характерные для нее образы темноты, боли и тоски. Чаще всего они воспринимаются слитно, используются для передачи глубины ее чувств. С ними вместе через все ее стихотворения проходит мотив тишины как одиночества. Мы видим, какую роль играют эти образы в стихотворениях с разной тематикой, видим, как в одном стихотворении может совмещаться несколько разных тем, что естественно для дневниковой поэзии. Лишь в произведениях позднего военного периода Кнорринг начинает заново выходить из круга личных тем. Хотя и здесь ее камерная поэзия придает гражданским мотивам ту особую интонацию, которая отличает И. Кнорринг от других поэтов.

Библиографический список

1. Бем А.Л. Поэзия Л. Червинской // Бем А.Л. Письма о литературе. Praha, 1996. С. 317–320.
2. Иванов Г.В. «Поэзия и поэты» // Иванов Г.В. Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. М., 1994. С. 583–587.
3. Иваск Ю.П. Поэзия «старой» эмиграции // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. П.Н. Полторацкого. Питсбург, 1972. С. 45–69.
4. Кнорринг И.Н. Повесть из собственной жизни: [дневник]: в 2 т. Т. 1. М., 2009.
5. Кнорринг И. После всего: Стихи 1920–1942. Алма-Ата, 1993.
6. Кнорринг Н.Н. Книга о моей дочери. Воспоминания. Алматы, 2003.
7. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж – Москва, 1996.

Д.Б. Терешкина

Интертекст «Четых-Миней» в рассказе Л.Н. Толстого «Алеша Горшок»

В статье рассматривается минейный интертекст в рассказе Л.Н. Толстого «Алеша Горшок». Агиографические топосы в изображении жизни героя от рождения до смерти, маркеры присутствия текста «Четых-Миней» в виде имен второстепенных персонажей, сюжетных и мотивных совпадений создают многослойность содержания произведения, расширяют его идейное значение.

Ключевые слова: «Четы-Миней», интертекстуальность, агиографические топосы, святость, околотекстовое пространство.

Агиографические традиции многих из произведений Л.Н. Толстого уже обнаружены и описаны исследователями. В творчестве великого писателя немало текстов, ориентированных на житийную традицию. Рассказ «Алеша Горшок» (создан в конце февраля 1905 г. [9, с. 499]) входит в их число. Однако это небольшое произведение, сразу после выхода из печати завоевавшее всеобщее признание и самые хвалебные отзывы (впервые рассказ был напечатан в «Посмертных художественных произведениях Л.Н. Толстого» в 1911 г.)¹, содержит гораздо более многослойный интертекст – минейный, т.е. восходящий к «Четым-Минейам», корпусу повествовательных агиографических текстов, расположенных по дням памяти святых и праздников церковного года. Рассказ об Алеше Горшке шире, чем житийное изображение пути праведника; на уровне аллюзий, имен, дат, прозвищ, тематических и мотивных элементов в него включены другие тексты агиографического круга, составляющие минейный интертекст рассказа.

Рассказ об Алеше Горшке представляет собой контаминацию житий праведника и юродивого.

¹ Александр Блок записал в дневнике за 13 ноября 1911 г.: «Гениальнейшее, что читал, – Толстой – “Алеша Горшок”» [2, с. 87]. Д.С. Святополк-Мирский, высоко оценивший рассказ, писал, что «Алеша Горшок» «произведение редкого совершенства, апофеоз святого дурачка, который сам не понимает своей доброты. На пяти-шести страницах рассказана история крестьянского мальчика, который всю жизнь на всех работал, но в простоте душевной и кротком смирении (непротивлении) познал тот внутренний свет, ту чистоту совести и совершенный покой, который был недостижим для всё сознающей, рациональной, беспокойной души Толстого» [6]. Сам писатель оценивал рассказ весьма скептически. В своем дневнике Л.Н. Толстой пишет: «Нынче 28 февраля 1905. Ясная Поляна. Писал «Алешу», совсем плохо. Бросил» [10, с. 210].

Имя героя отсылает к самому популярному тексту жития византийского святого – Алексея человека Божия (IV – нач. V вв.) [4], обнаруживая сходства не только в именовании героя Л. Толстого, тезоименитого великому святому, но и во множестве деталей и сюжетных мотивов. Алексей человек Божий носит церковное полное имя, означающее «защитник». Алеша Горшок за всю жизнь не удостоился полного именованя (был сначала Алешкой, потом Алешей, и все Горшком) – и не нуждался в имени Алексей, да и вряд ли слышал его по отношению к себе. В возрасте шести лет Алексей Божий человек начал изучать грамоту; Алеше Горшку грамота не давалась – он и молитвы не мог запомнить; *как его мать учила, он забыл, а все-таки молился и утром и вечером – молился руками, крестясь* [9, с. 198], в шесть лет начав работать наравне со взрослыми. Мотив неудачи в освоении грамоты отсылает к еще одному популярнейшему на Руси житию – Сергия Радонежского. Сергию было дано свыше постижение грамоты после видения – встречи со старцем; святой стал одним из самых прославленных русских преподобных. Алеша Горшок так и не смог стать грамотным, и Слово Божие словно перешло у него в дело. Вместо молитвенного утешения он служил людям работой и готовностью помочь во всем, к чему он был способен. Как свой великий тезка, всю свою жизнь раздававший милостыню (даже то, что ему, как нищему, в виде милостыни подавали), Алеша Горшок милостыней своей сделал служение ближним. *Точно был безответный, на все дела его посылали, и все он делал охотно и скоро, без останова переходя от одного дела к другому. И как дома, так и у купца на Алешу наваливались все работы. Чем больше он делал, тем больше все на него наваливали дела. <...> Только и слышно было “Сбегай, брат”, или: “Алеша, ты это устрой. – Ты что ж это, Алешка, забыл, что ль? – Смотри, не забудь, Алеша”. И Алеша бегал, устраивал, и смотрел, а не забывал, и все успевал, и все улыбался* [9, с. 197].

Радость становится главным чувством восприятия Алешей мира. Улыбается он не как слабоумный, потому что они бывают сумрачными и замкнутыми; улыбка Алеша основана на приятии мира и добросердечном послушании и смирении (*Всегда он был весел. Ребята смеялись над ним; он молчал либо смеялся. Если отец ругал, он молчал и слушал. И как только переставали его ругать, он улыбался и брался за то дело, которое было перед ним* [Там же, с. 196]). Алеша словно реализует ту модель христианского поведения (сам не зная про это), которая к каждому человеку – ближнему и дальнему – применяет одну форму обращения: «радость моя». Смирение, приятие мира предполагает прежде всего радость бытия («Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите» (1 Сол.

5:16–18). Алеша Горшок, не умеющий вербализовать свои чувства по отношению к другим, словно подтверждает этимологическую близость слова *радость* с понятием *радеть*, в котором помощь ближнему сопряжена прежде всего с бескорыстной любовью к нему.

Алексей человек Божий добровольно отрекся от своего высокого по рождению статуса, ушел из отцовского дома, принял на себя вид юродствующего, терпя лишения и поругания на чужой стороне. Алеша Горшок – «юродивый», «дурачок» по рождению. Житийный контекст подкрепляется фольклорным представлением о младшем в семье сыне как об Иване-дураке, простодушном, глуповатом, благодарным жизни и окружающим. Актуализированное в рассказе именование *дурак* прямо отсылает к понятию *юродивый*, в русском сознании синонимичному («Божий человек» – дурак, блаженненький, юродивый, Христов человек, юрод, дурачок, юродивец, блаженный). Умственная ограниченность Алеши подчеркивается его прозвищем; в русских фразеологизмах закрепилось выражение *голова как пустой горшок*.

Путем именной аллюзии и детали, перешедшей в прозвище, в контекст рассказа об Алеше Горшке входит еще одно житие святого – Иоанна Большого колпака, юродивого XVI в., широко почитавшегося не только в Москве, где он подвизался, но и во всей Руси. Горшок – прозвище, данное Алеше во младенчестве; оно объясняется автором эпизодом, послужившем лишь поводом к образованию прозвища (*Прозвали его Горшком за то, что мать послала его снести горшок молока дьяконице, а он споткнулся и разбил горшок. Мать побила его, а ребята стали дразнить его “Горшком”. Алешика Горшок – так и пошло ему прозвище* [9, с. 196]).

На самом деле прозвище Алеши отражает его мирскую сущность, поскольку *горшок* в повседневной жизни славян связан множеством архетипических смыслов. Горшок связан с символикой печи и земли, представляется вместилищем души и духов. Горшок антропоморфен – части его называются так же, как органы человеческого тела (горло, ручка, носик). Примечательно, что зафиксированная В.И. Далем загадка-притча о горшке звучит как «свернутая» «Четья-Миней»: сравнение этапов «жизни» горшка как основного предмета домашней утвари с эпизодами житий наиболее почитаемых православными святыми придает образу высшую степень уподобления человеку в его последовательной («минейной») судьбе («Взят от земли, яко Адам; ввержен в пещь огненну, яко три отрока; посажен на колесницу, яко Илия; везень бысть на торжище, яко Иосиф; куплен женою за медницу, поживе труженикомъ в огне адском и надсадися; облеченъ бысть в пестрые ризы, и нача второй

век житии; по одряхлении же разсыпая, и земля костей его не приемлет») [3, с. 383]. «Параллелизм между судьбой человека и горшком проявляется в обрядах бития посуды, отмечающих переломные моменты в жизни человека (рождение, свадьба, похороны)» [11].

Сема «горшок» актуализируется в тексте рассказа в упоминании о том, что кухарка Устинья оставляла Алеше в горшке кашу с маслом, потому что он никогда не успевал к обеду, за обилием дел и поручений. Примечательным оказывается изображение смерти Алеши: *Говорил он мало. Только просил пить и все чему-то удивлялся* [9, с. 200]. У некоторых славянских народов был обычай в гроб ребенку ставить кувшин с молоком, а взрослым – горшок с водой. «В Пинском уезде за гробом несли в горшке освященную воду, которой окропляли могилу, остатки воды там же выливали, а сам горшок, перевернув вверх дном, ставили в головах покойника сверху могилы для того, чтобы ему на “том свет”» было чем пить воду» [11]. Умиравший Алеша Горшок просил пить, словно не успев наполниться за свою недолгую жизнь. Лишенный большого ума от природы, он был обездолен и по воле людей, которым он всю свою жизнь служил. В рассказе это единственное упоминание о просьбе Алеши – все остальное время он исполнял чужие просьбы и требования. Прозвище *Горшок* отсылает также к одному из наиболее распространенных топосов житий преподобных: «сосуд избран» [7, с. 452–455]. Высокое именование вместилища Святого Духа преобразовано в простонародное «горшок», но агиографическая аллюзия слишком прочна, чтобы не предполагать в малоумном Алеше эту избранность.

Мотив неудавшейся женитьбы Алеши вновь отсылает к житию Алексея человека Божия. В день обручения святой оставил свою молодую жену, так и не ставшую ему супругой по плоти. Алешу Горшка лишает женитьбы отец, и Алеша покоряется отцовской воле, оставаясь девственником не по призванию, а по смирению. Кухарка, на которой думал жениться Алеша, даром носит имя Устинья: святая с таким именем (конец III – нач. IV вв.) прославлена вместе со своим праведным мужем Киприаном (память обоим празднуется 2 октября по ст.ст.), с которым она жила в духовном браке, как сестра с братом, отказавшись от богатого жениха-язычника. Именно с Устиньей у Алеши Горшка произошло величайшее для него открытие в жизни – осознание реальности христианской любви, хоть он, в силу своей умственной отсталости, и не мог найти названия этому чувству: *...он, к удивлению своему, узнал, что, кроме тех отношений между людьми, которые происходят от нужды друг в друге, есть еще отношения совсем особенные: не то чтобы нужно было человеку вычистить сапоги, или снести покупку, или*

запрячь лошадь, а то, что человек так, ни зачем нужен другому человеку, нужно ему послужить, его приласкать, и что он, Алеша, тот самый человек [9, с. 198]. Счастье принесло ему это открытие. Это счастье не омрачилось невозможностью быть Алеше вместе с Устиньей как мужу с женой, и даже это Алеша Горшок принимает с благодарностью, говоря перед смертью утешавшей его Устинье: Спасибо, Устюша, что жалела меня. Вот оно и лучше, что не велели жениться, а то бы ни к чему было. Теперь все по-хорошему [Там же, с. 200].

Агиографический топос «худых риз» [7, с. 474–477] реализуется в рассказе в описании того, как плохо был одет Алеша Горшок. Это был не добровольный отказ от статусного вида во имя Христа, как в случае с Алексеем человеком Божиим; Алеше даже нравилось надевать что-нибудь приличное. Так было с одеждой, оставшейся от брата, после которого Алеша нанимался к купцу в работники (*Алеше дали сапоги братнины старые, шапку отцовскую и поддевку и повезли в город. Алеша не мог нарадоваться на свою одежду, но купец остался недоволен видом Алеши* [9, с. 196]), и с красной вязаной курткой, которую Алеша купил себе на скопленные мелкие деньги, подаваемые ему на праздниках (*Когда он собрал два рубля этих денег “начайных”, то купил, по совету кухарки, красную вязаную куртку, и когда надел, то не мог уж свести губы от удовольствия* [Там же, с. 198]). Сапоги он вскоре разбил от постоянной беготни, и хозяин разбил его за то, что он ходил с махрами на сапогах и голыми пальцами [Там же, с. 197]. Босоноготь – еще один внешний признак юродства, как и отсутствие внешней красоты. Алексей человек Божий, обрекший себя на добровольные лишения, со временем утратил красоту, весь свой прежний облик. Алеша Горшок от природы смешон: *Алешка был малый худощавый, лопоухий (уши торчали, как крылья), и нос был большой. Ребята дразнили: “У Алеши нос, как кобель на бугре”* [Там же, с. 196]. Портрет главного героя словно подчеркивает мысль о том, что любить Алешу можно было только за его душу; всего остального он был лишен.

Рассказ о старшем брате Алеши состоит лишь из трех упоминаний: от него достаются Алеше ношенные вещи; Семен своей работой заслужит уважение купца (*Я думал, и точно человека заместо Семена поставишь, – сказал купец, оглянув Алешу. – А ты мне какого сопляка привел* [Там же]); важно также сообщение о том, что Семена забрали в солдаты (что тогда было почти равносильно его смерти для родных). Тем не менее в скупом обозначении вех биографии старшего брата героя оказывается «свернутой» его судьба, подкрепленная минейной семантикой. С именем Симеон связаны жития нескольких святых, но самой устойчивой для

имени (означающего «услышанный (Богом)») становится ассоциация с Симеоном Богоприимцем. Далекие, но прочные аллюзии связывают образы святого и героев рассказа. Алеша пришел на смену ушедшему брату, принял его одежды, словно охраняемый им в его отсутствие (Симеон Богоприимец почитается как покровитель младенцев, каким Алеша, в общем, был всю свою жизнь), смирился с ролью поругаемого – и победил людские сердца любовью, кротостью, готовностью к бескорыстной помощи.

Умирает Алеша рано. Срывается с крыши, чистя снег. Все тело его болело, а он все говорил *ничего* и заботился о батюшке и о том, что хозяин *обидится*. Принимает смерть смиренно – но не может это выразить так, как истинные святые, а на вопрос Устюши: *Что же, али помирать будешь?* отвечает просто, как бы оправдываясь: *А то что ж? Разве всё и жить будем? Когда-нибудь надо. Молился он с попом только руками и сердцем. А в сердце у него было то, что как здесь хорошо, коли слушаешь и не обижаешь, так и там хорошо будет. Говорил он мало. Только просил пить и все чему-то удивлялся. Удивился чему-то, потянулся и помер* [9, с. 200].

Эмоция удивления в смерти Алеши как будто не соответствует его приятию смерти как должного, его смирению с ней. Алеша удивляется один раз в жизни – когда узнает о существовании бескорыстной любви. В смерти он словно еще раз постигает то тайное, чего он не мог понять и выразить, что его удивило и с чем он, тем не менее, смиряется. Алеша принадлежит к тому типу «нищих духом», к которым в нагорной проповеди обращался Христос. Согласно одному из объяснений значения еврейского слова «ани», позже переведенного в Евангелии как «нищие духом», – ‘бедный, неимуший, смиренный, согбенный, кроткий’. Нищими духом называл Христос всех в толпе, внимавшей Ему. Подобное осознание христианского величия нищих духом описано в знаменитом цикле К.К. Случевского «Рецепт Мефистофеля», созданном несколькими годами ранее рассказа Л.Н. Толстого, в стихотворении «Соборный сторож»:

*Но есть такие могилы,
Где Мефистофелю-сторожу
Вызвать огонь не под силу!*

*В них идиоты опущены,
Нищие духом отчитаны:
Точно водой, глупой кротостью
Эти могилы пропитаны.*

*Гаснет в воде этой пламя!
Не откачать и не вылить...
И Мефистофель не может
Нищества духом осилить!* [8, с. 152]

При встрече с истинной святостью даже демонические силы меркнут, теряют смысл. «Нищие духом», которые, по Евангелию, наследуют Царство Небесное, – единственная неприступная цитадель для духа зла. «Глупая кротость», которой Мефистофель называет бесконечное смирение и отсутствие даже намека на гордыню, чем не может похвастаться сам герой, возмущающий сомнения, оказывается настолько «нищей», что с ней всякая борьба бессмысленна.

Примечательно, что еще один мотив жития Алексея человека Божия, прочно связанный с рассказом об Алеше Горшке, вышел в реальную жизнь, за рамки собственно художественного повествования.

Герой рассказа имел реального прототипа. О нем мы узнаем из воспоминаний Т.А. Кузминской: «Помощником повара и дворником был полуидиот Алеша Горшок, которого почему-то опозитизировали так, что, читая про него, я не узнала нашего юродивого и уродливого Алешу Горшка. Но, насколько я помню его, он был тихий, безобидный и безропотно исполняющий все, что ему приказывали» [5, с. 183]. Мотив неузнавания читается в житии Алексея человека Божия несколько раз. Святой, иссушавший себя постом и лишениями, изменился так, что ни слуги, посланные разыскивать ушедшего из дома Алексея, ни позже сами родные не узнали его; Алексей прожил в отчем доме как работник семнадцать лет, смиренно терпя поругания слуг и созерцание душевных мук отца, матери и оставленной невесты, живших в неведении о его судьбе. Лишь после смерти святого родным открылась истина. В случае с Алешей Горшком эта истина с удивлением была обнаружена окружающими в реальной жизни, будучи увидена «духовными глазами» писателя и явлена им миру. Кажущееся художественным преувеличением осознание богоугодности рядом живущих на поверку оказывается сутью, которая не заявляет о себе открыто (истинный святой – тот, кто не осознает своей святости и не дерзает помыслить о ней), а признается другими, видящими в угоднике добродетели, им не свойственные, пример Христа, таинственно растворенного среди людей. Т.А. Кузминская, родственница Толстых, чуткий человек, сама писатель, в Алеше Горшке увидела лишь одного из тех «блаженных», которых привечал Л.Н. Толстой («Странно, Лев Николаевич прямо любил “Божьих людей”: недоразвитых, полусумасшедших, скитальцев, странниц и даже пьяненьких» [Там же, с. 180]). Жизнь простого человека, перешедшая в житие, – явление, видимое

лишь тем, кто в вере во Христа видит не обряд и не то, что лежит на поверхности человеческого бытия, а суть Иисусова учения: любовь к Богу и ко всем людям, по крупицам, как святые в изображении «Четых-Миней», несущим в себе Божественное совершенство.

Библиографический список

1. Барышников Е.П. Большие проблемы маленького рассказа («Алеша Горшок» Л.Н.Толстого) // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1964. № 231. С. 274–286.
2. Блок А. Собр. соч. в восьми томах. Т. 7. М.–Л., 1963.
3. Горшок // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 382–383.
4. Житие Алексия человека Божия // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб., 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 244–254.
5. Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Киев, 1987.
6. Мирский Д.С. Толстой после 1880 г. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/irl/irl-4631.htm> (дата обращения: 09.03.2015).
7. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.
8. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подг. текста, примеч. Е.А. Тахо-Годи. СПб., 2004.
9. Толстой Л.Н. Алеша Горшок / Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. М., 1983. Т. 14. С. 196–200.
10. Толстой Л.Н. Дневники 1895–1910 гг. / Толстой Л.Н. Собр. соч. в 20 т. Т. 20. М., 1965.
11. Топорков А.Л. Горшок // Русская энциклопедия. URL: http://enc-dic.com/enc_rus/Gorshok-11635.html (дата обращения: 09.03.2015).

О.В. Барабаш

Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов¹

В статье определяются структурно-семантические особенности юридических терминов, анализируются механизмы возникновения омонимии и полисемии в терминологической системе языка права, выявляются критерии разграничения данных феноменов. Дается обоснование тезиса о том, что специфика поведения слова в условиях стилистических ограничений юридического подязыка обусловлена, с одной стороны, стремлением к терминологизации, конкретизации лексем в соответствии с отраслью права, к их семантической устойчивости, а с другой – воздействием общеязыковых процессов, порождающих вариативность.

Ключевые слова: юридический термин, омонимия, полисемия, терминологическая система языка права.

Проблема разграничения полисемии и омонимии как языковых феноменов неоднократно ставилась в исследованиях лингвистов. На современном этапе она не потеряла своей актуальности, напротив, в связи со значительным количеством фундаментальных исследований в области лексикологии [4; 6; 14; 24, 26 и др.] открылись новые перспективы для ее глубокого и всестороннего осмысления. Прежде всего, исследование данной проблемы представляется значимым в свете когнитивной лингвистики, рассматривающей многозначность как языковую универсалию, являющуюся «продуктом когнитивного развития человека, а именно, его дискретного и системного представления мира» [21, с. 695].

Традиционно в работах, посвященных изучению феномена многозначности, в том числе в когнитивном аспекте, объектом исследования

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-34-01252.

являются общеупотребительные слова современного языка, развившие в своем онтогенезе несколько значений. Лишь отдельные работы рассматривают функционирование полисемантов, представляющих пласт специальной лексики, преимущественно терминов научного [13; 17], общественного [7, с. 25; 22], экономического [17; 22; 36; 46] содержания. Появляются отдельные работы, в которых предметом исследования становится и многозначная лексика правового содержания [9; 16; 31]. В то же время способы репрезентации и критерии разграничения типов неоднозначности юридических терминов остаются недостаточно изученными. Между тем необходимость подобного исследования представляется, действительно, назревшей по ряду причин. В теоретическом отношении среди ученых до сих пор нет единого мнения относительно статуса межсистемных и межотраслевых единиц, в связи с чем лексикографическое описание отдельных юридических терминов характеризуется отсутствием единообразия. Указанные теоретические проблемы негативно сказываются на качестве законотворческой практики, затрудняют толкование правовых норм.

Цель данного исследования заключается в выявлении критериев разграничения лексической омонимии и полисемии в терминологической системе языка права как когнитивно-концептуального континуума. Материалом исследования служат многозначные юридические термины различной степени терминологизованности, функционирующие в текстах действующих нормативных правовых актов.

Поставленная цель требует решения следующих задач:

- выявить сущностные характеристики юридического термина, определяющие специфику его семантической структуры;
- рассмотреть причины возникновения омонимии юридических терминов;
- определить статус межсистемных и межотраслевых единиц, демонстрирующих наличие слабой семантической связи;
- выявить модели полисемии юридических терминов-девербативов;
- обобщить сложившиеся в науке подходы к разграничению феноменов лексической полисемии и омонимии, а также оценить возможности применения данных подходов при лексикографическом описании юридических терминов.

В рамках поставленной цели мы выдвигаем гипотезу о том, что «поведение» [26, с. 14] слова, обладающего в узусе потенциалом вариативности, имеет свою специфику в условиях стилистических ограничений юридического подъязыка, обусловленную противоречием механизмов

стихийности развития естественного языка и коммуникативными требованиями однозначности выражения нормативного предписания.

Теоретические выводы, сделанные в ходе исследования, могут быть учтены при составлении словаря актуальной юридической терминологии, а также использованы в практике снятия противоречий, возникающих на уровне лексического наполнения текста правовых документов.

Юридический термин как когнитивная структура

В современных исследованиях термин рассматривается «преимущественно как когнитивная структура, как оперативная единица мышления, хранящая и передающая научно-профессиональную информацию» [2, с. 3]. Полагая, подобный подход применим и к юридическим терминам. Язык права как когнитивно-концептуальный континуум отражает исторический процесс накопления и осмысления знаний в сфере нормативного регулирования общественных отношений. В наиболее концентрированном виде правовое знание содержится в системе словесных обозначений нормативно-правовых понятий, иными словами, в терминологии. При этом особенности формирования семантической структуры юридического термина обусловлены не только потребностью номинации правового явления, но и необходимостью обеспечения эффективной правовой коммуникации. В связи с этим специфика семантической структуры юридического термина заключается в наличии в ней смысловых компонентов, сознательно устанавливаемых законодателем и фиксируемых в нормативных правовых актах в виде дефиниций.

Как известно, одним из важнейших требований к юридическому термину считается его однозначность. Однако, в отличие от термина точных наук (например, «логарифм»), который демонстрирует однозначное соотношение формы и содержания, юридический термин в значительной мере подвержен воздействию экстралингвистических факторов: он призван номинировать процессы и явления, коммуникативно и когнитивно значимые на данном этапе функционирования правовой системы государства. В связи с этим потенциал развития новых значений у юридических терминов гораздо выше, чем у терминов точных наук.

Кроме того, требование однозначности правового термина не всегда выдерживается в силу проявления стихийных механизмов развития естественного языка. Язык – система подвижная, развивающаяся. «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся, это частный случай движения при условии минимальных изменений» [5]. При этом асимметричный дуализм структуры знаков, на который указывал С.О. Карцев-

ский, выступает залогом эволюции лингвистической системы: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак [18, с. 85–93], что приводит в конечном счете к парадигматическим изменениям в системе языка.

Становится очевидным, что язык права как язык для специальных целей, с одной стороны, противопоставлен естественному языку в силу своих функциональных особенностей, с другой стороны, «потребности правовой логики в юридических текстах реализуются на основе логики естественного языка, обусловленной необходимостью обслуживания потребностей обыденной коммуникации» [10, с. 11]. В связи с этим вариативность интерпретации, которая является «сущностным свойством естественного языка» [8, с. 365], становится закономерной и неизбежной и в языке права. Таким образом, там, где неоднозначность интерпретации считается нежелательным явлением, возникает наибольшая потребность в изучении механизмов ее возникновения и преодоления, осмыслении ее роли и функций.

Научные подходы к разграничению омонимии и полисемии в естественном языке

Обобщая подходы ученых к разграничению полисемии и омонимии, следует отметить, что все исследователи отталкиваются от представления об омонимах как единицах, совпадающих по форме, но различающихся по значению. Так, например, А.А. Реформатский определяет омонимы как «разные слова, имеющие одинаковый звуковой состав» [30, с. 48]. В свою очередь, полисемия традиционно определяется как наличие у слова двух и более значений.

В то же время критерии установления границ между омонимией и полисемией могут быть различны и зависят от понимания сущности этих явлений. Известной крайней точкой зрения является *отрицание полисемии* как таковой (А.А. Потебня, Л.В. Щерба) в пользу признания омонимичности единиц языка, тождественных по форме, но различных по семантике. Как полагал Л.В. Щерба, мы имеем всегда «столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений» [47].

В.И. Абаев, О.Н. Трубочев, В.Н. Сидоров придерживаются *историко-этимологического подхода* к проблеме разграничения омонимии и полисемии. В.И. Абаев называет полисемию «интереснейшим явлением в плане проблемы языка и мышления», а омонимию – «игрой случая» [1, с. 40] и проводит между этими явлениями четкую грань, утверждая, что они не имеют ничего общего и в историческом плане легко и точно различаются.

Однако, к сожалению, не всегда оказывается возможным установить происхождение слова, при этом существующие в конкретном временном срезе его значения могут быть значительно отдалены друг от друга. В таких случаях более убедительной представляется идея Ю.Д. Апресяна о возможности применения «принципа последовательного ступенчатого сведения сложных лексических значений ко все более простым» [4, с. 116], позволяющего распознать «опосредованную» многозначность путем выявления общего семантического компонента «в толкованиях толкований» [Там же, с. 183]. В работе Ю.Д. Апресяна описаны топологические типы полисемии: радиальная, цепочечная и радиально-цепочечная многозначность. При радиальной полисемии «все значения слова мотивированы одним и тем же – центральным – значением», в случае же цепочечной полисемии «каждое новое значение слова мотивировано другим – ближайшим к нему – значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов» [Там же, с. 182].

В.В. Виноградов предлагает комбинированный подход разграничения омонимов и полисемантов, основанный на анализе их семантической и фомоморфологической структуры. При этом «синхронная или последовательная совместимость разных значений в смысловой структуре одного и того же слова» выступает, по В.В. Виноградову, признаком полисемии [6, с. 288–294].

Следует отметить разнообразие критериев, предлагаемых учеными в качестве основных для разграничения полисемии и омонимии: совпадения/различия в словоизменительных парадигмах (А.И. Смирницкий, Л.А. Новиков и др.); наличие различных/одинаковых синонимических и антонимических рядов (Ш. Балли, Н.К. Жученко); фактор регулярности; наличие/отсутствие общего инвариантного значения (Н.В. Перцов) или прототипа (А. Вежбицкая, И.К. Архипов, С.А. Песина); сочетание семантического, словообразовательного и синтагматического критериев [34, с. 32].

На наш взгляд, наиболее результативным остается семантико-этимологический подход, учитывающий источник происхождения совпадающих по формальным признакам лексем и наличие/отсутствие в них общих семантических компонентов, образующих «“цепь” (chain) или “сеть” (network) значений данной языковой единицы» [29, с. 298].

Лексическая омонимия и полисемия на межсистемном уровне (юридический термин – общеупотребительное слово)

В роли термина может выступать не только специально созданная для обозначения правового понятия лексема (ср. *иск*, *деликт*, *дознание*), но и слово, относящееся к общеупотребительной лексике и используемое в особой функции – функции наименования специального понятия, предмета или явления. При этом одним из спорных является вопрос о лексико-графическом описании юридических терминов: считать ли их омонимами по отношению к формально тождественным общеупотребительным словам, независимо от общей этимологии и семантических связей, или признать, что «одно и то же слово в одном и том же значении может иметь разные семантические описания (все в одинаковой мере правильные), служащие разным целям?» [45, с. 56].

Традиционно термин по отношению к общеупотребительному слову рассматривается как омоним. В исследованиях новейшего времени, например, в работе Д.В. Качурина, отмечается, что «в языковой реальности имеет место шкала семантической связи между двумя значениями, крайними точками которой являются омонимия и полисемия, и значительная часть рассматриваемых явлений распределяется между этими полюсами» [19, с. 5]. Мы солидарны с мнением В.А. Татарина, который пишет, что «квалификация одного и того же термина в терминотерминологической системе и в общелитературном языке как слов-омонимов является, по всей вероятности, упрощением. Как минимум, исследованию должен подвергаться каждый случай детерминации (равно как и терминологизации), чтобы можно было говорить о сохранении или разрыве семантических связей» [37, с. 140].

Рассмотрим в качестве примера термин *сбор* в его отношении к формально тождественному общеупотребительному слову. Пункт 2 ст. 8 Налогового кодекса РФ гласит: «Под сбором понимается обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий), либо уплата которого обусловлена осуществлением в пределах территории, на которой введен сбор, отдельных видов предпринимательской деятельности» [25]. Термин налогового права образован на основе одного из лексико-семантических вариантов общеупотребительного полисеманта *сбор* – «взимаемые отчисления» [12]. Сравнение данных дефиниций позволяет говорить о двойном коди-

ровании информации (общеязыковой и собственно терминологической) в производном правовом термине. Таким образом, специфика производного правового термина, образованного на основе общеупотребительного слова, заключается в наращении дополнительных смысловых компонентов, отражающих установленные законом нормы регулирования соответствующих правоотношений. В то же время преодоления границ полисемии не происходит, значения тесно связаны, следовательно, *сбор* в юридическом понимании можно рассматривать как гипоним общеупотребительного.

В свою очередь, утрата промежуточного, объединяющего звена является одним из механизмов омонимии. Так, показательным является образование омонимов *дача* как действие по глаголу *дать* (*дача взятки, дача показаний, дача заключения* [39]) и *дача* как «загородный дом (обычно с земельным участком), предназначенный для летнего отдыха» [12], также восходящее к глаголу *дать* («дарованная князем земля» [40, с. 486]). В настоящее время омонимия данных лексем не вызывает сомнений. Как указывает Ю.Д. Апресян, «омонимиями могут быть признаны лишь такие фонетически совпадающие слова, связь между значениями которых (материализующаяся в общих семантических компонентах) не обнаруживается ни на одном шаге толкования» [4, с. 116].

Лексическая омонимия и полисемия внутриотраслевых и межотраслевых терминов

Межотраслевыми называют термины, номинирующие предметы, явления, процессы, относящиеся к различным областям знания. В силу деления системы права на отрасли принято также говорить о межотраслевых правовых терминах. Однако мы будем называть последние внутриотраслевыми, чтобы подчеркнуть принадлежность термина к правовой сфере.

Довольно распространенной точкой зрения является признание всех межотраслевых терминов омонимиями: «если два термина совпадают в плане выражения, но отличаются в плане содержания, данное явление рассматривается как пример полисемии в рамках одной терминологической системы, и как омонимия в разных терминосистемах» [46, с. 98]. Однако и здесь необходим, на наш взгляд, дифференцированный подход.

Механизмы появления лексических омонимов в языке права те же, что и в естественном языке, однако в целом их набор ограничен.

Так, в нормативных правовых актах функционируют омонимы, возникшие в результате совпадения исконных и заимствованных слов. Например, омонимиями являются исконное *брак* в семейном праве (*заключение*

брака [33]) и заимствованное из немецкого языка через польский слово *брак* (дефект) в трудовом праве (*продукция, оказавшаяся браком* [38]).

Причиной появления омонимов может послужить совпадение слов, заимствованных из одного или из разных языков, но в разных значениях. Подобный механизм реализуется в лексемах *рейд* (из английского – набег), например: *рейд сотрудников ГИБДД* [3] и *рейд* (из голландского – водное пространство в гавани), например: *рейды, которыми обычно пользуются для погрузки, разгрузки и якорной стоянки судов* [20].

Кроме того, одним из механизмов образования омонимов является утрата промежуточного, объединяющего звена. В ст. 9 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ используется лексема *пол*, предполагающая указание на гендерную принадлежность гражданина: «Для оформления паспорта гражданин Российской Федерации в письменном заявлении о выдаче паспорта установленного образца должен указать свои фамилию, имя, отчество (в том числе ранее имевшиеся), пол, дату и место рождения, место жительства, место работы (службы, учебы) в течение последних десяти лет и представить основной документ, удостоверяющий его личность» [42]. В то же время в русском языке есть слово *пол*, означающее «нижний настил в помещении» [12], которое также встречается в нормативных правовых актах, например: *покрытия полов* [41]. Слова *пол* (гендерная характеристика) и *пол* (настил), как указывает М. Фасмер, ссылаясь на Р.Ф. Брандта, могут быть связаны этимологически [40, с. 306], однако в настоящее время их значения воспринимаются носителями языка как не связанные каким-либо общим семантическим компонентом.

Таким образом, в языке права закономерно функционируют межотраслевые и внутриотраслевые термины, значения которых при совпадении означающего никак не связаны либо отдалены настолько, что в них трудно выявить какой-либо общий компонент, иными словами, лексические омонимы. Их разграничение в тексте правовых актов осуществляется благодаря контексту.

В то же время статус отдельных внутриотраслевых терминов по-разному оценивается учеными. Характерным в этом отношении примером могут стать, на наш взгляд, терминологические сочетания *отвод судьи* и *отвод земли*. В первом случае подразумевается отстранение от участия в судебном заседании судьи (прокурора, следователя или другого официального лица) в связи с его личной заинтересованностью в исходе дела; во втором – выделение, предоставление в пользование земли (земельного участка). В ряде исследований, в частности, в статье Т.Б. Земляной, эти термины рассматриваются как «принципиально разные понятия, выра-

жаемые внешне одним словом» [15, с. 56], иными словами, – омонимы. Отметим, что и отдельные специалисты, имеющие непосредственное отношение к языку права, воспринимают эти терминологические сочетания как омонимичные, подтверждение чему мы находим в разделе «Особенности юридического языка» Интернет-журнала Ассоциации юристов Приморья «Закон. Журнал для прокуроров и следователей» [13]. В этом, на наш взгляд, можно усмотреть свидетельство того, что *отвод судьи* и *отвод земли*, действительно, стремятся к семантическому пределу, однако мы считаем, что на данном этапе функционирования они остаются в пределах полисемии.

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой все значения слова *отвод* подаются в рамках одной статьи: «Отвод, м. 1) Сопровождение и доставка кого-л. куда-л. 2) Перемещение или изменение направления движения чего-л. 3) а) Непринятие или устранение кого-л., чего-л. как неподходящего, несоответствующего чему-л. б) Требование одной из сторон об отстранении свидетеля, судьи, прокурора и т.п. от участия в судебном процессе при наличии оснований считать их пристрастными; заявление протеста. 4) Назначение, передача чего-л. в пользование, в распоряжение кому-л. 5) Ответвление в трубе, в кабеле, в радио- и электросети и т.п. 6) Один из двух изогнутых брусьев, отходящих под углом от передка шире верхней грядки и служащих для устройства более широкой поверхности саней и для придания им устойчивости (в санях)» [12].

В словообразовательном отношении слово *отвод* представляет собой девербатив, образованный безаффиксным способом от глагола *отвести* и демонстрирующий тип отраженной и развитой полисемии. Так, интересующее нас значение 3б, вошедшее в состав терминологического сочетания *отвод судьи*, образовано от значения глагола «б. кого-то (от чего-то). Отвлечь, отдалить от чего-л., не допустить до чего-л.», а значение девербатива 4, включенное в сочетание «отвод земли» – от значения «9. что (кому). Назначить, предоставить в пользование, в распоряжение, предназначить для чего-либо» [35, с. 468].

Рассматриваемые нами терминологические сочетания *отвод судьи* и *отвод земель* обозначают разные юридические процедуры, однако в их семантической структуре представляется возможным выявить общий смысловой компонент, инвариантное значение: «отделение А от В». Под инвариантом вслед за С.А. Песиной мы понимаем «абстрактную языковую сущность, включающую совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе всех или ряда ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова в соответствии с интуицией среднего носителя языка» [27, с. 23]. Так, отвод участка пред-

полагает его отделение от общего фонда земель, а отвод судьи подразумевает его «отделение» от общего числа участников судебного процесса. В связи с этим полагаем, что в настоящее время преждевременно говорить о разрыве семантических связей значений лексемы *отвод*, входящей в терминологические сочетания *отвод судьи* и *отвод земель*.

Как известно, механизмами развития многозначности в естественном языке являются метафорический перенос и метонимический сдвиг. В языке права наиболее продуктивными являются модели полисемии внутриотраслевой терминологии, основанные на метонимическом переносе. Одной из характерных черт метонимического переноса является регулярность. Типы регулярной многозначности в русском языке подробно описаны в работе Ю.Д. Апресяна [4]. В языке права регулярная полисемия обнаруживается, прежде всего, среди имен существительных отглагольного происхождения. На данном этапе исследования нами выявлены следующие наиболее частотные в текстах правовых документов типы регулярной полисемии девербативов:

1. Состояние – причина состояния.

Например: *ограничение конкуренции* [44] – *наложить ограничение* (запрет) [43].

2. Действие (процесс) – результат действия.

Например: «Лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности. Оно не вправе распоряжаться постройкой – продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки.

Самовольная постройка подлежит сносу осуществившим ее лицом либо за его счет, кроме случаев, предусмотренных пунктом 3 настоящей статьи» [11]. В приведенном фрагменте из Гражданского Кодекса РФ лексема *постройка* сначала выступает в значении действия по значению глагола *построить*, т.е. производить строительные работы по сооружению чего-либо, на что, в частности, указывает причастие *осуществившее*. Далее слово *постройка* дважды употребляется в значении результата действия, т.е. того, что построено, сооружения.

3. Действие – документ.

Например: *постановление приговора* (вынесение) – *постановление суда* (документ); *обращение с иском* – *обращение письменное* (документ).

Семантическая структура девербативов является сложной, включает как именные, так и глагольные категории, что усиливает потенциал развития полисемии. При этом семантическое единство полисемичного слова не разрушается. Таким образом, следует согласиться с мнением М.В. Зимовой, которая пишет, что «отличия терминологии с точки зре-

ния проблемы многозначности следует искать не в отрицании полисемии в пользу омонимии, а в расширении представлений об источниках формирования полисемии» [16].

Выводы

Наличие в семантической структуре юридического термина смысловых компонентов, сознательно устанавливаемых законодателем, обуславливает противопоставление правовых терминов общеупотребительной лексике. Однако это не дает оснований рассматривать все неоднозначные юридические термины как исключительно омонимичные структуры. На наш взгляд, необходим дифференцированный подход, учитывающий этимологические связи и степень близости/расхождения значений в синхронии. Полагаем, что подобный подход позволит более точно определить статус межсистемных и межотраслевых единиц, функционирующих в языке права.

Библиографический список

1. Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 31–43.
2. Апалько И. Ю. Когнитивные, семиотические и прагматические основания формирования предметной области «защита информации»: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-н/Д., 2013.
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13.11.2014 № 43-АПУ14-17. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB;n=417669> (дата обращения: 23.12.2014).
4. Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр., доп. М., 1975.
5. Бодуэн де Куртенэ А. Избр. тр. по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
6. Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Виноградов В.В. Избр. тр.. Лексикология и лексикография. М., 1977.
7. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М., 2000.
8. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. .
9. Голев Н.Д. Научные и правовые термины в аспекте стихийного функционирования языка: соображения для дискуссии. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golev_n_d_nauchnye_i_pravovye_terminy_v_aspekte_stikhijnogo_funkcionirovanii_jazyka_sobrazhenija_dlja_diskussii/5-1-0-129 (дата обращения: 23.08.2014).
10. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11–58.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014).
12. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000.

13. Закон. Журнал для прокуроров и следователей. URL: http://law.vl.ru/comments/show_article (дата обращения: 23.08.2014).
14. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
15. Земляная Т.Б., Павлычева О.Н. Факторы формирования юридических терминов // Журнал научно-педагогической информации. 2010. № 8. С. 31–58.
16. Зимовая М. В. Многозначность в терминологии: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2010.
17. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М., 2003.
18. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. 3-е изд. Ч. 2. М., 1965. С. 85–93.
19. Качурин Д.В. Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
20. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994).
21. Кошелев А.Д. О референциальном подходе к лексической полисемии // Язык и мысль: Совр. когнитивная лингвистика / Сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев; Ред. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев, А.В. Кравченко, Ю.В. Мазурова, О.В. Федорова. М., 2015. С. 287–349.
22. Курасова Е.В. Семантические неологизмы общественно-политической сферы в русском языке новейшего периода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
23. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика–2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сб. научных тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000. С. 49–64.
24. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». Ч. 1. Семантика, синтаксис. М., 1974.
25. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.03.2015).
26. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
27. Песина С.А. Слово в когнитивном аспекте: Монография. М., 2011.
28. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4 т. М., 1958. Т. 1–2.
29. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. 1998. С. 274–323.
30. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1996.
31. Рыженкова Т.В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме: На материале русской и английской терминологии правоведения: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
32. Савельева О.В. Формирование лексико-семантических связей в экономической терминологии современного французского языка: На примере производных латинского *mercatus*: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

33. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.11.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015).
34. Современный русский язык: Учебник для бакалавров / П.А. Лекант и др.; Под ред. П.А. Леканта. 5-е изд. М., 2013.
35. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2002.
36. Старостина С.В. Сопоставительный анализ лексических и терминологических единиц по теории кооперации: На материале английского и русского языков: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
37. Татаринов В. Терминологическая лексика русского языка: Эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики / Отв. ред. Опарина Е.О., Казак Е.А. М., 2006. С. 133–164.
38. Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) от 30.12.2001 (ред. от 31.12.2014) № 197-ФЗ.
39. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014).
40. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 3 Муза-Сят. 4-е изд. М., 2003.
41. Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2014)
42. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 21.07.2014 с изменениями, вступившими в силу с 02.08.2014) «О противодействии экстремистской деятельности».
43. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О противодействии коррупции».
44. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О защите конкуренции» (26 июля 2006 г.).
45. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Т.С. Зевахиной, Б.Ю. Городецкого. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. М., 1983.
46. Шетле Т.В. К вопросу о системности терминологии банковского дела // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2007. Вып. 35. С. 87–103.
47. Щерба Л.В. Избр. работы по языкознанию и фонетике: В 2 т. / Отв. ред. М.И. Матусевич. Л., 1958. Т. 1.

Ван Цуй, Т.Г. Бочина

Комитативные конструкции в китайском и русском языках¹

Статья посвящена анализу русских и китайских комитативных конструкций. Предметом исследования являются комитативный маркер и его местонахождение, порядок слов в комитативных конструкциях, а также причины полисемии комитативных конструкций. На основе различия комитатива и сочинения разбираются особенности комитативной конструкции в русском и китайском языках. Отмечается, что место комитативного маркера в китайской комитативной конструкции не соответствует языковым универсалиям. В русском языке слово, выступающее в качестве комитативного маркера, имеет больше значений, чем комитативный маркер в китайском языке. Причина заключается в том, что исследуемые языки принадлежат к разным типам (типу with и типу and).

Ключевые слова: комитативная конструкция, языковые универсалии, китайский язык, русский язык, порядок слов, двусмысленность.

Данная статья продолжает серию сопоставительных исследований грамматики русского и китайского языков в свете языковой типологии [4–8]. Комитативная конструкция довольно распространена во всех языках. Однако данное языковое явление не получило должного научного освещения, что подтверждается скромным количеством работ по данной тематике. Целью настоящей статьи является сопоставление комитативных конструкций русского и китайского языков в свете типологической лингвистики [10; 12].

1. Комитативный маркер

Комитативная конструкция, состоящая из комитативной (периферийной) именной группы и центральной именной группы, является одним из средств выражения множества участников ситуации, каждый из которых выполняет в описываемой ситуации одну и ту же семантическую роль [3, с. 13, 15].

¹ Статья написана при финансовой поддержке научного фонда гуманитарных исследований молодежи при Министерстве образования КНР, проект №13YJC740091, «Сравнительное исследование русского и китайского языков с точки зрения языковой типологии».

В современном китайском языке слова 和 (*u, c*), 跟 (*u, c, y*), 同 (*u, c*) выступают в качестве комитативных маркеров. Рассмотрим следующие примеры¹:

- 1) 有 事 要 和 群众 商量。 [16, с. 180]
 you shi yao he qunzhong shangliang
 иметь дело надо и народ советоваться
 ‘По имеющемуся делу надо посоветоваться с народом.’
- 2) 我 去 年 同 小王 住 在一起。 [16, с. 406]
 wo qunian tong Xiao Wang zhu zai yiqi
 я прошлый год с Сяо Ван жить вместе
 ‘В прошлом году я жил вместе с Сяо Ваном.’
- 3) 你 去 跟 老王 研究 一下。 [16, с. 151]
 ni qu gen Lao Wang yanjiu yixia
 ты ходить с Лао Ван проверить немного
 ‘Пойди с Лао Ваном, проверь-ка.’

В русском языке функцию комитативного показателя выполняет предлог *с*.

- (4) Петя отправился с моим братом в путешествие [3, с. 77].
 (5) Мальчик пришел домой с другом.

Согласно исследованию сочинительных конструкций Л. Стассена [13], из 234 языков мира выделяют 103 языка, в которых морфологическое кодирование маркеров комитативных и сочинительных структур одинаково. Эти языки главным образом распространены в Восточной Азии, Юго-восточной Азии и Африке. Соответственно, 131 язык характеризуется тем, что маркирование в комитативных и сочинительных структурах дифференцировано. Подобные языки распространены в основном в Европе и Северной Америке. Языки, дифференцирующие сочинительные и комитативные маркеры, называются языками типа *and*, а языки, не проявляющие дифференциацию двух маркеров, относятся к языкам типа *with*.

По всемирному атласу языковых структур и территориальному распределению языков китайский язык принадлежит к языку типа *and*, а русский язык – к языку типа *with*. Например²:

¹ В работе использовались материалы Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>), некоторые примеры выбраны из литературы, примеры китайского и английского языков проверялись при работе авторов с носителями этих языков.

² Примеры 6–7 на русском языке из книги А.В. Архипова [3, с. 39].

- (6) Петя и Маша уже пришли.

别佳	和(跟,同)	玛莎	已经	来	了。
Biejia	he (gen, tong)	Masha	yijing	lai	le
Петя	и (с, с)	Маша	уже	прийти	PFV

‘Петя и Маша уже пришли.’

- (7) Петя пришел с Машей.

别佳	和(跟,同)	玛莎	已经	来	了。
Biejia	he (gen, tong)	Masha	yijing	lai	le
Петя	и (с, с)	Маша	уже	прийти	PFV

‘Петя уже пришел с Машей.’

Как видно из примеров, в русском языке часто в качестве маркера сочинения выступает союз *и*, а в качестве комитативного маркера – предлог *с*. В соответствующих примерах китайского языка средство выражения комитатива и сочинения именных групп одинаковое. Предлоги 和, 跟 и 同 выполняют функцию комитативного или сочинительного маркеров.

Т.к. в китайском языке значение сочинительных и комитативных маркеров сложно дифференцировать, то трудно определить точное значение кодирования соединенных именных групп без контекста, что влечет развитие языковой двусмысленности.

- 8) 老李 和 老王 去 学校。
 Lao Li **he** Lao Wang qu xuexiao
 Лао Ли **и** Лао Ван идти школа

‘Лао Ли и Лао Ван пошли в школу./ Лао Ли пошел в школу с Лао Ваном.’

- 9) 我 跟 他 借 了 本 书。
 wo **gen** ta jie le ben shu
 я **с** он взять PFV CLF книги

‘Мы с ним взяли книги. / Я взял книги вместе с ним. / Я взял у него книги.’

Также интересен тот факт, что в ходе анализа языкового материала в русском и китайском языках существуют своеобразные промежуточные явления между комитативной и сочинительной конструкциями, т.е. сочинительно-комитативная конструкция.

- (10) Петя и Маша уже пришли (сочинительная конструкция).

- (11) Петя с Машей уже пришли (сочинительная комитативная конструкция).

- (12) Петя пришел с Машей (собственно комитативная конструкция)

- (13) 我 和 你 都 是 翻译。
 Wo **he** ni dou shi fanyi
 я **и** ты весь быть переводчик

‘Я и ты (мы оба) переводчики.’ (сочинительная конструкция)

- (14) 我 和 你 去 上海。
 wo he ni qu Shanghai
 я и ты ехать Шанхай

‘Я и ты поедем в Шанхай./ Я поеду в Шанхай с тобой./ Мы с тобой поедем в Шанхай.’

- (15) 我 要 和 你 去 上海。
 wo yao he ni qu Shanghai.
 я хотеть и ты ехать Шанхай.

‘Я хочу поехать в Шанхай с тобой.’ (собственно комитативная конструкция)

Собственно комитативные конструкции (примеры 12, 15) и сочинительные конструкции (примеры 10, 13) отличаются различными стратегиями соединения именных групп. При сочинительной стратегии две именные группы (центральная именная группа, включающая участника-ориентира, периферийная именная группа, включающая участника-спутника) имеют одинаковый структурный ранг и образуют составную единицу. В китайском предложении 15 вспомогательный глагол 要 (*хотеть, собираться*) подчеркивает, что участник-ориентир является подлежащим я (я), а в предложении 13 наречие 都 (*весь, все*) указывает, что действие распространяется на всех участников в равной мере. Между собственно комитативной и сочинительной конструкциями находится сочинительно-комитативная конструкция (примеры 11 и 14), которая может пониматься двояко. В примере 11 выражения, обозначающие спутника и ориентир, являются составляющими одной именной группы, которая подчиняется предикату. Одна из них (периферийная именная группа) имеет косвенное маркирование [1, с. 90]. Пример 14 может пониматься как 14а: *Я поеду в Шанхай с тобой, не хочу оставаться в Пекине*; 14б: *Я и ты поедем в Шанхай, а они останутся в Пекине*. Здесь слово 和 не только употребляется как сочинительный предлог *и*, но и как комитативный показатель *с*, что затрудняет определение функции и значения китайских комитативных маркеров 和 (включая 跟 и 同) без контекста.

По мнению Л. Стассена и А. Архипова, сочинительные комитативные конструкции являются промежуточной стадией развития комитативных конструкций с подчинением именной группы в собственно сочинительные [Там же, с. 91].

В китайском языке сочинительная конструкция выражается как [Sy¹A]VO, а комитативная конструкция выражается как S[xA VO]. Если y = x, то

¹ y – сочинительный показатель, x – комитативный показатель, A – участник-спутник.

порядок слов и количество маркеров одинаково, т.е. формы двух выражений тождественны, что затрудняет дифференциацию конструкций без контекста¹. Другими словами, в китайском языке граница между комитативной и сочинительной конструкциями не дифференцирована. С этой точки зрения, для языка с порядком слов типа SVO и без грамматической категории отношения согласования характерна постановка комитативной конструкции в постпозицию относительно предиката-сказуемого. В этом заключается причина доминантного расположения комитативной конструкции после глагола в языках типа SVO, что мы наблюдаем и в русском языке.

По результатам исследований китайских лингвистов, среди родственных китайскому языков сино-тибетской семьи имеются как языки, последовательно использующие стратегию типа *with*, так и языки, последовательно использующие стратегию типа *and*. Типы *with* и *and* сосуществуют с любым порядком слов (SVO, SOV и др.). Каждый тип языка имеет свои особенности. Так, язык типа *and* в диахроническом плане является более стабильным, нежели в плане синхронии, что не характерно для языка типа *with*. В мире существует незначительное количество языков, принадлежащих к собственно типу *and*, в отличие от языков типа *with*. Данный факт свидетельствует о наличии синкретичного значения в комитативных конструкциях языков типа *and*.

2. Порядок слов с комитативной конструкцией и объяснение полисемии

В языке типа SVO теоретически существует восемь порядков слов комитативной конструкции: [xA]SVO, S[xA]VO, SV[xA]O, SVO[xA], [Ax]SVO, S[Ax]VO, SV[Ax]O, SVO[Ax]. По результатам исследования M.S. Dryer и O.D. Gensler [9], расположение наречия и дополнения со значением места, инструмента, получателя, участника-спутника и др. имеет определенную тенденцию. В 449 языках существует тенденция порядка слов VOX² в языке типа VO. Комитативная конструкция xA и Ax является одной из конструкций с обстоятельством, выраженным косвенным падежом. Надо отметить, что в языке SVO предлог стремится к препозиции по отношению к существительному. Исходя из принципа гармонии, можем сделать умозаключение, что xA имеет тенденцию следовать

¹ То же самое, если в китайском языке сочинительная и комитативная конструкции находятся в позиции объекта (SV[OyA]): Петя встретил [Машу и Наташу]. / (S VO [xA]): Петя приглашает Наташу [с мамой] на концерт. Ввиду строгого порядка слов и синонимии сочинительного и комитативного показателей в китайском языке трудно различать два типа выражения.

² X обозначает наречие.

за глаголом в языке типа VO, т.е. преимущественным порядком слов в языке SVO с комитативной конструкцией является SVO[xA].

В современном классическом китайском языке комитативная конструкция всегда находится перед глаголом-сказуемым: S[xA]VO, а в языках сино-тибетской семьи, родственных китайскому, комитативная конструкция может находиться перед глаголом-сказуемым и после глагола-сказуемого: SVO[xA] и S[xA]VO, и последний вариант более распространен. В современном китайском языке типичным является расположение предложной группы в препозиции по отношению к сказуемому (S[PP]VO)¹.

Для подавляющего большинства языков типа SVO характерен порядок расположения слов SVO[xA]. В английском языке существует два варианта расположения слов в предложении с комитативной конструкцией: S[xA]VO, SVO[xA]. Собственно комитативная конструкция в русском языке строго соответствует языковыми универсалам, т.е. xA находится в постпозиции к глаголу предикату. Классический китайский язык (путунхуа) и родственные китайскому языки сино-тибетской семьи характеризуются порядком S[xA]VO.

У Фусян [17] отметил, что если в языке типа SVO комитативная конструкция находится в препозиции по отношению к глаголу-предикату, то слово, выступающее в качестве комитативного маркера, реализует следующий грамматический процесс: комитативный предлог по своей функции уподобляется сочинительному союзу. Если комитативная конструкция находится в постпозиции по отношению к глаголу-предикату, то возможная модель грамматикализации со словом, выступающим в качестве комитативного показателя, является следующей: показатель комитатива развивает функции инструменталиса, а затем – показателя образа действия. Первый вариант встречается в китайском языке, а второй – в английском и русском языках.

Принцип однонаправленности грамматикализации подчеркивает, что процесс грамматикализации проходит от лексической формы до грамматической формы, или с низкого уровня грамматикализации до высокого уровня [11]. По сфере деятельности параметров уровень грамматикализации сочинительного показателя выше соответствующего уровня комитативного показателя, т.к. сочинительный показатель способен объединять не только именные группы, но и клаузулы (англ. clause), что отсутствует у комитативного показателя, способного объединять исключительно именные группы. Этим объясняется узость сферы деятельности комита-

¹ PP – предложная группа.

тивного показателя по сравнению с функционированием сочинительного показателя, т.е. направление эволюции между ними выглядит так: комитативный показатель → сочинительный показатель.

Китайские ученые [14; 15; 18; 19] в течение длительного времени занимались исследованиями в области синкретичных отношений, развивающихся в рамках сочинительных и комитативных маркеров в китайском языке. Они заметили, что в китайском языке слова (в древнейшем китайском языке 及, 与; в средневековом китайском языке 共, 将; в современном китайском языке 和, 跟, 同) потеряли свой статус самостоятельности в процессе грамматикализации. Была составлена своеобразная цепочка грамматикализации: комитативный глагол → комитативный предлог → сочинительный показатель. Слова 和, 跟, 同 выступают как в качестве комитативного маркера, так и сочинительного показателя:

- (16) 大家 跟 他 一起 走。
 dajia **gen** ta yiqi zou
 все **с** он вместе ходить

‘Все идут с ним.’ (комитативный показатель)

- (17) 我 跟 你 一样 高。
 Wo **gen** ni yiyang gao
 Я **с** ты одинаково высокий

‘Мы с тобой одинаково высокие.’ (сочинительный показатель)

В русском и английском языке предлоги *с* и *with* могут выражать значения комитатива, сочинения, инструмента и образа действия.

- (18) Мама пошла с бабушкой на рынок (собственный комитативный показатель).

- (19) Завтра мы с тобой поедem и прогуляемcя где-нибудь подальше (сочинительно-комитативный показатель).

- (20) Старик помыл эту куклу с мылом (значение инструмента).

- (21) Он спросил, сам ли я к ним зайду или прислать мне материал с курьером (значения образа действия).

- (22) She drove to town **with** Klaus.

Она поехала в город **с** Клаусом (комитативный показатель)

- (23) She cut the asparagus **with** the knife.

Она отрезала спаржу ножом (значение инструмента).

Между S и A в конструкции S[xA]VO симметричность синтаксического отношения, поэтому SxА может рассматриваться как сочинительная конструкция, и, соответственно, x считают сочинительным показателем. В выражении SVO[xA] подлежащее S расположено дистантно относительно спутника А, поэтому комитативный показатель не может высту-

пать в качестве сочинительного показателя, а может выполнять функцию маркера инструмента и образа действия.

Важно отметить, что постпозиция комитативной конструкции относительно глагола $SVO[xA]$ позволяет членам О и А развивать значение сочинения. Таким образом, слова в позициях О и А могут рассматриваться как единое целое, а позиция x может анализироваться как сочинительный показатель: $S[VO][xA] \rightarrow SV[OxA]$. Изложенное выше подчеркивает, что постпозиция комитативного показателя относительно сказуемого позволяет развивать маркеру функцию сочинения именных групп:

(24) The teacher does not like to see a child with a dog.

Учителю не нравится смотреть на ребенка с собакой.

Итак, когда x находится перед глаголом-сказуемым, он может выполнять функцию комитативного или сочинительного показателя. Когда же x находится после глагола-сказуемого, то он может выполнять функцию комитативного показателя, показателя инструмента, показателя образа действия и сочинительного показателя (таблица 1).

Таблица 1

x перед глаголом-сказуемым	x после глагола-сказуемого
Комитативный показатель	Комитативный показатель
Сочинительный показатель	Сочинительный показатель Показатель инструмента Показатель образа действия

В исследовании А.В. Архипова [2, с. 22] также указывается, что показатели комитатива в русском языке способны выполнять различные функции, помимо маркирования собственно комитативной конструкции. В результате анализа языкового материала, представленного в Национальном корпусе русского языка, форма имени в творительном падеже с предлогом *с* маркирует собственно комитативную конструкцию лишь в 28 случаях употребления (около 4%), а в 96% случаев выполняет иную функцию [Там же].

Таким образом, мы можем заключить, что китайский язык принадлежит к языку типа *and*, а русский язык – к языку типа *with*. В русском языке сочинительный маркер и комитативный маркеры различны, а в китайском языке комитативный и сочинительный маркеры не дифференцируются, что ведет к возникновению двусмысленности при семантическом анализе китайской комитативной конструкции. Кроме того, в анализируемых языках существует своеобразная промежуточная стадия, где частично представлены значения сочинения и комитатива. В китайском

языке комитативная конструкция чаще всего располагается в препозиции по отношению к глаголу-сказуемому, а для русского языка характерна постпозиция комитатива. Кроме того, комитативный показатель в китайском языке способен развивать значение сочинения, а в русском языке – значение сочинения, инструмента, образа действия.

Библиографический список

1. Архипов А.В. К типологии комитативных конструкций. Ч. I. Определение и формальная типология // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 76–101.
2. Архипов А.В. К типологии комитативных конструкций. Ч. II. Полисемия комитативных конструкций // Вопросы языкознания. 2008. № 3. С. 22–50.
3. Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. М., 2009.
4. Ван Цуй, Бочина Т.Г. Дитранзитивная конструкция в русском и китайском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2014. № 4. С. 102–111.
5. Ван Цуй, Бочина Т.Г. Дифференциальные сравнительные предложения в русском и китайском языках на фоне лингвистической типологии // Вестник Орловского государственного университета. Сер. «Новые гуманитарные исследования». № 3 (38). С. 116–119.
6. Ван Цуй, Бочина Т.Г. Каузативная конструкция в русском и китайском языках // Филология и культура. Сер. «Филологические науки. Лингвистика». 2014. № 3. С. 7–12.
7. Ван Цуй, Бочина Т.Г. Сопоставление русских и китайских прилогов на фоне языковой типологии // Филология и культура. Сер. «Филологические науки. Лингвистика». 2015. № 2. С. 28–34.
8. Ван Цуй, Бочина Т.Г. Функционально-когнитивные особенности выражения пассива в русском и китайском языках // Филология и культура. Сер. «Филологические науки. Лингвистика». 2013. № 4 (34). С. 37–43.
9. Dryer M.S., Gensler O.D. Order of Object, Oblique, and Verb // The World Atlas of Language Structures Online / Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig, 2013.
10. Haspelmath M. Coordination Construtions, Typology Studies in language. Amsterdam, 2004.
11. Haspelmath M. Why is grammaticalization irreversible? // Linguistics. 1999. № 6. P. 1043–1068.
12. Payne J.R. Complex phrases and complex sentences // Language typology and linguistic description / Shopen T. (ed.). Cambridge, 1985. Vol. II. P. 3–41.
13. Stassen L. AND-languages and WITH-languages // Linguistics Typology. 2000. № 4. P. 1–54.
14. 储诚志. 连词与介词的区分 – 以“跟”为例 // 汉语学习. 1991. № 5. 17 – 21页.
15. 刘爱菊. 汉语并列词与伴随介词共时纠葛的历时分化 – 以并列连词“及”的历时语法化来源为例 // 南开语言学刊. 2006. № 1. 56 – 66页.
16. 吕叔湘. 吕叔湘全集, 第五卷现代汉语八百词, – 沈阳, 辽宁教育出版社. 2002. 1 – 760页.
17. 吴福祥. 汉语语法化演变的几个类型学特征 // 中国语文. 2005. № 6. 483 – 494页.
18. 吴福祥. 汉语伴随介词语法化的类型学研究 – 兼论SVO型语言中伴随介词的两种演化模式 // 中国语文. 2003. № 1. 43 – 58页.
19. 张谊生. 交互类短语与连介兼类词的分化 // 中国语文. 1996. № 5. 330 – 338页.

О.А. Давыдова

Майдан и сход как казачьи этнографизмы

Статья рассматривает слова майдан и сход как казачьи этнографизмы. Они выражают принципиальные для языковой картины мира казаков устройство общественной жизни, когда важные для жизни поселения решения принимались коллективно. На майданах (кругах, сходах) выбирали атамана, распределяли земельные наделы, наказывали провинившихся. Соответствующие словарные статьи в словаре языка писателя должны быть уточнены и дополнены.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, казак, словарь языка М.А. Шолохова, этнографизм, майдан, сход.

Как известно, главными героями произведений М.А. Шолохова были донские казаки, среди которых он прожил всю жизнь, язык которых был для него родным, с традициями и обычаями которых лауреат Нобелевской премии по литературе познакомил граждан своей страны и читателей всего мира (произведения классика XX в. переведены почти на 100 языков мира).

Среди слов, отражающих языковую картину мира донских казаков, немало лексем, которые пополнили запасы русского литературного языка, их семантика содержит этнический компонент, чаще всего в виде сем 'казак', 'казачий', 'на Дону' и подобных: *курень* «Обл. Жилище, дом (у казаков)» [1, т. 8, с. 798]; станица 'Большое селение в казачьих областях (на Дону, Кубани и др.)' [10, т. 14, с. 721]; есаул 'В дореволюционной России – офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий чину ротмистра в кавалерии и капитана в пехоте; лицо, имеющее такой чин' [1, т. 5, с. 543] и др. У приведенных и подобных им «этнографическая» сема входит в дефиницию главного значения слова [3]. Есть лексемы, принадлежность которых к казачьим этнографизмам выявляется не из дефиниции, а из примеров, которыми значение подтверждено [4], есть лексемы, которые отражают жизнь не только казаков, но и других жителей России, однако в языке казаков у них особые значения, которые иногда отражаются в дефинициях слов в академических словарях в виде оттенков значения, а иногда их этнографическая привязка выявляется только из сопоставления дефиниций слова в толковых словарях русского литературного языка с дефинициями из словарей, отражающих говор казаков. Такими словами являются слова *майдан* и *сход* (*сходка*), широко представленные в языке произведений М.А. Шолохова и отраженные в словаре языка писателя [11].

Слово *майдан* встречается на первой странице романа «Тихий Дон», когда писатель рассказывает о необычной жене Прокофия Мелехова, которая «развела» казака и с родной семьей, и с другими жителями хутора Татарский: *С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своем курене, на отшибе у Дона, бирюком* (Тих. Дон, 1, I)¹. Где же не бывал Прокофий и почему для писателя важно указать, что казак не бывал на майдане?

В выходящем в настоящее время большом академическом словаре у слова *майдан* указано 4 значения, большая часть которых ограничена по употреблению: «1. 'В южных областях России, на Украине – базарная площадь'. 2. Устар. и обл. 'Место, площадка для выгонки дегтя, производства поташа и т.п.; лесная смолокурня'. 3. Прост. 'В воровском жаргоне – помещение, место, где идет азартная игра в карты; сама такая игра'. 4. 'В археологии – особый вид курганов, древних могил, обычно раскопанных сверху'» [1, т. 9, с. 416]. Конечно, после политических событий 2013–2015 гг. новый академический словарь, по-видимому, отразит особое значение слова и его производных как украинских экзотизмов. В предыдущем большом академическом словаре слово однозначно трактовалось как казачий этнографизм: «1. Обл. Базарная площадь, открытое место, где собирается народ (в станице, казацкой деревне)» [10, т. 6, с. 499]. К дефиниции можно предъявить претензию по поводу *казацкой деревни* (*деревень* у казаков не было, были *хутора* и *станицы*, у иногородних *слободы*), видимо, лексикологи посчитали нужным расширить ареал бытования слова. Понятно, что в первом из многочисленных примеров употребления слова в романе «Тихий Дон» писатель употребляет слово в другом значении: посещать ли базар, гулять ли по базарной площади – личное дело каждого жителя. Значение 'площадь базарная (главная)' характерно для казачьего диалекта и отмечено во всех словарях: «1. 'Площадь'. <...> 3. 'Главная улица'» [7, с. 179]; «1. 'Площадь перед станичным правлением'» [9, с. 309]; 'Площадь, место проведения хуторского, станичного кругов и других мероприятий' [8, с. 81]; «2. 'Площадь перед станичным управлением'» [6, с. 85]; «'Центральная площадь станицы'. *Донск.*» [12, с. 164]. Заметим, что подобное значение есть в говоре казаков не только европейской России (для более детального анализа нужны исследования говора разных казачьих войск). В говоре уральских (яицких) казаков Н.М. Малеча отметил: «1. 'Сборное место, площадь'» [5, т. 2, с. 389]. Естественно, это широко употребительное значение предстает и в шолоховских текстах: *С поля приехал Григорий с отцом. Игнат*

¹ Здесь и далее при цитировании произведений М.А. Шолохова [13] после названий произведений арабскими цифрами указана часть романов, римскими – глава.

баз заплетал хворостом, подошел, и от рук его пахуче несло пряным запахом листьев лежалых. – Нас, Григорий, в правление требуют. На майдане сход хуторной (Коловерть, VI); На майдане собрался однажды сход: подходили дележ и порубка хвороста. Толпились у крыльца правления в тулупах и шубах, поскрипывали валенками. Холод загнал в правление (Тих. Дон, 1, VII) и др.

Но гораздо чаще центральную, главную площадь станицы Шолохов именует по-военному *плац*. Давнее немецкое заимствование отражено во всех толковых словарях русского литературного языка: ‘Площадь для военных парадов, смотров, строевых занятий’ [1, т. 17, с. 42]. Слово отмечено и в словарях казачьего диалекта: ‘Площадь’ [7, с. 231]; ‘Главная площадь казачьего селения’ [9, с. 422]: *В хуторе хлопали закрываемые ставни, от вечерни, крестьясь, спешили старухи, на плацу колыхался серый столбище пыли, и отягощенную вешней жарою землю уже засекали первые зерна дождя* (Тих. Дон, 1, IV) и др. Название *плац* как главное место станицы, на котором происходят важнейшие события, синонимичен слову *майдан*: *Из хутора в майские лагеря уходило человек тридцать казаков. Место сбора — плац. Часам к семи к плацу потянулись повозки с брезентовыми будками, пешие и конные казаки в майских парусиновых рубашках, в снаряжении* (Тих. Дон, 1, III). Чаще писатель называет главную площадь литературным эквивалентом *площадь*: *Все, кроме учителя Баланды, имели в хуторе собственные дома. На площади красовался ошелеванный пластинами, крашеный в синее домище Мохова. Против него на самой пуповине площади раскорячился магазин со сквозными дверями и слинявшей вывеской: «ТОРГОВЫЙ ДОМ МОХОВ С.П. и АТЕ-ПИН Е.К.»* (Тих. Дон, 2, I); *А на квадрате площади дыбились задранные оглобли повозок, визжали лошади, сновал разный народ; около пожарного сарая болгары-огородники торговали овощной снедью, разложенной на длинных рядах, позади них кучились оравами ребятишки, глаза на распряженных верблюдов, надменно оглядывавших базарную площадь, и толпы народа, перекипавшие краснооколыми фуражками и цветастой россыпью бабьих платков* (Тих. Дон, 3, I) и др.

Главным значением *майдан* в говоре казаков и в дискурсе Шолохова является лексико-семантический вариант ‘Собрание казаков’. Это собрание, на котором решались важнейшие для хутора (станции) дела, оглашались указы начальства, выбирали атаманов, – отголосок демократического устройства казачьей жизни, которым очень гордились казаки. Это собрание имело в дискурсе казаков несколько именовании, главное из которых *круг* ‘Общее собрание казаков’ [2, с. 242]; ‘Общее собрание казаков как орган самоуправления’ [9, с. 273]. *Круг* – это настолько важ-

ное для казачьей языковой картины мира понятие, что слову должна быть посвящена специальная публикация, в этой останемся на синониме *сход* (*сходка*).

Итак, главным значением слова *майдан* является 'Собрание казаков'. Оно отмечено во многих словарях донских говоров [2, с. 274; 6, с. 85; 9, с. 309]; 'сборище (сход)' [7, с. 179]; в качестве оттенка значения оно отражено в академическом словаре русского литературного языка: «Устар. 'У казаков – станичный круг, сходка'» [1, т. 9, с. 416]. Отметим некоторую языковую неточность: *круг (сходка)* бывает не только *станичным*, но и *хуторским*. Итак, главным значением данный лексико-семантический вариант является и в дискурсе М.А. Шолохова: *Заметно преобладали молодые. Но и среди них не встречалось сочувствующих. Каменные лица, чужие недоверчивые глаза, исподобные взгляды видел на майдане Иван Алексеевич, проводя собрание* (Тих. Дон, 6, XXII); *Вскоре на майдане был оглашен приказ окружного атамана, обязывавший ехать в отступление всех взрослых казаков. Пантелей Прокофьевич пришел с майдана, рассказал Григорию о приказе, спросил: – Что будем делать?* (Тих. Дон, 7, XXV) и др. Нетрудно понять, что именно на общие собрания казаков перестал ходить Прокофий Мелехов, о чем повествует нам Шолохов на первой странице романа «Тихий Дон».

Значение 'Собрание казаков' слово *майдан* получило в результате метонимического переноса с названия площади, на которой проводились такие собрания. Заметим, что другие значения слова *майдан* лексема приобрела в результате переноса наименования собрания на помещение, в котором проходило общее собрание казаков зимой: «4. 'Здание, где происходит собрание казаков'» [2, с. 274]; «4. 'Здание, где бывает сход казаков' 6. 'Главная комната в станичном правлении'» [7, с. 179]; 6. [9, с. 309], она также называется *майданная* [Там же]; «7. 'Трибуна (раньше балкон при станичном правлении, откуда говорили речи на сходе)'» [7, с. 179]; 6. [2, с. 274]; 5. Устар. [9, с. 309]. Слово *майдан* в таком значении употребляет и М.А. Шолохов, но его довольно трудно отграничить от второго или первого (уже указанных) значений: *На собрание пошел он вместе с Кошевым и Иваном Алексеевичем. Майдан набит битком. У Ивана Алексеевича даже сердце не по-хорошему екнуло: «Чтой-то они неспроста собрались... Весь хутор на майдане».* Но опасения его рассеялись, когда он, сняв шапку, вошел в круг (Тих. Дон, 6, XXIV); *В стены паутистые хуторского майдана баритон дворянски-картавый тычется. Пальцы розовато-пухлые, холеные, жестикулируют сдержанно и вполне прилично. А кругом потной круговиной сгрудились, жарко дышат махорочным*

перегаром и хлебом пшеничным окисшим. Папахи красноверхие, бороды цветастые (Коловерть, VII).

Из уже приведенных примеров видно, что устойчивыми являются сочетания *хуторской майдан* и *станичный майдан*, показывающие, в каком из казацких поселений происходит общее собрание казаков: *До поздней ночи на хуторском майдане гремел гул голосов. Пахомыч пришел оттуда затемно* (Коловерть, VI); *По постановлению схода лишили его казацкого звания и земельного пая, всыпали на станичном майдане пятьдесят розог за неуважение к высочайшему имени, а дело постановили замять* (Путь-дороженька, 1, VI). Писатель рисует читателю, что обычно общие собрания казаков проходили бурно: *Майдан, как пчельник, полнился тихим шумом. Казаки переговаривались, шутили, но лица у всех были напряженные. Кто-то не выдержал ожидания, крикнул молодое: – Начинайте! Чего ждать? Все почти собрались!* (Тих. Дон, 5, XXIII); поэтому неслучайно шолоховское сравнение, в котором объектом является шум майдана: *По толпам делегатов зыбью прошло волнение после того, как был оглашен приказ Каледина об аресте членов съезда. Взыбился шум, в сто крат больший, чем на любом станичном майдане* (Тих. Дон, 5, VIII).

Чаще общее собрание казаков хутора или станицы писатель называет *сход*: *В Татарском в день приезда Григория уже сформировались две сотни казаков. На сходе постановили мобилизовать всех способных носить оружие, от шестнадцати до семидесяти лет* (Тих. Дон, 6, XXX) и др. Слово *сход* отмечают уже далеко не все из словарей казацкого говора, видимо, полагая, что значение мало чем отличается от значения слова в литературном языке: *сход* ‘То же, что сходка (в 1 и 2 знач.)’ [10, т. 14, с. 1278]; *сходка* «2. ‘Собрание членов сельской общины в дореволюционной России и доколхозной деревне’» [Там же, с. 1288], но все же оно отмечено: *сход* ‘Общее собрание казаков’ [2, с. 52] и даже устойчивое сочетание : *станичный сход* «Арх. ‘Собрание выборных от хуторов’» [2, с. 508]. Отметим, что *сход* бывает не только *станичным*: *В исполкоме на станичных сходах шепотом сообщались новости, но дед Гаврила ни разу не ступнул на расшатанное исполкомское крыльцо, надобности не было, потому о многом не слышал, многое не знал* (Чужая кровь); *Так вышкочил он казаков, что на станичном сходе после речи его (говорил Лиховидов ладно; не только силой, но и умом не обнесла его природа) режут старики, как табун сплошь из бугаев: «В добрый час, ваше благородие! Покорнейшие просим!» – «Верна!»* (Тих. Дон, 5, XXIV) и др., но и *хуторской*: *А только вышло так, что в сентябре, в праздник, пришли качаловцы с хуторского схода к двору коллективскому (Двухмужняя); До этого сидевшие на краю плетня командиры шепотом говорили о подступавшей*

весенней пахоте, о том, что станется с хозяйствами, ежели придется идти на прорыв, но после речи чирца загорланили все. Совецание разом приняло бурный характер какого-нибудь хуторского схода (Тих. Дон, 6, XXXVI).

Заметим также, что на сходах наказывали провинившегося казака, а формой наказания нередко бывала публичная порка: – *Да какой же он (Устин Рыкалин. – О.Д.) враг? – в изумлении воскликнул Осетров. – Говорю тебе, что он сам не свой становится, когда осерчает, вот и все! <...> Его, подлеца, до революции старики наши за супротивность несчетно поролы на хуторских сходах* (Подн. цел., 2, 13); такую же угрозу выкрикивает Пантелей Прокофьевич, узнав о связи Григория с замужней Аксиньей: *Пантелей Прокофьевич – сына по шее тугим кулаком. – На сходе заporю!.. Ах, ты, чертово семя, прокля-я-а-тый сын!* (Тих. Дон. 1, X).

Гораздо менее частыми примерами представлен в дискурсе М.А. Шолохова абсолютный синоним *сходка* (это слово отмечено другими словарями казачьих говоров: ‘Собрание казачьего общества, ср. круг 2’ [9, с. 580]): *Гляжу я, матушка, а его ведут из тюрьмы на сходку. Казаки шум приподняли, ему хоть бы что!* (Путь-дороженька, 1, IV); *Площадь, поросшая пышатками кучерявыми. Правление. Сходка у крыльца* (Коловерть, XI); *Нынче приезжает к нам сам командующий всей Донской армией, сам генерал Сидорин. Понял? Зараз получил с нарочным бумажку от станичного атамана, приказывает стариков и баб всех до одного собрать на сходку. — Да они в уме? — вскричал Пантелей Прокофьевич. — Да кто же это в такую горячую пору сходки устраивает? А сена мне на зиму припасет твой генерал Сидорин?* (Тих. Дон, 7, XII).

Синонимический ряд, который составляют казачьи этнографизмы: *майдан, сход, сходка, круг* – дополняет у писателя и литературные эквиваленты: *собрание* ‘Совместное заседание членов какой-либо организации, коллектива для обсуждения чего-либо’ [10, т. 14, с. 42]: *На собрание пошел он (Штокман. – О.Д.) вместе с Кошевым и Иваном Алексеевичем. Майдан набит битком. У Ивана Алексеевича даже сердце не по-хорошему екнуло: «Чтой-то они неспроста собрались... Весь хутор на майдане». Но опасения его рассеялись, когда он, сняв шапку, вошел в круг* (Тих. Дон, 6, XXIV); *сбор* ‘Собрание, слет членов какой-либо организации, общины’ [10, т. 13, с. 235], как и *сходы*, они бывают *хуторские* и *станичные*: *На хуторе Татарском была получена от вешенского станичного атамана бумага, извецавшая о том, что в станице Вешенской 22-го сего месяца состоится станичный сбор для выборов делегатов на Войсковой круг. <...> На станичном сборе в числе остальных делегатов на Круг*

избрали и Пантелея Прокофьевича (Тих. Дон, 6, I); Оказалось, что Мишкина мать, ползая на коленях на хуторском сборе, упростила стариков, и те написали от общества приговор с просьбой Михаила Кошевого как единственного кормильца в семье назначить в атарицики (Тих. Дон, 6, II).

Если в «Донских рассказах» и «Тихом Доне» Шолохов употребляет целый ряд синонимов для обозначения общего сбора казаков, то в «Поднятой целине», отражая изменившиеся условия, прошедшее рассказывание, слова *майдан*, *круг*, *сбор* не используются, слово *сход* отмечено только в приведенных примерах, рассказывающих о старине, но слово *собрание* с разными определителями – одна из частотных лексем (приведем только несколько из многочисленных примеров): *Жизнь в Гремячем Логу стала на дыбы, как норовистый конь перед трудным препятствием. Казаки днем собирались на проулках и в куренях, спорили, толковали о колхозах, высказывали предположения. Собрания созывались в течение четырех дней подряд каждый вечер и продолжались до кочетиного побудного крику* (Подн. цел., 1, XII); *Утром он условился с Давыдовым встретиться там за час до общего собрания, которое должно было начаться с наступлением темноты* (Подн. цел., 1, IX); *На другой день, 4 февраля, общее собрание колхозников единогласно вынесло постановление о выселении из пределов Северо-Кавказского края кулацких семей* (Подн. цел., 1, XIII); *Колхозное собрание охотно приняло решение насчет обобществления всего скота, поскольку рабочий и молочно-продуктивный уже был обобществлен, <...> но по поводу птицы возгорелись долгие прения. Особенно возражали бабы* (Подн. цел., 1, XVII); *На следующий день на закрытом собрании гремяченской партиячейки было единогласно принято решение обобществить весь скот: как крупный гулевой, так и мелкий, принадлежащий членам гремяченского колхоза. Кроме скота, было решено обобществить и птицу* (Подн. цел., 1, XVII) и другие многочисленные примеры.

Итак, в языке произведений М.А. Шолохова представлен синонимический ряд слов, называющий важные для языковой картины мира казаков слова, отражающие особенности самоуправления: *майдан*, *круг*, *сход*, *сходка*, *сбор*. Слова *майдан* (во всей совокупности значений) и *сход* являются казачьими этнографизмами. Значение ‘площадь’ реализуется не только словом *майдан*, но и также рядом синонимов: *плац*, *площадь*. Толковый словарь языка писателя [11], в котором представлено большинство рассмотренных лексем, должен быть дополнен устойчивыми сочетаниями: *сход* (*станичный сход*), отдельно должна быть представлена статья *сбор* с устойчивыми сочетаниями (*станичный сбор*, *хуторской сбор*), а

существующие статьи *сходка* и *сход* должны быть дополнены примерами из «Донских рассказов» и «Поднятой целины».

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка. М.–СПб., 2004.
2. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
3. Давыдова О.А. Казачьи слова в русском языке // Текст: структура, семантика, стилистика: Сб. ст. по итогам Международной конференции памяти Е.И. Дибровой: В 2 ч. / Под ред. С.Ф. Барышевой, О.А. Давыдовой, Е.А. Ерофеевой, Л.Г. Чапаевой. Ч. 1. М., 2015. С. 9–17.
4. Давыдова О.А. Казачьи слова в русском литературном языке (на примере слова *папаша*) // Вопросы филологии. 2009. № 3 (33).
5. Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.
6. Маслов В.Г. Словарь говора Добринки. Изд. 2-е, испр. и доп. Тула, 2006.
7. Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на/Д., 1929.
8. Ремчуков В.Н. Толковый казачий словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград, 2007.
9. Словарь донских говоров Волгоградской области. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград, 2011.
10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л., 1950–1965.
11. Словарь языка Михаила Шолохова / Гл. ред. Е.И. Диброва. М., 2005.
12. Ткаченко П.И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. Изд. 2-е, уточн. и доп. Краснодар, 2008.
13. Шолохов М.А. Собр. соч. В 8 т. М., 1985.

А.А. Ионова, Е.А. Лютикова

Сфера действия адъективных операторов и синтаксис именной группы в русском языке¹

В статье предлагается новый аргумент в пользу единой структуры именной группы в артиклевых и безартиклевых языках. Исследуются интерпретационные возможности предложений, содержащих адъективные операторы – суперлативы

¹ Работа Е.А. Лютиковой над статьей была поддержана Российским научным фондом (РНФ), проект № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира». Авторы выражают глубокую признательность И.М. Кобозевой за заинтересованное и плодотворное обсуждение ряда аспектов данной статьи и А. В. Циммерлингу за неизменную поддержку и участие.

вы, порядковые числительные и прилагательные, – и их корреляции со структурной позицией операторов в именной группе. Обнаруживается, что ограничения на широкую сферу действия операторов в русском языке возникают в тех же семантико-синтаксических контекстах, что и в артиклевых языках, причем специфика этих контекстов связана с функциональной оболочкой группы лексического существительного.

Ключевые слова: именная группа, суперлативы, порядковые прилагательные, сфера действия операторов, островные ограничения, русский язык.

1. Именные группы в универсальной грамматике

Одной из важнейших и наиболее популярных проблем в современной теоретической лингвистике является вопрос об универсальных ограничениях на структуру естественного языка. Независимо от того, какова природа закономерностей, регулирующих пространство типологических возможностей, само наличие таких ограничений позволяет предположить существование универсальной грамматики, допускающей возможные и исключающей невозможные языковые типы. Универсальная грамматика предстает как обобщение над грамматиками конкретных языков и позволяет охарактеризовать конкретно-языковые феномены в терминах универсальных принципов и варьирующих параметров.

Структура именной группы – один из языковых феноменов, универсальность которых активно обсуждается в последние годы. Начиная с работ А. Сабољчи [39–41] и С. Эбни [10] в синтаксической теории утверждается идея о том, что в артиклевых языках группа лексического существительного (NP) вложена в функциональную оболочку – группу определителя (D(eterminer)P), содержащую такие единицы, как артикли, кванторные, указательные и притяжательные местоимения, посессоры.

(1) [_{DP} the/every/this/my/John's [_{NP} book]]

‘книга / каждая книга / эта книга / моя книга / книга Джона’

Такая структура не только подтверждается синтаксическими аргументами (например, тем, что перечисленные единицы входят в один дистрибутивный класс), но и обеспечивает естественное отображение семантической информации в синтаксическую репрезентацию. Группа лексического существительного соответствует предикату над индивидами, а единицы группы определителя превращают этот предикат в референциальное или кванторное выражение. Семантический тип именной группы, в свою очередь, оказывает существенное влияние на ее дистрибуцию [5; 27].

С появлением гипотезы о существовании DP в артиклевых языках возник вопрос об универсальности этой категории и применимости анализа

в примере 1 для безартиклевых языков, в частности, для русского. Если структура примера 1 универсальна, то, несмотря на отсутствие в безартиклевых языках лексических единиц, непосредственно соотносимых с артиклями, именная группа имеет иерархическую структуру, так что группа лексического существительного (NP) вложена по меньшей мере в одну функциональную оболочку (DP), отвечающую за референциальные свойства именной группы и содержащую лексические единицы, создающие соответствующие интерпретации. Аргументы в пользу существования DP в русском языке обобщаются в работах А. Перелцвайг [31; 32], Е. Лютиковой [3].

Противники гипотезы об универсальности DP [15–17] полагают, что в отсутствие типичных представителей категории D – артиклей – такая синтаксическая категория в языке отсутствует, а лексические единицы, кодирующие определенность, референтность и т.п., располагаются в проекции лексического существительного (NP) и имеют соответствующие категории (например, прилагательные). Таким образом, в безартиклевых языках референциальная семантика оказывается лишена синтаксической репрезентации в виде специальной функциональной проекции.

В настоящей статье мы предлагаем новый аргумент в пользу единого устройства семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные (и композиционно организованные) типы семантической информации в разные (и иерархически организованные) уровни синтаксической структуры. Аргумент базируется на синтаксических свойствах и интерпретационных возможностях особого типа прилагательных, которые мы объединяем в класс адъективных операторов. К адъективным операторам мы относим прилагательные в превосходной степени (суперлативы), порядковые прилагательные разных типов, а также прилагательное *единственный*. Мы покажем, что предложения, содержащие такие прилагательные, демонстрируют регулярную многозначность. Эта многозначность связана с возможностями скрытого выдвижения оператора из состава именной группы. Ограничения на доступность ряда интерпретаций, в артиклевых языках связываемые с «барьерными» функциями проекции DP, обнаруживаются и в русском языке, что предположительно свидетельствует о едином синтаксическом устройстве именных групп артиклевых и безартиклевых языков.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделе 2 обосновывается выделение класса адъективных операторов во внутриязыковом и межъязыковом аспектах, исследуются свойства, отличающие эти единицы от других типов прилагательных. Раздел 3 посвящен интерпретационным возможностям предложений, содержащих адъективные

операторы, в русском языке. В разделе 4 обсуждается теория подъема оператора, предлагаемая для английских суперлативных конструкций. Наконец, раздел 5 содержит обсуждение русского материала и показывает, что эмпирические данные получают принципиальное объяснение, если предположить, что в русском языке референциальная семантика также получает синтаксическую репрезентацию.

2. Адъективные операторы

В ряде лингвистических работ уже отмечалось, что некоторые элементы из класса прилагательных по своему поведению заметно отличаются от остальных. В первую очередь это связано с их способностью, входя в состав предложения, создавать различные прочтения, что наиболее подробно рассматривалось на примере прилагательных в превосходной степени (суперлативов) английского языка [22–24; 38]. Так, например, Ирен Хайм отмечает, что на вопрос в примере 2, в зависимости от выбранного прочтения, можно получить два разных ответа:

(2) – Who wrote the largest prime number on the blackboard?

‘Кто написал на доске самое большое простое число?’

a. – Никто, конечно. Не существует самого большого простого числа!

b. – Джон. Только его число было больше 100.

В случае 2a между собой сравниваются все простые числа, из которых требуется выбрать наибольшее, а его, как известно, не существует. В случае 2b сравнение осуществляется между индивидуумами по величине написанных ими простых чисел. Найти самое большое среди этих чисел уже возможно, и ответ 2b абсолютно допустим.

В настоящей работе мы объединяем все прилагательные, вызывающие неоднозначность такого рода, в класс адъективных операторов. В русском языке в его состав входят:

a) аналитические формы превосходной степени прилагательных, образуемые при помощи слова *самый*: *самый пушистый*, *самый удачный*, *самый добрый* и т.п.;

b) немногочисленные формы превосходной степени с префиксом *наи-* (и без суффикса *-ейш/-айш*): *наибольший*, *наименьший*, *наихудший*, *наилучший*, *наинизший*, *наивысший*;

c) прилагательные с суперлативной семантикой, формально не являющиеся суперлативами (лексические суперлативы): *максимальный*, *минимальный*;

d) порядковые прилагательные (или порядковые числительные) в традиционном смысле термина, т.е. слова, «называющие отношение к числу

и определяющие положение предмета в порядке счета» [6, § 1294]: *первый, второй, двадцать второй, двухсотый* и т.д.;

е) другие прилагательные, также определяющие положение предмета в некотором упорядоченном (либо частично упорядоченном) множестве: *следующий, предыдущий, очередной, последний*;

ф) прилагательное *единственный*.

Далее мы будем называть элементы классов а-с суперлативами или прилагательными в форме превосходной степени, а элементы классов d-e – порядковыми прилагательными.

Стоит отметить, что, несмотря на очевидное сходство суперлативов с порядковыми прилагательными, последние часто оказываются обделенными вниманием в семантических исследованиях суперлативов. То же можно сказать и про прилагательное *only/единственный*. Лишь в нескольких работах все эти прилагательные рассматриваются как единый феномен [9; 13; 14]. Например, в работе Р. Бхатта [13] отмечается, что именно эти три класса прилагательных разрешают немодальную интерпретацию инфинитивных относительных клауз в английском языке (тогда как в остальных случаях такая интерпретация недоступна, ср. примеры 3a и 3b):

- (3) a. the first / only / tallest man to walk on the moon
 ‘первый / единственный / самый высокий человек, ступивший на Луну’
 b. the man to fix the sink
 i. #‘человек, починивший раковину’
 ii. ‘человек, который должен починить раковину’

Все адъективные операторы обладают рядом синтаксических и семантических особенностей, позволяющих выделить их из класса прилагательных (некоторые из них отмечены в работе Е. Лютиковой [2]).

Во-первых, адъективные операторы могут занимать разные позиции внутри именной группы по отношению к другим элементам, модифицирующим существительное. В целом, возможные варианты их линейной позиции можно изобразить следующим образом:

- (4) Qu ([?]A_{OP}) Dem (A_{OP}) Poss (A_{OP}) Q (A_{OP}) A* (A_{OP}) N¹

Как видно из примера 4, возможные позиции адъективных операторов не ограничиваются нормальной для прилагательных позицией между

¹ Здесь A_{OP} – адъективный оператор, Qu – кванторное слово, Dem – указательное местоимение, Poss – притяжательное местоимение или прилагательное (референтное), Q – числительное, A – прилагательное, N – существительное. Символ «*» обозначает возможность рекурсии. Подробнее о базовом порядке следования модификаторов в русской именной группе см. в работах Г. Раппопорт [33], Н. Исакадзе [1] и Е. Лютиковой [4].

числительным и именной вершиной (*все эти твои пять гениальных лингвистов*):

(5) а. эта единственная фраза	а'. ?единственная эта фраза
б. папино первое письмо	б'. первое папино письмо
с. две самые яркие страницы	с'. самые яркие две страницы
д. торопливые последние слова	д'. последние торопливые слова

Инвертированный порядок следования элементов именной группы, при котором адъективный оператор располагается перед указательным местоимением (пример 5а), встречается довольно редко. Именные группы в примерах 5d-d' явно отличаются друг от друга по значению, т.к. различаются между собой упорядоченные множества, из которых выбирает элемент порядковое прилагательное (*слова* vs. *торопливые слова*). В случаях типа 5с-с' порядок следования модификаторов влияет (или может влиять) на референцию именной группы: во втором случае между собой сравниваются, по-видимому, не просто страницы, а пары страниц¹ [34]. Самым интересным оказывается случай 5b-b', где без осязаемых семантических или коммуникативных различий адъективный оператор может оказываться как справа, так и слева от притяжательного прилагательного или местоимения. Как будет показано ниже, такие конструкции примечательны и с точки зрения возможных прочтений, вызываемых адъективными операторами.

Во-вторых, к синтаксическим особенностям, свойственным суперлативам, порядковым прилагательным и прилагательному *единственный*, относится их способность употребляться в элективных конструкциях, что свойственно, например, для кванторных слов и числительных, но не для обычных прилагательных:

- (6) а. первый / самый умный / единственный из студентов
 б. каждый / многие / некоторые из профессоров
 с. один / трое / несколько из рецензентов
 д. *хороший / *дорогие / *детский из врачей

В-третьих, адъективные операторы могут присоединять относительное предложение с релятивизатором – вопросительным местоимением. Такое поведение свойственно указательным местоимениям и кванторным словам, но не обычным прилагательным:

¹ Семантика суперлативов во множественном числе рассматривалась в нескольких работах [21.; 37].

- (7) а. последнее / самое интересное / единственное, что удалось узнать
 б. все / каждый / многие / те, кто пришел заранее
 с. *умные / *успешный, кто получил диплом

В-четвертых, адъективные операторы могут лицензировать некоторые чувствительные к полярности элементы, а именно местоимения и наречия на *-либо*, употребляемые в относительной клаузе. Это свойство также присуще кванторным словам:

- (8) а. единственный / последний человек, который когда-либо сталкивался с Олегом
 б. каждый человек, который когда-либо сталкивался с Олегом
 с. *хороший человек, который когда-либо сталкивался с Олегом

Наконец, в-пятых, выделить адъективные операторы в отдельный класс позволяют и факты сочинения: адъективные операторы крайне редко используются в сочинительных конструкциях с другими прилагательными (и во многих случаях грамматичность таких примеров можно поставить под сомнение), тогда как сочинение двух (или нескольких) адъективных операторов абсолютно приемлемо:

- (9) а. последний и самый интересный проект
 а'. *последний и интересный проект
 б. единственный и самый драгоценный дар
 б'. *единственный и драгоценный дар

С семантической точки зрения три класса адъективных операторов также обладают рядом общих свойств. Часто элемент некоторого множества, обладающий наибольшей степенью проявления признака, мы можем назвать как прилагательным в превосходной степени, так и «крайними» порядковыми прилагательными (*первый* или *последний*)¹:

- (10) а. Он добрался до Москвы *самой ранней* электричкой и оказался первым перед еще запертой дверью сберкассы. [Эмма Герштейн. Лишняя любовь (1985–2002)]
 б. Он добрался до Москвы *первой* электричкой и оказался первым перед еще запертой дверью сберкассы.

¹ В некоторых языках сходство между суперлативами и порядковыми прилагательными еще больше бросается в глаза. Например, согласно Л. Былининой с соавторами [9], именные группы *первый поезд* и *самый ранний поезд* можно перевести на японский язык, используя слово *ichiban* в обоих случаях:

(i) а.	kita-eki-hatsu-no	ichiban-me-no	densha-wa	6:43-ni	deta.
	север-вокзал-от-GEN	ichiban-ME-GEN	поезд-TOP	6:43-в	ушел
	‘Первый поезд с Северного вокзала отправился в 6:43.’				
б.	kita-eki-hatsu-no	ichiban hayai	densha-wa	6:43-ni	deta.
	север-вокзал-от-GEN	ichiban ранний	поезд-TOP	6:43-в	ушел
	‘Самый ранний поезд с Северного вокзала отправился в 6:43.’				

Общность семантики адъективных операторов определяется тем, что все они обращаются к так называемому классу сравнения – множеству, элементы которого сравниваются между собой. Так, в примере 10а в класс сравнения входят электрички, идущие до Москвы из некоторого очевидного из контекста места. Все рассматриваемые нами прилагательные указывают на какой-либо один элемент этого множества. Прилагательные в превосходной степени задают свойство, по которому на множестве устанавливается отношение порядка, и выбирают элемент, обладающий максимальной степенью проявления этого свойства. В случае порядковых прилагательных элементы класса сравнения упорядочиваются на некоторой контекстуально заданной шкале, и прилагательное выбирает элемент, занимающий на этой шкале n -ю позицию. Прилагательное *единственный* утверждает, что в класс сравнения попадает ровно один элемент.

По сути, различия между возможными прочтениями предложений с адъективными операторами, к анализу которых мы переходим, сводятся к различиям между классами сравнения, релевантными в каждом случае.

3. Интерпретации предложений с адъективными операторами

Рассмотрим предложение 11, демонстрирующее регулярную неоднозначность, связанную с адъективным оператором.

(11) Дафнис подарил Хлое самый красивый цветок.

i. ‘Дафнис подарил Хлое цветок, который красивее любого другого цветка (из некоторого релевантного множества)’.

ii. ‘Дафнис подарил Хлое цветок красивее, чем ей подарил кто-либо еще’.

iii. ‘Хлое Дафнис подарил цветок красивее, чем он подарил кому-либо еще’.

Традиционно (начиная с работы А. Сабољчи [38]) прочтения типа i называются абсолютными, а прочтения типа ii и iii – сравнительными. При абсолютном прочтении класс сравнения определяется исключительно материалом именной группы. В таких случаях мы будем говорить, что сфера действия (СД) адъективного оператора распространяется на именную группу или что оператор имеет узкую сферу действия. В случае сравнительного прочтения при задании класса сравнения учитывается материал всей (или почти всей) клаузы. Тогда адъективный оператор имеет клаузальную (широкую) сферу действия. Сферы действия оператора для различных прочтений предложения 11 можно изобразить следующим образом:

- (12) i. самый [*d*-красивый цветок]
 ii. самый [*x* подарил Хлое *d*-красивый цветок]
 iii. самый [Дафнис подарил *x*-у *d*-красивый цветок]

Так, при абсолютной трактовке предложения 11 в класс сравнения *C* входят все цветы из какого-либо контекстно либо прагматически заданного множества (это может быть множество цветов во всем мире / на острове Лесбос / в магазине «Цветы»). При сравнительных прочтениях класс сравнения может определяться по-разному: он состоит либо из некоторого подмножества всех цветов (например, из цветов, подаренных кем-либо Хлое), либо из индивидумов (например, тех, кто когда-либо дарил Хлое цветок):

- (13) i. $C = \{d\text{-красивые цветы}\}$
 ii. $C = \{d\text{-красивые цветы, подаренные Хлое}\}$
 или
 $C = \{\text{индивидуумы, которые подарили Хлое } d\text{-красивые цветы}\}$
 iii. $C = \{d\text{-красивые цветы, подаренные Дафнисом}\}$
 или
 $C = \{\text{индивидуумы, которым Дафнис подарил } d\text{-красивые цветы}\}$

Очевидно, что у предложения может быть только одно абсолютное прочтение (при наличии одной именной группы, в состав которой входит адъективный оператор) и одно или более сравнительных прочтений (в зависимости от структуры клаузы). Однако в речи такая неоднозначность среди сравнительных прочтений едва ли часто ощущается говорящим и слушающим. Это происходит из-за чувствительности адъективного оператора с широкой сферой действия к фокусу. Так, если сфокусировать в примере 11 подлежащее при помощи рематического акцента, то доступным останется только одно сравнительное прочтение (при этом абсолютная интерпретация по-прежнему является возможной):

- (14) [дафнис]_F подарил Хлое самый красивый цветок.
 i. 'Дафнис подарил Хлое цветок, который красивее любого другого цветка (из некоторого релевантного множества)'.
 ii. 'Дафнис подарил Хлое цветок красивее, чем ей подарил кто-либо еще'.
 iii. # 'Хлое Дафнис подарил цветок красивее, чем он подарил кому-либо еще'.

Безусловно, мы можем более существенно модифицировать линейно-акцентную структуру: не только выделить нужную составляющую просодически, но и изменить порядок слов, чтобы поместить подлежащее в позицию ремы [5; 7; 8]. Это линейно-акцентное преобразование также «провоцирует» соответствующее сравнительное прочтение:

(15) Самый красивый цветок Хлое подарил [Дафнис]_F.

i. 'Дафнис подарил Хлое цветок, который красивее любого другого цветка (из некоторого релевантного множества)'.

ii. 'Дафнис подарил Хлое цветок красивее, чем ей подарил кто-либо еще'.

iii. # 'Хлое Дафнис подарил цветок красивее, чем он подарил кому-либо еще'.

Несложно убедиться, что все вышесказанное верно и для других типов адъективных операторов. Подставив в предложение 11 порядковое прилагательное или прилагательное *единственный* вместо суперлатива, мы снова получим три возможных прочтения с тремя различными сферами действия оператора:

(16) Дафнис подарил Хлое первый / единственный цветок.

i. первый / единственный [цветок]

ii. первый / единственный [х подарил Хлое цветок]

iii. первый / единственный [Дафнис подарил х-у цветок]

При изменении тема-рематической структуры предложения 16 адъективный оператор будет ассоциироваться с новой ремой, что приведет к недоступности одного из сравнительных прочтений:

(17) Первый / единственный цветок Дафнис подарил [Хлое]_F.

i. первый / единственный [цветок]

ii. # первый / единственный [х подарил Хлое цветок]

iii. первый / единственный [Дафнис подарил х-у цветок]

Помимо информационной структуры предложения, на доступность различных прочтений могут влиять и другие факторы. Наибольший интерес для наших целей представляют те случаи, когда адъективный оператор вообще не может иметь широкую сферу действия, и, соответственно, доступным остается только абсолютное прочтение.

В рассматривавшихся выше примерах адъективный оператор занимает крайнюю левую позицию в именной группе. Обнаруживается, что если ему предшествует какой-либо из элементов левой периферии именной группы – указательное местоимение, притяжательное местоимение или притяжательное прилагательное, – то сравнительные прочтения становятся недоступны.

Например, предложение 18 с порядковым прилагательным может иметь два уже привычных нам прочтения: абсолютное и сравнительное.

(18) В 1927 году кинокомпания «Уорнер Бразерс» выпустила первый звуковой фильм.

i. 'В 1927 году «Уорнер Бразерс» выпустила первый в истории кинематографа звуковой фильм'.

СД: первый [звуковой фильм]

ii. 'В 1927 году «Уорнер Бразерс» выпустила свой первый (но обязательно первый в истории кинематографа) звуковой фильм'.

СД: первый [«Уорнер Бразерс» выпустила звуковой фильм]

Однако если на левой периферии именной группы располагается указательное местоимение, сравнительное прочтение оказывается недоступным:

(19) В 1927 году кинокомпания «Уорнер Бразерс» выпустила этот первый звуковой фильм.

i. СД: первый [звуковой фильм]

ii. # СД: первый [Уорнер Бразерс выпустила звуковой фильм]

Тот же интерпретационный эффект возникает, если слева от адъективного оператора оказывается притяжательное прилагательное или местоимение (ср. 20a). Заметим, что на доступность сравнительного прочтения влияет не просто наличие соответствующих лексем в составе именной группы, а их расположение на левой периферии. Действительно, как мы видели в разделе 2, в именной группе с притяжательными местоимениями и прилагательными допустим и другой порядок следования модификаторов, когда адъективный оператор оказывается самым левым элементом именной группы ($A_{OP} - Poss - N$). В таком случае сравнительное прочтение остается доступным (пример 20b). Кроме того, оно будет доступным и при выражении отношения принадлежности постпозитивной конструкцией с приименным генитивом (пример 20c):

(20) а. Сегодня мы посмотрели Петин единственный фильм.

i. 'Сегодня мы посмотрели единственный в фильмографии Пети фильм'.

ii. # 'Сегодня мы посмотрели только один Петин фильм'.

б. Сегодня мы посмотрели единственный Петин фильм.

i. 'Сегодня мы посмотрели единственный в фильмографии Пети фильм'.

ii. 'Сегодня мы посмотрели только один Петин фильм'.

в. Сегодня мы посмотрели единственный фильм Пети.

i. 'Сегодня мы посмотрели единственный в фильмографии Пети фильм'.

ii. 'Сегодня мы посмотрели только один Петин фильм'.

Чтобы понять, почему элементы левой периферии именной группы мешают адъективному оператору получить широкую сферу действия, в следующем разделе мы обратимся к теориям, нацеленным на объяснение механизмов, приводящих к возникновению сравнительного прочтения.

4. Подъем оператора

В настоящее время существует два основных подхода к описанию логической формы конструкций с суперлативами, по-разному объясняющих их неоднозначность. В соответствии с устоявшейся терминологией, мы будем называть первый из них теорией сферы действия (Scope Theory) [11; 23; 24; 38], а второй – прагматической теорией (Pragmatic Theory) [20; 35; 36].

Обе теории используют логические формы, в которых присутствует оператор превосходной степени *-est*, принимающий три аргумента: 1) отношение R (между степенью проявления признака и индивидуумом), задаваемое градуальным прилагательным; 2) индивидуум *x*; 3) скрытый рестриктор *C*, соответствующий классу сравнения.

Основное различие между двумя теориями состоит в способе определения необходимого класса сравнения. В соответствии с прагматической теорией, *C* частично задается сферой действия суперлативного оператора внутри именной группы, а частично – контекстом. Рассмотрим следующий пример [29]:

(21) John bought the largest cake for Mary.

‘Джон купил самый большой торт для Мэри’.

i. ‘Джон купил для Мэри торт, который больше любого другого торта’.

ii. ‘Джон купил для Мэри торт больше, чем ей купил кто-то либо еще’.

iii. ‘Для Мэри Джон купил торт больше, чем он купил для кого-либо еще’.

Прагматическая теория утверждает, что при всех трех прочтениях множество *C* сначала определяется только именной группой (22a) и состоит из тортов, обладающих какой-либо степенью проявления признака величины (22b):

(22) a. [_{DP} the [_{NP} [-*est* C] [_{NP} *d*-large cake]]]

b. $C = \{x: \exists d [x \text{ is a } d\text{-large cake}]\}$

Далее класс *C* может быть дополнительно ограничен контекстом. Например, если *C* ограничено множеством тортов на витрине некоторого кондитерского магазина, то мы получаем абсолютное прочтение (21i). Если *C* ограничено множеством тортов, которые некоторые релевантные индивидуумы купили для Мэри, результатом будет сравнительное прочтение (21ii), а если множеством тортов, которые Джон купил для кого-то, – сравнительное прочтение (21iii). Следовательно, прагматическая

теория постулирует одинаковую логическую форму для всех прочтений предложения 21.

В теории сферы действия для разных прочтений предлагаются разные логические формы. При абсолютном прочтении класс сравнения, так же как и в прагматической теории, задается суперлативной именной группой, которая по-прежнему имеет логическую форму (22a). Класс C при этом также состоит из множества тортов некоторой величины. Сравнительное прочтение – и в этом различие между теориями – возникает за счет того, что [-est C] получает клаузальную сферу действия в результате подъема из именной группы. Например, при сравнительном прочтении (21ii) предложение 21 имеет логическую форму 23a, где [-est C] находится за пределами именной группы. Классом сравнения в таком случае является множество индивидуумов, которые купили для Мэри торт, как в примере 23b:

- (23) a. [_{TP1} John [_{TP2} [-est C] [_{TP3} x bought [_{DP} a [_{NP} d-large cake]] for Mary]]]
 b. C = {x: $\exists d$ [x bought a d-large cake for Mary]}

Обратим внимание, что в логической форме 23a именная группа рассматривается как неопределенная (что обозначено при помощи неопределенного артикля *a*), несмотря на то, что предложение 21 содержит именную группу с определенным артиклем. Неопределенность суперлативных именных групп при сравнительном прочтении была замечена практически с самого начала исследования этой темы. Так, А. Сабольчи [38] обращает внимание на тот факт, что в контекстах, в которых недопустимы определенные именные группы (definiteness effect contexts, далее DE-контексты), суперлативы могут иметь только сравнительные, но не абсолютные прочтения. Рассмотрим в качестве примера DE-контекст посессивной предикативной конструкции 24.

- (24) a. *John has the sister.
 ‘У Джона есть <эта> сестра’.
 b. *John has the smartest sister.
 ‘У Джона есть самая умная сестра’.
 c. John has the smartest sister.
 ‘У Джона самая умная сестра’.
 d. Who has the smartest sister?
 ‘У кого самая умная сестра?’

Пример 24a неграмматичен из-за употребления определенной именной группы в DE-контексте, а 24b – из-за абсолютной интерпретации суперлатива в составе именной группы *the smartest sister* (которая, следовательно, также является определенной). Однако фокусируя какую-либо составляющую (24c) либо задавая вопрос (24d), мы «провоцируем»

сравнительное прочтение прилагательного в превосходной степени, и его употребление в DE-контексте становится возможным. Остается заключить, что именные группы с прилагательными в превосходной степени при сравнительном прочтении являются неопределенными.

Еще одним свидетельством неопределенности таких именных групп при сравнительном прочтении могут служить особенности поведения суперлативов в ряде славянских языков. Р. Панчева и Б. Томашевич отмечают, что по крайней мере в болгарском, польском, македонском, чешском, сербском/хорватском и словенском класс сравнения может задаваться составляющей, входящей в состав самой суперлативной именной группы [29]. Рассмотрим такое прочтение на примере из болгарского языка (мы будем указывать только доступность интересующего нас прочтения, опуская все другие):

(25) Ivan se zapozna s naj-mladi studenti ot London.

Иван познакомился с SPL-молодыми студентами из Лондона
'Самые молодые студенты, с которыми познакомился Иван, были из Лондона'.

Класс сравнения здесь задается составляющей *ot London* 'из Лондона', входящей в состав суперлативной именной группы, поэтому такое сравнительное прочтение называется прочтением с фокусом внутри именной группы (DP-internal focus relative reading). Однако, если добавить в именную группу из предложения 25 определенный артикль, соответствующее сравнительное прочтение окажется недоступным:

(26) Ivan se zapozna s naj-mladi-te studenti ot London.

Иван познакомился с SPL-молодыми-DEF студентами из Лондона
'Самые молодые студенты, с которыми познакомился Иван, были из Лондона'.

Таким образом, определенный артикль блокирует скрытый подъем суперлативного оператора из именной группы, который необходим, по мнению Р. Панчевой и Б. Томашевич, для получения сравнительного прочтения с фокусом внутри суперлативной именной группы. Возникает вопрос, с чем связана блокирующая функция определенного артикля в английском и болгарском языке, и почему такими функциями обладают элементы левой периферии именной группы в безартиклевых языках.

5. Остров определенности, посессоры и структура русской именной группы

Тот факт, что определенный артикль делает именную группу непроницаемой для извлечения составляющих, известен, по меньшей мере, с 1973 г. [18]. В примере 27 приводится частичная парадигма типов имен-

ных групп в английском языке, отражающая возможность выдвижения вопросительных местоимений из их состава. «Безартиклевые» именные группы во множественном числе (*bare plurals*) и именные группы с неопределенным артиклем прозрачны для передвижения (примеры 27a-b), в то время как именные группы с определенным артиклем, указательным местоимением, притяжательным местоимением, исчерпывающим квантором и препозитивным посессором блокируют передвижение (примеры 27c-g).

- (27) a. Who did you see pictures of?
 ‘Чьи фотографии ты видел?’
 b. Who did you see a picture of?
 ‘Чью фотографию ты видел?’
 c. *Who did you see the pictures of?
 ‘Чьи фотографии ты видел?’
 d. *Who did you see these pictures of?
 ‘Чьи эти фотографии ты видел?’
 e. *Who did you see my pictures of?
 ‘Чьи мои фотографии ты видел?’
 f. *Who did you see every picture of?
 ‘Чью каждую фотографию ты видел?’
 g. *Who did you see John’s picture of?
 ‘Чью фотографию Джона ты видел?’

Дихотомия «прозрачных» и «непрозрачных» именных групп в примере 27 неслучайным образом соответствует их референциальному статусу: «прозрачные» именные группы неопределенные, а «непрозрачные» – определенные. Непроницаемость определенных именных групп для синтаксических правил, в частности, для выдвижения составляющих, получила название острова определенности (*definiteness island*). Соответственно, недоступность сравнительных интерпретаций в том случае, когда суперлатив находится внутри определенной именной группы, следует из того, что остров определенности блокирует подъем оператора в логической форме.

В синтаксической и семантической литературе предпринимались многочисленные попытки объяснить островные свойства определенных именных групп. В частности, важное семейство подходов опирается на различный структурный статус определенных и неопределенных именных групп. Так, например, определенные и универсальные именные группы, возглавляемые сильными кванторами, анализируются как DP, в то время как неопределенные именные группы, содержащие слабые кванто-

ры, получают статус NP¹ [19]. DP может составлять сильную фазу, если ее вершина охарактеризована как определенная, и слабую (т.е. проникаемую) фазу – в противном случае [26]. В работе Дж. Хикс указывается, что к фазам относятся именные группы, имеющие свое «подлежащее», т.е. посессор [25].

Обращаясь к русскому материалу, можно заметить, что наличие указательных и притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных в именной группе само по себе не превращает именную группу в определенную. Интерпретация этих единиц и их влияние на определенность именной группы напрямую зависит от их позиции. Так, указательное местоимение *этот* в примере 28 может иметь интерпретацию, сопоставимую с определенным артиклем, только в крайней левой позиции (выше числительного, пример 28а) и другие виды интерпретаций (партиципную, значение ‘такого типа’) в позиции правее (т.е. ниже) числительного (пример 28б).

(28) а. *Эти пять аксиом* уже значительно сужают круг удовлетворяющих им линейно упорядоченных множеств. [В.А. Успенский. Семь размышлений на темы философии математики (2002)].

б. Все корабли были в арсенале. Лишь *пять этих огромных стрекоз* лежало на площади [А.Н. Толстой. Аэлита. (Закат Марса.) (1939)]

Аналогичный контраст наблюдается и в интерпретации притяжательных местоимений и прилагательных: в крайней левой позиции они поддерживают определенную и исчерпывающую интерпретацию, характерную для посессоров артиклевых языков, в то время как в позиции правее числительного – нет:

(29) а. Сверкающий перед глазами диск пропеллера исчез. *Его три лопасти* торчали, как палки. [М. Шишкин. Письмовник (2009)]

б. Но нет, не сподобился он столь же высокой мысли, и *три его пальца*, сложившись щепотью, показали ему кукиш. [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)]

Анализируя данные безартиклевого китайского языка, в котором посессоры также могут занимать различные структурные позиции в именной группе, что сопровождается аналогичными интерпретационными эффектами (пример 30), Б. Парти [30] предполагает, что эффект определенности возникает тогда, когда посессор поднимается из группы лексического существительного в DP, и благодаря семантике, связанной с этой позицией, интерпретируется как триггер определенности.

¹ Понятия сильный и слабый квантор вводятся в 1977 г. [28] и формализуются в 1981 г. [12]. Для наших целей достаточно соответствия между определенными и универсальными именными группами и сильными кванторами.

- (30) a. **Possessor DE + [Numeral + CL + N]**
 Zhangsan de [san jian maoxianyi]
 Джансань DE_{Poss} три CL свитер
 ‘три свитера Джансаня (Zhangsan’s three sweaters)’
 b. **[Numeral + CL + [Possessor DE] + N]**
 san jian [Zhangsan de] maoxianyi
 три CL Джансань DE_{Poss} свитер
 ‘три свитера Джансаня (three sweaters of Zhangsan’s)’

Распространяя этот анализ на русский язык, мы можем предположить, что указательные и притяжательные элементы в русской именной группе имеют предикатную интерпретацию, располагаясь в группе лексического существительного, и создают определенную интерпретацию, находясь в функциональной проекции DP. Если это так, то обнаруженное нами в разделе 3 блокирование сравнительного прочтения адъективных операторов указательными и притяжательными элементами обеспечивается теми же механизмами, что и обязательная неопределенность суперлативных именных групп при сравнительных прочтениях в английском и болгарском языках. Для получения широкой сферы действия адъективный оператор должен подняться из именной группы; подъем оператора невозможен, если именная группа представляет собой остров; островом является определенная именная группа. В артиклевом языке указательные и притяжательные элементы лексически связаны с проекцией DP, поэтому их наличие в именной группе однозначно сигнализирует о ее определенности. В безартиклевом языке эффект определенности возникает тогда, когда указательные и притяжательные элементы располагаются в проекции DP и вследствие этого занимают крайнюю левую линейную позицию в именной группе.

Представляется, что полученные результаты свидетельствуют о том, что синтаксис именной группы артиклевых и безартиклевых языков имеет много общего, а правила отображения семантических структур в синтаксические работают единообразно. Наличие или отсутствие артикля в таком случае является скорее характеристикой лексикона, чем параметром, затрагивающим собственно синтаксический компонент языка.

Библиографический список

1. Исакадзе Н.В. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
2. Лютикова Е.А. Загадки русских относительных предложений. Материалы лекции, прочитанной на конф. молодых исследователей «Синтаксические структуры – 2», Москва. URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/syntax/Zagadki_Lyutikova_2008.pdf (дата обращения: 23.08.2014).
3. Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2010. № 9. С. 36–76.
4. Лютикова Е.А. О двух типах инверсии в русской именной группе // Русский язык в научном освещении. 2012. Т. 2. С. 65–106.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
6. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
7. Циммерлинг А.В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7. № 14. М., 2008. С. 551–563.
8. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
9. A Non-Superlative Semantics for Ordinals and the Syntax and Semantics of Comparison Classes / Bylinina L. a.e. Unpublished manuscript. URL: <http://web.mit.edu/ysudo/www/pdf/ordinals-v9.pdf> (дата обращения: 12.03.2015).
10. Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph. D. thesis. MIT. Cambridge MA, 1987.
11. Aihara M. The Scope of *-est*: Evidence From Japanese // Natural Language Semantics. 2009. № 17(4). P. 341–367.
12. Barwise J., Cooper R. Generalized Quantifiers and Natural Language // Linguistics & Philosophy. 1981. № 4(2). P. 159–219.
13. Bhatt R. Covert modality in non-finite contexts / Alexiadou A., Hallm T.A. (eds). Berlin, 2006.
14. Bhatt R. The raising analysis of relative clauses: Evidence from adjectival modification // Natural Language Semantics. 2002. № 10(1). P. 43–90.
15. Bošković Ž. More on the no-DP analysis of article-less languages // Studia Linguistica. 2009. Vol. 63. № 2. P. 187–203.
16. Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the Structure of NP // Studia Linguistica. 2005. Vol. 59. № 1. P. 1–45.
17. Bošković Ž. What will you have, DP or NP? // Proceedings of the 37th Annual meeting of the North East linguistic society / Elfner E., Walkow M. (eds). Amherst, 2008. P. 101–114.
18. Chomsky N. Conditions on Transformations // A Festschrift for Morris Halle / S. Anderson and P. Kiparsky (eds.). NY, 1973. P. 232–286.
19. Diesing M. Indefinites. (Linguistic Inquiry Monograph 20.) Cambridge, 1992.
20. Farkas D., Kiss K.E. On the Comparative and Absolute Readings of Superlatives // Natural Language and Linguistic Theory 18. Springer Netherlands. 2000. P. 417–455.

21. Fitzgibbons N., Sharvit Y., Gajewski J. Plural superlatives and distributivity // *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 18* / Georgala E., Howell J. (eds). Ithaca, NY, 2009. P. 302–318.
22. Gawron J.M. Comparatives, Superlatives, and Resolution // *Linguistics and Philosophy*. 1995. № 18 (4). P. 333–380.
23. Heim I. Notes on comparatives and related matters. Unpublished manuscript, University of Texas, Austin. URL: <http://semantics.uchicago.edu/kennedy/classes/f07/comparatives/heim85.pdf> (дата обращения: 23.08.2014).
24. Heim I. Notes on superlatives. Unpublished manuscript. URL: <http://semanticsarchive.net/Archive/TI1MTlhZ/Superlative.pdf> (дата обращения: 23.08.2014).
25. Hicks G. The Derivation of Anaphoric Relations. Amsterdam, 2009.
26. Jiménez-Fernández Á. A new look at subject islands: The phasehood of definiteness // *Anglica Wratislaviensia*. 2012. Vol. 50. P. 137–168.
27. Longobardi G. Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and Logical Form // *Linguistic Inquiry*. 1994. № 25. P. 609–665.
28. Milsark G. Peculiarities of the Existential Construction in English // *Linguistic Analysis*. 1977. № 3. P. 1–29.
29. Pancheva R., Tomaszewicz B. Cross-linguistic differences in superlative movement out of nominal phrases // *Proceedings of the 30th West Coast Conference on Formal Linguistics* / Arnett N., Bennett R. (eds). Ithaca, NY, 2012. P. 292–302.
30. Partee B.H. A note on Mandarin possessives, demonstratives, and definiteness // *Drawing the Boundaries of Meaning: Neo-Gricean Studies in Pragmatics and Semantics in Honor of Laurence R. Horn* / J. Birner and G. Ward (eds). Amsterdam, 2006. P. 263–280.
31. Pereltsvaig A. Noun phrase structure in article-less Slavic languages: DP or not DP? // *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. № 3. P. 201–219.
32. Pereltsvaig A. On the universality of DP: a view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. № 1. P. 59–94.
33. Rappaport G.C. The Slavic noun phrase. Position paper read at Comparative Slavic Morphosyntax, 5–7 June 1998, Spencer, Indiana.
34. Scontras G. Group Comparison: Evidence from Plural Superlatives. Abstract for ConSOLE 18. URL: <http://filcat.uab.cat/clt/ConsoleXVIII/Scontras.pdf> (дата обращения: 23.08.2014).
35. Sharvit Y., Penka S. Against 'long' Movement of the Superlative Operator // *Proceedings of SALT X* / Jackson B., Matthews T. (eds.). Vol. 25. Somerville, MA, 2000. P. 185–202.
36. Sharvit Y., Penka S. Superlative expressions, context, and focus // *Linguistics and Philosophy*. 2002. № 25. P. 453–504.
37. Stateva P. Presuppositions in Superlatives. Manuscript. ZAS Berlin. URL: <http://semarch.linguistics.fas.nyu.edu/Archive/GU1Y2FkZ/Stateva-superlatives.pdf> (дата обращения: 23.08.2014).
38. Szabolcsi A. Comparative superlatives // *MIT Working papers in Linguistics*. 1986. № 8. P. 245–265.
39. Szabolcsi A. Functional categories in the noun phrase // *Approaches to Hungarian* / Kenesei I. (ed.). V. II. 1987. P. 167–190.

40. Szabolcsi A. The possessive construction in Hungarian: a configurational category in a non-configurational language // *Acta Linguistica Scientiarum Academiae Hungaricae*. 1981. № 31. P. 261–289.
41. Szabolcsi A. The possessor that ran away from home // *The Linguistic Review*. 1984. № 3. P. 89–102.

Т.М. Воителева

Наблюдение над функциональными особенностями языковых средств в процессе изучения морфологии в школе

В статье рассматриваются особенности изучения существительных, прилагательных, глагольных форм, наречия с точки зрения функционального подхода.

Ключевые слова: речь, речевое развитие, речевая деятельность, функциональный подход, выразительное средство, синонимичные конструкции.

Особенностью речевого развития школьников является тот факт, что языковая система, средства языка становятся предметом специального изучения. Происходит совершенствование устной и усвоение письменной речи. Овладение речью представляется как деятельность, основой которой является единство языка и языковой способности.

Речевая деятельность – это активный процесс восприятия и порождения речи. Это целенаправленный процесс, поскольку каждый из участников общения (коммуникантов) имеет определенные намерения, мотивы, побуждающие к речевому взаимодействию в определенной речевой ситуации.

В школе в соответствии с ФГОС изучаются все виды речевой деятельности: по смысловому восприятию речи (слушание, чтение); по порождению высказывания (говорение, письмо). Это связано с целью обучения русскому языку – формированием функционально грамотной личности.

Речевая деятельность – основа любого урока в школе. Особенно велика ее роль на уроках русского языка, поскольку здесь она является предметом изучения.

Традиционно мы говорим о том, что к развитию речи относится прежде всего обучение монологической речи. И это правильно. Целью

обучения русскому языку является формирование языковой личности, т.е. личности, владеющей всеми видами речевой деятельности, которые, как известно, делятся на рецептивные и продуктивные. Основой рецептивных видов является восприятие речи, ее понимание, рефлексия, – «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность» [1, с. 129]. Рефлексия позволяет увидеть, как происходит усвоение, понимание текста. Следовательно, рецептивные виды речевой деятельности можно рассматривать как образец, основу для построения собственного высказывания, т.е. для овладения продуктивными видами речевой деятельности.

В связи с этим особо важное значение приобретает работа по выявлению особенностей языковых средств, их текстообразующей функции.

Известно, что единицы языка всех уровней изучаются в триединстве: с точки зрения семантики, формы (структуры), функционирования, т.е. использования в речи. Значимость функционального подхода отражена в трудах известных отечественных лингвистов-методистов Ф.И. Буслаева, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, Н.М. Шанского и других ученых, которые считали целесообразным анализировать единицы языка с точки зрения их функциональных возможностей в построении речи (текста).

Обращение к тексту в процессе изучения грамматики (морфологии и синтаксиса) позволяет научить школьников использовать грамматические категории в соответствии с речевой ситуацией и коммуникативной целесообразностью, ориентирует на актуализацию *общей коммуникативной функции* языка. Кроме этого, работа с текстом-образцом является мощным средством мотивации и активизации познавательной деятельности обучающихся, поскольку носит деятельностный характер.

Такой подход можно рассматривать как средство реализации методического принципа взаимосвязанного изучения языка и обучения речи. Рассмотрим использование функционального подхода в процессе изучения морфологии – самого объемного раздела школьного курса русского языка, который изучается с 5 по 7 класс. Открывает изучение этого раздела имя существительное.

Существительные составляют большую часть словарного запаса человека. Учащимся интересно будет узнать, что имя существительное – самая древняя часть речи, которая обозначает предмет мысли. По данным «Частотного словаря русского языка», из 9 тысяч наиболее частотных слов – 4 тысячи существительных, что составляет примерно 44%. А.М. Пешковский писал: «Категория существительного имеет огромное

значение для нашей мысли. Без нее невозможны были бы никакое знание, никакая наука. Нельзя было бы, например, говорить ни о свете, ни о теплоте, ни об электричестве, ни о жизни, ни о государстве, ни о самом языке; ведь ничего этого отдельно не существует» [2].

Наиболее частотны имена существительные в фольклоре, в частности в пословицах, поговорках, загадках, которые отличаются краткостью и выразительностью: *Ученье – свет, а неученье – тьма; Повторенье – мать ученья.*

Характеризуя функциональные особенности существительных, следует отметить их роль в создании тематической целостности текста, употребления их как средства межфразовой связи, для осуществления лексического повтора и синонимической замены. Например: *Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принёсся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас... За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный...* Повторение словоформы *звук* в этом фрагменте рассказа И.С. Тургенева «Певцы» выполняет две функции: является средством межфразовой связи и стилистическим приемом, позволяющим автору заострить внимание читателя на семантике повторяющихся слов

В художественной литературе часто используется прием олицетворения при описании явлений природы для создания ярких запоминающихся образов, которые невозможны без помощи существительных:

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

Той грустной радостью, что я остался жив?

Здесь даже мельница – бревенчатая птица

С крылом единственным – стоит, глаза смежив. (С. Есенин)

Прилагательные по частотности употребления стоят на 4 месте (после существительных, глаголов, местоимений). Определяя предмет, прилагательные помогают нагляднее, точнее нарисовать картину, передать яркость, разнообразие окружающих предметов.

Прилагательные-определения выполняют разную функцию: одни просто указывают на признак (*какой?*) или принадлежность (*чей?*), другие при этом несут еще и эмоциональную нагрузку, стремясь сделать восприятие информации не только точным, но и ярким или социально заостренным.

В художественной речи прилагательные приобретают дополнительное значение – «озарять предметы», они становятся эпитетами:

*Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.
На ручей рябой и пестрый
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.* (Н. Некрасов)

В данном фрагменте благодаря прилагательным создается образ печали, тоски, безысходности.

Богатые возможности для выражения различных смысловых и стилистических оттенков создает способность прилагательных образовывать полную и краткую формы. Полная форма может выражать постоянный признак, а краткая – непостоянный, временный. В то же время краткая форма более категорична, она характерна для книжной речи. При анализе употребления имен прилагательных обращается внимание на синонимию полной и краткой форм, поскольку такая способность прилагательных создает богатые возможности для выражения различных смысловых и стилистических оттенков. Приведем интересное наблюдение профессора А.М. Пешковского, который провел анализ трех реплик из пьесы А.П. Чехова «Три сестры» и сопоставил использование полных и кратких форм прилагательных: *Ты, Машка, злая; Ты, Маша, глупая; О, глупая ты, Оля.* Вот что он пишет; «Все три реплики отнюдь не враждебны. Это – по-родственному, по-дружески. Но сказать ты зла, ты глупа есть уже оскорбление, и тем тоном, каким говорят вышеприведенные реплики у Чехова, это сказать нельзя. В частности, в данном контексте это было бы абсолютно невозможно. Здесь мы видим в краткой форме большую оторванность от реальных условий речи, отвлеченность (выделено автором. – Т.В.). Ты зла – это голое констатирование факта, к которому не идет дружеский тон и небрежно-разговорный стиль. А это все связано с исключительной книжностью данной формы» [2, с. 226].

Обычно большие сложности испытывают учащиеся при употреблении местоимений. Местоимения выделяются в особый класс слов-заместителей, которые, по словам академика А.А. Реформатского, как «запасные игроки» на футбольном поле или «дублеры» в театре, выходят на поле, когда вынужденно освобождают игру «знаменательные слова» [3, с. 89]. В тексте местоимения чаще всего выполняют связующую функцию, являясь средством межфразовой связи: *Мецгерский край обладает большой притягательной силой. Он очень скромн, так же, как картины Левитана. Но в нем, как и в этих картинах, заключена*

вся прелесть и всё незаметное, на первый взгляд разнообразие русской природы (К. Паустовский). Таким образом, местоимения помогают строить речь, избегая неоправданных повторов.

Одной из самых употребляемых частей речи является глагол. По частоте употребления он занимает второе место (после существительных). Алексей Николаевич Толстой, говоря о стилистических возможностях глагола, отмечал: «Найти верный глагол для фразы – это значит дать движение фразе».

Сравним два фрагмента из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин».

1. Переправа, переправа!

Берег левый, берег правый,

Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,

Кому темная вода, –

Ни приметы, ни следа.

Приготовился, пригнулся

Третий следом за вторым.

2. Ночью первым из колонны,

Обломав у края лед,

Погрузился на понтоны

Первый взвод.

Погрузился, оттолкнулся

И пошел. Второй за ним.

В 1-м отрывке нет ни одного глагола. Автору важно было показать картину переправы, а не что там происходило. Об этом будет сказано позднее.

И вот картина ожила (2-й фрагмент). Мы слышим, как ломается лед; видим, как проходит переправа. Автор использует глаголы совершенного вида, что указывает на стремительность и динамичность действия.

Анализ небольших фрагментов текста помогает учащимся убедиться, что глагол играет первостепенную роль в построении русского предложения. Он вносит движение, динамику, время в описываемую картину. Глагол создает смысловое единство текста и, кроме этого, способен выполнять выразительную функцию. Глаголы совершенного вида обозначают смену картин, продвижение действия, достижение его результата. С помощью глаголов совершенного вида передается органическая последовательность действий или явлений. Так идет повествование, рассказ о каких-либо событиях: *В это мгновение лодка причалила, и все общество вышло на берег.*

Между тем кучер с лакеем и горничной принесли корзинки из кареты и приготовили обед на траве под старыми липами. Все уселись вокруг разостланной скатерти и принялись за паштет и прочие яства (И. Тургенев).

Глаголы несовершенного вида, напротив, передают одновременность происходящего, не отражают развития действия, его результат. Они как бы задерживают наше внимание на каком-либо моменте действия, помогают увидеть целостную картинку: *Ветер гонит тучи по небу и*

волны по морю. Ветер срывает последние листья и торопит на юг последние стаи перелетных птиц. Ветер гудит в проводах, барабанит в окна. Он мчит напрямик. Мчит и ревет страшным голосом (Н. Сладков).

Выступая как выразительное средство языка, глаголы способны создавать образ, помогают живо представить описываемое действие или состояние: *В грибном лесу одна полянка другой полянке руку подает через кусты, и когда эти кусты переходишь, тебя встречает твой гриб. Тут искать нечего: твой гриб всегда на тебя смотрит* (М. Пришвин).

Особое место в современном русском языке занимают причастия и причастные обороты. Они, как известно, широко употребляются в книжной речи (официально-деловом, научном стилях), придавая тексту некоторую торжественность, высокопарность, что не характерно для разговорной речи. Благодаря причастию описание становится ярким, образным и в то же время оно показано в развитии. Способность причастия передавать признак предмета в динамике делает эту глагольную форму выразительным средством языка. Экспрессивные возможности причастий можно увидеть в процессе анализа их употребления в художественной речи, где они используются как образное средство, для более точной характеристики предмета:

А приходит мне в голову лучшее
 из лучших:
 пробирающийся сквозь иглы колючие
 солнечный лучик,
 пробивающаяся между плит
 исхоженных молодая травинка,
 выступающая от чувств восторженных
 на глаза слезинка (Н. Асеев.)

Это отрывок из стихотворения Н.Н. Асеева «Самое лучшее». Наблюдая над ролью причастий в построении речи, учащиеся также отмечают в них признаки глагола и признаки прилагательных. Причастие *пробирающийся* (лучик) – лучик, который пробирается. Это причастие, которое образовано от основы непереходного возвратного глагола несовершенного вида, I спряжения *пробирается* (основа наст. вр. – *пробирај-*) с помощью суффикса *-ющ-*; изменяется, как и прилагательное, по родам, числам, падежам. Данное причастие употреблено в ед. ч., м. р., им. п. Выполняет функцию определения. Слова *пробивающаяся*, *выступающая* имеют аналогичные признаки, но употреблены в женском роде (*травинка*, *слезинка*). Причастие *исхоженных* имеет следующие признаки глагола: употребляется со словом *плит* в качестве зависимого слова: *плиты, которые исходили*. Оно образовано от основы инфинитива *исходить* (*исходи-*) – совершенного вида, невозвратного, переход-

ного глагола II спряжения – путем прибавления суффикса *-енн-*. Значит, оно тоже переходное, невозвратное, совершенного вида. Признаки прилагательного: стоит в форме мн. ч., р. п.; категорией рода причастие множественного числа не обладает. У учащихся может возникнуть затруднение при выделении суффикса в этом слове. Во-первых, отметим чередование согласных в корневой морфеме: *исходить* – *исхоженных* (д/ж). Во-вторых, обратим внимание, что суффикс *-енн-*, который пишется только в причастиях, образованных от глаголов, оканчивающихся на *-ить* или от основы глагола на согласный: *расчислить* – *расчищенный*; *заклеить* – *заклеенный*; *подстричь* – *подстриженный*. Если же причастие образовано от основы глагола на *-ать*, то оно будет иметь суффикс *-нн-*: *развенчать* – *развенчанный*. Причастие *исхоженных* тоже является определением. Этот текст также дает возможность рассмотреть вопрос о действительных и страдательных причастиях. Найдем причастия, которые показывают, что действие совершает сам предмет: *лучик пробирается* (*пробирающийся*), *травинка пробивается* (*пробивающаяся*), *слезинка выступает* (*выступающая*). Причастие *исхоженных* показывает, что предмет не действует самостоятельно, а испытывает на себе действие другого предмета: *плиты, исхоженные кем-то*.

В художественном стиле причастные обороты делают текст образным, красочным, помогают эмоциональному воздействию на читателя. И, конечно, следует обратить внимание на причастные обороты, которые представляет собой стилистический компонент речи, состоящий из причастия и зависимого слова. Использование причастного оборота позволяет в значительной мере сделать изложение лаконичнее, экспрессивнее.

Живописность и экспрессивность придают речи деепричастия. Действие деепричастия всегда связано с действием глагола-сказуемого, уточняя или дополняя его какими-либо обстоятельствами. Благодаря деепричастию обращается внимание на второстепенное действие, показывается последовательность действий или одновременность действия и обстоятельства. Емкость, компактность, выразительность – эти свойства деепричастий широко используют поэты и писатели в своих произведениях, создавая зримые, яркие, запоминающиеся образы, точно «дорисовывая» действия персонажей.

Д.В. Григорович вспоминал, как Ф.М. Достоевский, читая его очерк «Петербургские шарманщики», обратил внимание на такую фразу: «Когда шарманка перестает играть, чиновник из окна бросает пятак, который падает к ногам шарманщика».

– Не то, не то, – раздраженно заговорил вдруг Достоевский, – совсем не то! У тебя выходит слишком сухо: пятак упал к ногам... Надо было сказать: пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая...

Это замечание – помню очень хорошо – было для меня целым откровением. Да, действительно, звеня и подпрыгивая – выходит гораздо живописнее, дорисовывает движение...»

Чтобы проанализировать деепричастия и их роль в речи, рассмотрим небольшой текст:

*Ежась от свежего ветерка,
Чуть посинеv, крепыши-маслята,
Взявшись за руки, как ребята,
Топают, греясь, вокруг пенька.* (Э. Асадов)

Грамматическая основа этого текста-предложения: *крепыши-маслята топают*; без нее невозможно понять, о чем идет речь. Деепричастия *ежась, посинеv, взявшись за руки, греясь* обозначают дополнительные действия, поясняя, уточняя действие основное, т.е. указывают на разные обстоятельства, которые сопутствуют основному действию. Самостоятельно они существовать не могут. Зато в тексте благодаря деепричастиям создается живописная картина – один глагол обозначает действие, и четыре деепричастия дополняют его. Попробуем исключить все формы деепричастий с относящимися к ним словам. Что изменилось в тексте? Исчезла яркая картинка, нарисованная автором, текст потерял свою выразительность, образность, эмоциональность.

В ходе изучения причастий и деепричастий особое внимание следует уделить синтаксической синонимии. Тренируясь в замене предложений с причастными и деепричастными оборотами на сложноподчиненные предложения с придаточными определительными и обстоятельственными, школьники учатся использовать в своей речи различные синтаксические конструкции, тем самым обогащая грамматический строй своей речи. Сравните: *Старинный липовый сад, густо обступивший со всех сторон дачу, потонул в темном мраке* (А. Куприн). – *Старинный липовый сад, который густо обступил со всех сторон дачу, потонул в темном мраке; Я пользовался его расположением, хотя не знаю за что* (Н. Лесков) – *Я пользовался его расположением, не зная за что.*

Анализируя синонимичные конструкции, учащиеся приходят к выводу, что простые предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами, более экономичны и емки по сравнению с синонимичными сложноподчиненными предложениями с придаточными определительными и обстоятельственными. Они уместны в книжной речи. Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными

и обстоятельственными, напротив, чаще используются в разговорной речи. Придаточное определительное по сравнению с причастным оборотом более полно передает содержание высказывания. Придаточное обстоятельственное по сравнению с деепричастным оборотом также более точно передает смысл высказывания: *Сдав экзамены, друзья отправились отдыхать к морю.* Ср.: *Друзья отправились отдыхать к морю, когда сдали экзамены; Друзья отправились отдыхать к морю, потому что сдали экзамены.*

Современный русский язык богат наречиями, которые делают нашу речь более точной и выразительной. Наречия берут на себя в речи «изобразительную и в особенности оценочную роль» [4, с. 82–89]. Они составляют важную часть нашего словаря, определяя его действие, уточняя его характер или придавая ему яркий художественный образ.

В стихотворении Ф.И. Тютчева наречия выполняют роль эпитетов, которые придают образную характеристику действию. Научить школьников видеть наречия-эпитеты – значит научить их эстетическому восприятию этой части речи, заинтересовать их, убедить, что наречие обладает большими возможностями для точного и наглядного изображения реального мира.

*Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..* (Ф.И. Тютчев)

Обогащение индивидуального словаря учащихся наречиями, умение употреблять их в речи с учетом функциональных особенностей, стилистической соотнесенности способствует речевому развитию учащихся, а также помогает усвоить правописание этих слов.

Наблюдение над функционально-семантическими особенностями частей речи позволяет дать не только правильное представление о значении этих грамматических классов слов в системе русского языка, но и добиться приобретения учащимися речевых навыков в построении связной речи. Подобная комплексная работа, имеющая исследовательский характер, формирует логическое (грамматическое) мышление школьников, умение строить рассуждение, в том числе и на лингвистическую тему, способность отмечать текстообразующую функцию грамматических категорий.

Исследование текста, методы и приемы работы с ним в значительной мере позволяют расширить и углубить содержание уроков русского языка за счет включения комплекса понятий всех видов речевой деятельности – говорения, аудирования, чтения и письма, т.к. от степени сформированности связанных с ними умений зависит качество и результаты обучения по другим дисциплинам, а также развитие личности в целом.

Библиографический список

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. Избр. филос. произведения. М., 1960.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
3. Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М., 1979.
4. Копорский С.А. Из наблюдений над стилем повести А.П. Чехова «Степь» // Филологические науки. 1960. № 4.

**М.М. Шарнин, И. Шагаев, В.И. Протасов, И.В. Родина,
О.В. Золотарев, О.А. Попова**

Использование веб-семантики для совершенствования образовательных программ вузов¹

Обсуждаются аспекты формирования образовательных программ, средства автоматизации их разработки с использованием семантического анализа интернет-текстов. Показано, как исследование семантики текстов помогает в генерации учебных планов и альтернативных вариантов их совершенствования, в определении структурных иерархических зависимостей между разделами знаний и изменениями в состоянии знаний, в мониторинге знаний предметных областей. Рассматриваются методы оптимального объединения индивидуальных решений экспертов для обеспечения наивысшего качества образовательных программ. Вопросы формирования учебных программ и схем преподавания осуществляются с использованием веб-семантического подхода, дополненного

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, гранты № 13-07-00958 и № 15-07-06586.

моделями восприятия, передачи знаний и педагогического тестирования. Предлагается структура дальнейших исследований.

Ключевые слова: учебная программа, семантический анализ интернет-текстов, автоматическая обработка корпусов текстов, оценка компетентности, методы оптимального объединения решений экспертов, восприятие учебного материала, методы и инструменты тестирования, краудсорсинг.

1. Концепции и цели

Образовательные программы в высших учебных заведениях часто отстают от скорости и интенсивности научно-технической революции, вызванной развитием информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). В то же время исследование семантики Интернет-текстов (веб-семантики) может помочь в модернизации учебных программ, делая возможным автоматизированный мониторинг базы знаний по некоторой предметной области или учебному курсу.

Для следующего поколения систем разработки учебных программ необходимо: пересмотреть процесс разработки образовательных программ, в том числе схемы обработки информации; использовать семантический веб-поиск на основе ключевых слов в сочетании с текущим состоянием знаний для определения ядра знаний и модификации учебных планов.

2. Исследование способов доставки информации студентам удобным и эффективным способом

Существует три основных канала подачи знаний: визуальный (образы), текстуальный и слуховой; все они должны быть рассмотрены вместе для достижения максимальной эффективности. Учебная нагрузка должна контролироваться. Мы должны знать, насколько много можно дать студентам информации, которая может быть ими усвоена за отведенное время.

Ясно, что новая система разработки учебных программ на веб-основе должна быть поддержана автоматизированным процессом интернет-тестирования для оценки результатов обучения, качества и количества знаний и навыков. Этот процесс должен быть самонастраиваемым на уровень знаний студента, а также обеспечивать гарантированный охват требуемого объема знаний и значительное снижение стоимости обучения. Все эти моменты взаимосвязаны и требуют совместного проектирования и развития, т.е. должны рассматриваться как единый комплексный подход.

3. Комплексный подход

Процессы формирования образовательной программы, передачи знаний и педагогического тестирования могут рассматриваться в рамках модели информационной системы, включающей человека как часть этого процесса.

При доставке знаний должны учитываться свойства человеческого мозга, т.е. необходимо привести в соответствие скорость подачи информации и возможность восприятия этой информации студентами в заданном темпе.

4. Веб-семантика для теории учебной программы

Как будет показано ниже, веб-семантический подход [1] и системы преподавания, аналогичные ранее представленным [16; 17], позволят модернизировать и усовершенствовать учебный процесс.

Новая система может быть проанализирована через три тесно связанные функции: дефинитивную (определятельную), характеристическую и прогностическую. Дефинитивная функция (ДФ) определяет понятия и отвечает на вопрос «Что это?». Вторая функция описывает взаимосвязи между определениями и, таким образом, характеризует их. Она называется характеристической функцией (ХФ) и отвечает на вопрос «Как эти определения связаны?». Прогностическая функция (ПФ), в свою очередь, отвечает вопрос «Что делать, если?» и описывает способы применения знаний. ДФ, ХФ и их применение составляют основные элементы знаний о предметной области (ядро знаний). Анализ определений и характеристик их взаимосвязи позволяет предсказать поведение изучаемых элементов.

Эволюция предметной области может быть описана в рамках совместного терминологического глоссария {ДФJ}, а также объединенного глоссария {ДФе}; через их изменение мы можем наблюдать такие функции, как слияние, перемещение и разделение основного учебного плана курса обучения. Перемещение ядра происходит, когда учебная программа показывает рост при использовании некоторых описательных элементов (ДФI) и снижение в использовании других. Этот процесс смещения ядра может привести к разделению дисциплин на несколько новых. Это разделение должно быть обнаружено на начальной стадии, прежде чем станет существенным, поскольку дисциплина может потерять свою прогностическую функцию (ПФ) и таким образом устареть.

Другой процесс изменения ядра – это слияние нескольких ядер различных дисциплин. Этот процесс может быть вызван значительными открытиями и изобретениями, требованиями практики или научно-

технической революцией, либо ускоренным слиянием нескольких дисциплин. Слияние становится видимым благодаря прогностической функции и приводит к появлению новой дисциплины.

Для того, чтобы сделать процесс мониторинга знаний непрерывным и выявить теоретически полезные понятия, нужно разработать специальный программный инструмент, делающий движение знаний видимым, – своеобразный сейсмометр знаний, который предупреждает, что учебная программа должна быть скорректирована вследствие наблюдаемых изменений в ядре знаний. Ниже представлена схема алгоритма этой программы для обнаружения движения ядра знаний. Согласно этому алгоритму, необходимо выполнить следующие действия:

1) набор исходных ключевых терминов задается вручную или берется из имеющегося учебного курса;

2) из Интернета собираются тексты с заданными ключевыми терминами (формируются корпуса текстов для различных временных интервалов);

3) рассчитываются контекстные векторы, определяющие смысловую близость и связи между терминами в различные моменты времени (история эволюции связей);

4) на 2-мерной диаграмме рассчитывается положение ключевых терминов;

5) находятся кластеры сильно связанных ключевых терминов;

6) рассчитывается иерархическая структура связей между кластерами (иерархическая кластеризация);

7) рассчитывается замкнутая огибающая кривая, которая включает кластеры ключевых терминов (это текущая версия ядра (landscape version) знаний, причем изменение формы и размера этой кривой соответствует движению ядра (landscape motion));

8) появившиеся внутри этой замкнутой кривой новые термины и таким образом ставшие ближе к центральным ключевым словам, являются кандидатами для включения в учебную программу;

9) более дистанцированные от центральных ключевых слов термины являются кандидатами на исключение из учебного курса, и после удаления этих терминов кривая меняет свою форму, определяя тем самым направление движения ядра знаний предметной области.

Если структуры кластеров становятся практически изолированными и кластеры слишком удаляются друг от друга, это указывает на процесс разделения ядра, т.е. происходит формирование и возникновение ядра для новой дисциплины. При этом становится возможным автоматический мониторинг эволюции ядра. Тестирование и апробация предложенного алгоритма могут быть осуществлены при использовании в качестве

отправной точки трех ACM (Association for Computing Machinery) учебных программ по курсу computer science за 2001, 2005 и 2012 гг. в последовательности:

- 1) определение ключевых терминов из учебной программы за 2001 г.;
- 2) проведение поиска новых терминов-кандидатов для включения в учебную программу, используя предложенный алгоритм;
- 3) определение ключевых терминов из учебной программы 2005 г.;
- 4) сравнение с предыдущими результатами, поиск новых терминов-кандидатов;
- 5) определение ключевых терминов из учебной программы за 2012 г.;
- 6) сравнение с предыдущими результатами и определение новых терминов и тех, которые будут включены в учебные программы.

Чем больше терминов-кандидатов включается в новую учебную программу, тем более очевидным является движение ядра и изменение семантической карты (landscape change), указывающих на новации, необходимые в следующем поколении учебных программ. В качестве простейшего примера проверки концептуальной и семантической связи между терминами и миграцией ядра в области компьютерной науки можно рассмотреть первоначальное отображение кластера знаний (рис. 1). В этом примере использовались статистика Интернета и многомерное масштабирование (multidimensional caling), выполненное с помощью пакета программ R-скрипт.

Для формирования изменения семантической карты (landscape change) в целом, возможно, будет полезна проверка относительного расположения термина «friend».

5. Визуализация динамики

Подход WEDUCA рассматривает учебную программу в виде нескольких кластеров терминов, которые динамично изменяются с течением времени по контексту, по количественным показателям и даже по смыслу. Для того, чтобы проанализировать и найти кластеры, нужно определить меру расстояния между терминами в семантическом пространстве, обычно называемую семантической близостью (semantic similarity) терминов. Самый современный подход для решения этой задачи основан на использовании модели дистрибутивной семантики [1], успешно используемой для выявления сходства слов, кластеризации терминов, автоматизированной генерации тезаурусов, устранения неоднозначности смысла слов, а также для расширения поисковых запросов. Для целей WEDUCA первое применение распределения семантических моделей исходит из анализа и динамического наблюдения за эволюцией учебных программ.

Различные модели дистрибутивной семантики, известные как векторные пространства, семантические пространства, пространства слов, корпусные семантические модели, основаны на дистрибутивной гипотезе, утверждающей, что семантическое сходство между двумя терминами может быть смоделировано как функции степени совпадения языковых контекстов этих терминов.

Интернет, имея астрономический и постоянно растущий объем текстового материала, может служить основой для установления тождественности языковых контекстов и семантической связанности, а также различий терминов, выявляющихся со временем. Это делает возможным наблюдение миграции ядра знаний предметной области со все возрастающей точностью.

Семантическая карта предметной области (orlandscape) является своего рода визуальным представлением важных тем и терминов в заданной области и их взаимных концептуальных отношений и связей на 2-мерном графике. Процедура уменьшения размерности оригинального семантического пространства позволяет представить расстояния между терминами на карте предметной области. Семантическое векторное пространство позволяет визуализировать супермасштабный объем данных, просто потому что расстояния между терминами на карте предметной области зависят от распределения контекстных векторов, чьи компоненты, в свою очередь, зависят от распределения большого количества невидимых на карте словосочетаний. Таким образом, относительно небольшое количество видимых точек на карте может зависеть от распределения в корпусе текстов миллионов невидимых словосочетаний. Это делает возможным создание компактной карты предметной области, представляющей информацию о «супермасштабном» корпусе текстов. Введение новой информации в корпус текстов может существенно изменить расстояния и связи между отдельными терминами на карте, делая видимым влияние новой информации. Это, кроме того, делает возможным обнаружение и обработку ранее пропущенных ключевых терминов в учебной программе. Следовательно, карты предметной области на основе семантической векторной модели становятся необходимыми инструментами контроля семантических расстояний и динамических изменений в супермасштабных корпусах текстов.

Проверка перемещения для термина «друг» (friend) (рис. 1) может быть полезна для наблюдения изменения карты в целом. Пространственная близость точек на карте определяет силу семантической связи соответствующих терминов. Термины из сферы знаний вычислительной техники находятся внутри огибающей кривой, которая развивается

постоянно, вместе с модификациями зависимостей между терминами. Внешние термины по отношению к огибающей зависят также от их семантических связей. Таким образом, внешний термин «friend» связан с новым кластером «Социальные сети». Термин «Социальные сети» относительно новый и поэтому находится на границе области компьютерной науки – огибающей кривой. Этот вид зависимостей визуально обнаружим и может быть проанализирован с помощью 2-мерной диаграммы. Данную диаграмму можно рассматривать как простейший рабочий тест для нашей модели.

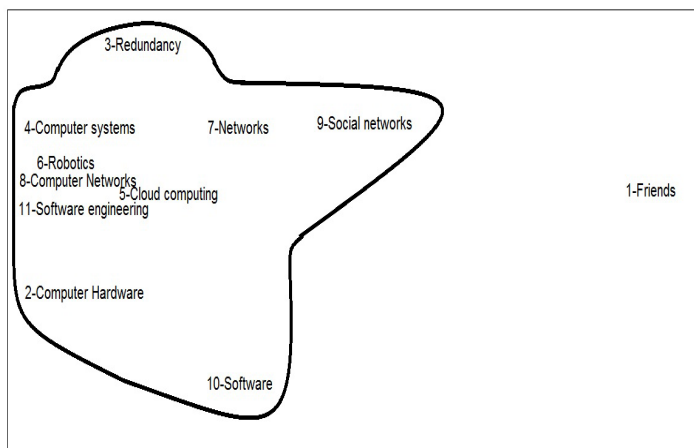

Рисунок 1. Кластеризация терминов внутри огибающей кривой

6. Использование метода краудсординга для формирования ядра знаний

Поскольку темпы научно-технической революции и объем знаний по предметной области постоянно растут, увеличивается и количество терминов в предметной области, а также скорость изменения состава терминов в учебной программе. Все это приводит к тому, что требуются все большие коллективы экспертов и их постоянное обновление для поддержания учебной программы в актуальном состоянии.

В больших коллективах мнения экспертов и их компетенция могут сильно различаться и быстро принимать согласованное коллективное решение все труднее. Из этого следует необходимость автоматических средств объединения индивидуальных решений экспертов. В качестве таких средств могут быть использованы методы краудсорсинга в Интернете [12; 13] и специальный алгоритм, описанный ниже. Под

краудсорсингом мы понимаем коллективную работу группы людей, использующих специальные методы и средства организации коллективной работы и принятия решений, повышающие суммарный интеллект группы, называемый коллективным интеллектом. Для увеличения вероятности правильного решения используются как способности людей к генерации решений, так и их способности к экспертизе чужих решений. Как показано В. Протасовым, З. Потаповой, Е. Мельниковым [12], совместное использование этих способностей позволяет существенно увеличить вероятность правильного решения и приблизить ее к единице. Степень подготовленности экспертов, а также большая или меньшая их склонность к принятию ошибочных решений, зависящая, кроме прочего, и от сложности заданий, приводит к значительным разбросам в результативности их работы [13]. Все это требует применения специальных средств оценки креативных способностей экспертов и корректировки их вкладов в коллективное решение с учетом этих оценок.

В соответствии с предлагаемым в настоящей работе алгоритмом, могут приниматься оптимальные коллективные решения экспертов включать либо не включать тот или иной термин в учебный план, а также выбирать, какие ассоциативные связи терминов принимать за иерархические/родовидовые.

7. Алгоритм оптимального объединения решений экспертов

Е. Baharad, J. Goldberger, M. Koppel и S. Nitzan описали следующую оптимальную процедуру объединения экспертных решений:

1) выберите некоторые начальные весовые коэффициенты (акции) для индивидуальных решений экспертов;

2) для каждого эксперта, используя историю его экспертных решений, рассчитайте вероятность совпадения индивидуального решения с коллективным решением с учетом акций (весовых коэффициентов);

3) рассчитайте новые весовые коэффициенты (акции) каждого эксперта по его рассчитанной в п. 2 вероятности;

4) повторяйте пункты 1–3 до тех пор, пока новые весовые коэффициенты не совпадут с рассчитанными на предыдущем шаге [2].

Е. Baharad, J. Goldberger, M. Koppel и S. Nitzan показали, что приведенный выше алгоритм объединения экспертных решений работает лучше, чем любое другое правило объединения решений, в частности, лучше, чем правило принятия коллективного решения по принципу простого большинства.

Вышеприведенный алгоритм представляет собой линейное правило объединения решений экспертов. Главным результатом работы S. Nitzan

и J. Paroush [9], а также L. Shapley и B. Grofman [19] было утверждение, что если вероятность правильного решения каждого эксперта известна, то линейное правило объединения их решений является оптимальным, а максимальная вероятность правильного коллективного решения достигается, когда весовые коэффициенты (акции) экспертов рассчитываются по формуле

$$W_i = \log(P_i / (1 - P_i))$$

где P_i – это вероятность правильного решения эксперта с номером i .

Таким образом, описанный выше алгоритм наилучшим образом объединяет индивидуальные решения экспертов в оптимальное коллективное решение. Такой алгоритм обеспечивает наивысшее качество программы обучения при имеющемся наборе экспертов различной квалификации.

8. Аспекты преподавания и подачи учебного материала

Чтобы оценить способы эффективной доставки знаний, необходимо проанализировать, как совместное использование визуального, текстового и аудиоканалов подачи учебной информации влияет на усвоение учебных материалов. В процессе обучения каждый студент способен воспринять значительный объем знаний. Во время передачи знаний может использоваться любая комбинация каналов передачи информации: через текст, аудио или визуально. Текст должен быть отделен от визуального канала и рассматриваться самостоятельно, как отдельный канал. Все три процесса усвоения информации должны быть эффективно использованы для достижения наилучших результатов.

Для того, чтобы понять, насколько эффективно можно преобразовывать учебную информацию в знания студентов, требуется провести ряд экспериментов для ответа на следующие вопросы.

1. Каково лучшее сочетание текста, видео- и аудиоинформационных материалов для максимальной эффективности учебного процесса?
2. Какое количество текста следует использовать в учебном процессе?
3. Какое количество символов, в каком шрифте и формате мозг может надежно усвоить в заданный временной интервал?
4. Какая структура и какие шрифты текста были бы наиболее эффективными?
5. Какая планировка текстовой информации самая эффективная: одна, две или три колонки?

Практический опыт публикации книг [7] и правила веб-дизайна [11], где показаны роль и значение пропорций, наличия графики, сочетания цветов, являются хорошими отправными точками. Отметим, что до сих

пор моделирование доставки информации, даже с точки зрения доставки только текста, не рассматривалось количественно и систематически.

Нет сомнения, что такие факторы, как количество текста, его внешний вид и формат (включая шрифты, цвета, размер, количество столбцов) имеют влияние на нас. Ясно, что они зависят друг от друга в смысле максимизации результата подачи текста и нашей способности распознавать и усваивать его, например: размер предложений, длина слов, – все это влияет на интенсивность визуальной поддержки (может иметь отрицательное или положительное влияние на механизмы усваивания информации мозгом).

Основной вопрос здесь звучит так: как объединить текстовую и визуальную информацию, чтобы максимизировать эффективность передачи знаний?

Нерешенные вопросы, связанные со звуковой формой поставки знаний, могут быть следующими.

1. Как долго можно слушать речь, понимая ее? Оправдывает ли себя правило золотых 20 минут?

2. Что делать, если мы используем текст и аудио? Имеет ли это значение? Сколько времени длится состояние внимания? Как нужно чередовать текст и аудио?

3. Осуществляется ли воздействие на восприятие информации, когда текст подается одновременно через аудио- и видеосредства (например, субтитры)?

4. Как влияют на восприятие содержания длина слова и плотность смысла (математика, программирование, философия)?

5. Влияние повторения, как это работает с текстом? Аудио и текст? Только звук? Только зрительные образы?

6. Когда предпочтительна Web-доставка знаний? Как она может быть максимально увеличена в плане эффективности?

Для обеспечения надежности и качества усвоения знаний в данном проекте использован подход на основе веб-семантики совместно с модифицированным процессом тестирования, отличающимся улучшенной настройкой на индивидуальные способности студентов.

Скорость процесса усвоения знаний в значительной степени зависит от способности студента к обучению. Для более слабых студентов требуется своего рода «разжевывание» как форма обучения и частые оценки. Для студентов, более склонных к академическому обучению, модели преподавания должны отличаться более высоким уровнем абстракции и включать самообучение с более редким проставлением оценок.

Существует необходимость в подготовке поддающейся количественной оценке модели нагрузки студента и преподавателя с учетом диапазона способностей и предварительных знаний студентов. Очевидно, что более длинное путешествие стоит больше и требует больших усилий; таким образом, количественный анализ и модели доставки учебной программы являются вполне оправданным предметом исследования.

Необходимо принять во внимание то, что повторение и практика должны быть вместе включены в процесс преподавания и передачи знаний. Некоторые знания только «застревают» в голове и остаются в ней в течение длительного времени, пока вы их не используете. Так, если вы только воспринимаете информацию, но никогда не работаете с ней, вы не сможете понять ее глубину.

Предлагаемая модель должна принимать во внимание конструктивистский подход [1; 15; 20].

Каждый человек строит свою собственную персональную реальность, общаясь и интерпретируя окружающую среду в своем темпе восприятия, что определяет скорость и стоимость индивидуального усвоения знаний.

9. Веб-поддержка для тестирования и оценки приобретенных знаний

До сих пор, кроме чисто математических дисциплин, тщательное формирование совокупности существенных вопросов, связанных с текущей учебной программой, проводилось крайне редко. Логически связанная последовательность вопросов должна быть систематизирована для оценки, получаемой в процессе преподавания дисциплины; даже полуавтоматическая процедура может быть весьма полезной, т.к. это уменьшает нагрузку преподавателя при формировании оценки и в то же время гарантирует качество.

Качество знаний студентов должно формально измеряться, анализироваться и ограничиваться, когда $ПФ_s > ПФ_{tr}$ (s – студент, tr – пороговая величина). Порог указывает на требуемый уровень понимания, подтвержденный оценкой на основе анализа умений, наработанных в сознании ученика в процессе учебы.

Два уравнения ниже определяют содержание курса с точки зрения точности и полноты, определяя полный и необходимый глоссарии:

$$\begin{aligned} ДФ_j &= ДФ1 \cup ДФ2 \dots \cup ДФ_n - 1 \cup ДФ_n \\ ДФ_e &= ДФ1 \cap ДФ2 \dots \cap ДФ_n - 1 \cap ДФ_n \end{aligned}$$

Построение комплекса вопросов в объеме основного глоссария $ДФ_e$ формирует основной набор вопросов $ХФ_e$. Это представляет собой полную формальную подготовку требуемого комплекса вопросов для созда-

ния тестов, связанных с основным глоссарием. Другими словами, комбинация ДФе и ХФе образуют ядро тестовых материалов для дисциплины.

Режимы обучения/тестирования. Веб-тестирование имеет два основных преимущества. Во-первых, оно может быть введено в учебный процесс в тренировочном/пробном режиме, становясь, таким образом, неотъемлемой частью процесса обучения и увеличивая уверенность студента в том, что он правильно усваивает знания. В процессе обучения студент в состоянии составить собственное суждение и оценить свои знания в «тренировочном режиме»; преимущество здесь заключается в том, что это может быть сделано в любой точке мира и в любое время. Во-вторых, в благоприятной обстановке и в удобное для теста время у студента гораздо больше уверенности относительно своих знаний и процесса тестирования. Тренировочный режим тестирования может быть организован с разной интенсивностью и охватом оценивания, делая возможным, в принципе, генерирование неограниченного количества вопросов на проверяемую тему.

Интересным направлением исследований является рассмотрение применения средств Искусственного Интеллекта для формирования более узкого и специального тренировочного тестирования для любого студента во время обучения, проверки и улучшения его знаний по различным разделам учебного предмета. Для достижения этой цели имеют решающее значение новый веб-инструмент и формирование семантического канала восприятия как функции студенческих знаний и учебного прогресса. Мы, в самом деле, уверены, что наш компьютерный век требует пересмотра и коренного усовершенствования того, как происходит обучение, а также пересмотра теоретических принципов разработки учебных программ и автоматизированной поддержки для формирования адекватных оценок.

Инструмент индивидуальной оценки. В свете вышесказанного, теоретически созданная на протяжении последних нескольких лет сеть [18], оцененная с точки зрения надежной передачи знаний [17], первоначально испытанная [16] и доведенная до реализации [4; 8] требует реконструкции.

Актуальным является создание специального тестирующего/оценочного инструмента, настраиваемого на индивидуальную автоматизированную оценку. Острая необходимость решения этой задачи вызвана ростом числа студентов от 250–300 в группе в настоящее время до тысяч [10] или даже миллионов студентов, привлекаемых веб-классами, например, для освоения английского языка в Европе и Азии.

Автоматический инструмент оценки, который мы предлагаем, может быть использован в форме множественного выбора ответов (МСА) [8]. Этот подход предполагает несколько логически связанных (скажем, M) правильных ответов из N возможных вариантов. Разработка специальных индивидуальных инструментов тестирования (IAT) для создания и запуска МСА была бы полезна для широкого спектра дисциплин в системе высшего образования.

Автоматизированная персонифицированная программа определения самооценки с IAT помогает учащимся проверить свои знания во время семестра. Эта проверка значительно облегчается за счет использования гаджетов. Становится возможным самостоятельно проверять производительность при усвоении знаний, подыскивать соответствующие рекомендации и даже самостоятельно, по мере готовности, проходить определенные сегменты программ.

Первая платформа независимой версии IAT была выпущена для Apple Ipad с реализацией: метода множественного выбора ответов, МСА; штрафных функций, их формы и квантификации; итераций/повторений обучения и оценки, какой она и должна быть; индивидуализации оценки.

10. Особенности применения методики в России

Описываемая методика позволяет для различных предметных областей генерировать учебные программы, регулируемые в Российской Федерации рядом законов и стандартов. В частности, в России установлены федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), представляющие собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ. Эти стандарты разрабатываются в соответствии с Федеральным законом об образовании. Кроме того, стандарты ФГОС влияют на формирование аккредитационных педагогических измерительных материалов (АПИМ). Целевой аспект педагогических измерений/тестирований также определен в «Положении о государственной аккредитации образовательных учреждений и научных организаций» как соответствие содержания и качества подготовки обучающихся и выпускников требованиям ФГОС. Согласно этим стандартам, в учебных программах должна присутствовать базовая часть, а также вариативная часть, определяемая вузом.

Вариативная часть образовательных программ должна отражать последние достижения науки и техники, что необходимо для модернизации системы образования, способствующей повышению конкурентоспособности российской экономики. В документе «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до

2020 года» говорится: «В части развития человеческого потенциала приоритетом является развитие конкурентоспособных исследовательских, преподавательских, управленческих кадров и создание соответствующих благоприятных условий для такого развития». Данная методика полезна для совершенствования и генерации вариативной части образовательной программы.

Здесь следует отметить, что инновационные технологии, предлагаемые в рамках описываемого проекта и предлагаемых авторами методики, повышают уровень компетентности обучающихся, обеспечивая необходимость совершенствования нынешней практики образовательного процесса.

Следует также заметить, что описываемая методика может применяться не только для использования в образовательном процессе, но и в других важнейших направлениях, таких как исследования и анализ субъектов экономической деятельности, территориальных образований, современных направлений науки и техники, например, автономные необитаемые подводные аппараты.

Применение данной методики для исследования деятельности организаций позволяет решать такие задачи, как построение и оптимизация моделей деятельности организации, мониторинг репутации организации в Интернете, поиск и трактовка высказываний об организации, ее ключевых сотрудниках, выделение источников информации о предприятии, мнение клиентов о продукции компании [22].

Методика позволяет создавать семантическую схему предметной области, которая обладает прогностическими функциями и позволяет оптимально и эффективно направлять финансирование на сферы разработок, которые приведут к прорыву в науке и технике.

11. Заключение

Предлагаемый подход обеспечивает теоретическую основу формирования учебной программы (курса) для высшего образования с использованием веб-семантических методов и схемы кластеризации веб-информации.

Показано, как нужно с помощью веб-семантических поисковых методов осуществлять мониторинг и наблюдения за изменениями знаний в заданной предметной области, что делает возможным автоматическое регулирование учебной программы.

Описан алгоритм оптимального объединения индивидуальных решений экспертов при выборе автоматически сгенерированных альтернатив и ключевых терминов для включения в образовательную программу.

Приведенный алгоритм обеспечивает наивысшее качество программы обучения для заданной группы экспертов различной квалификации.

Представлены теоретические основы разработки учебных программ и преподавания, включая функцию человеческого восприятия и трех способов доставки информации (аудио, визуальные и текстовые) для улучшения качества и эффективности формирования личных знаний, приведены краткие описания основополагающих моделей.

Описаны и проиллюстрированы как формирование автоматических поддерживающих оценочных механизмов, так и модели индивидуального тестирования.

Библиографический список

1. Baroni M., Lenci A. Distributional memory: A general framework for corpus-based semantics // *Computational Linguistics*. 2010. V. 36. I. 4. P. 673–721.
2. Beyond Condorcet: Optimal Aggregation Rules Using Voting Records / Baharad E. a.e. // *Theory and Decision*. 2012. № 72 (1). P. 113–130.
3. Charnine M., Charnine V. Keywen category structure. Wordclay, USA, 2008. P. 1–60.
4. Curriculum design, development and assessment for computer science and similar disciplines, FECS'12 / Bacon E. e.a. // *The 2012 Int'l Conference on Frontiers in Education: Computer Science and Computer Engineering*, Las Vegas, July 2012. Paper ID: FEC4130.
5. Diamond R. Designing and improving courses and curricula in higher education: A systematic approach. SF, 1989.
6. Hannas W. C. The writing on the wall. University of Pensilavaniya Press, 2003.
7. Hanslam. Book design, Series: Portfolio, 2006.
8. Multiple choice answers approach: Assessment with penalty function for computer science and similar disciplines / Bacon E. e.a. // *International Journal of Engineering Education*. 2012. V. 28. № 6. P. 1–7.
9. Nitzan S., Paroush J. Optimal Decision Rules in Uncertain Dichotomous Choice Situations // *International Economic Review*. 1982. V. 23(2). P. 289–297.
10. Patterson D. Keynote speech. Worldcomp 2012, Las Vegas, July 2012.
11. Plyaskota S. Web-design course for MSci and MBA // *Coursematerials for Highs School of economics*. Moscow, 2006.
12. Protasov V., Potapova Z., Melnikov E. A Method for Evolutionary Decision Reconciliation, and Expert Theorems // *The Third International Conference on Intelligent Systems and Applications INTELLI 2014*. Sevilla, Spain, 2014. P. 43–47.
13. Protasov V., Potapova Z., Melnikov E. Self-managed Crowdsourcing // *The Third International Conference on Intelligent Systems and Applications INTELLI 2014*. Sevilla, Spain, 2014. P. 103–106.
14. Ramsden P. Learning to teach in higher education. London, 1992.
15. Reigh K. Konstruktivistische didaktik – lehr- und studienbuch mit methodenpool. 4. Beltz Verlag, 2008.
16. Robbins M., Schagaev I., Yip J. Effective teaching in theoretical IT modules // *33rd Annual Frontiers in Education Conference (FIE'03)*. 2003.

17. Schagaev I. Reliability of malfunction tolerance. IMCSIT, 2008.
18. Schagaev I. Yet another approach to classification of redundancy IMEKO, CIM. Helsinki, Finland, 1990. P. 117–124.
19. Shapley L., Grofman B. Optimizing group judgmental accuracy in the presence of interdependencies // *Public Choice*, Springer. V. 43 (3). P. 329–343.
20. Software engineering lernen für die berufliche praxis / Hagel G. u.a. // *Erfahrungen mit dem konstruktivistischen methodenbaukasten*, im Tagungsband des Embedded Software Engineering Kongress, 2010.
21. Toohey S. Designing courses for higher education. Buckingham, UK, 1999.
22. Zolotarev O., Charnine M., Matskevich A. Conceptual Business Process Structuring by Extracting Knowledge from Natural Language Texts // *Proceedings of the 2014 International Conference on Artificial Intelligence (ICAI 2014)*. World-comp'14, July 21–24. Las Vegas Nevada, USA, 2014. P. 82–87.

Барабаш Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, докторант кафедры литературы и русского языка МГГУ им. М.А. Шолохова; доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, Пензенский государственный университет. E-mail: olphil@mail.ru.

Бочина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: tbochina@yandex.ru.

Ван Цуй – доктор филологических наук; старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Институт иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, Китайская народная республика. E-mail: annawangnb@163.com.

Вoitелева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской и зарубежной литературы, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: voitelev@yandex.ru.

Гарипова Гульчира Талгатовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент, Республика Узбекистан. E-mail: gulyagaripoval@rambler.ru.

Давыдова Ольга Андреевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: dav.ol@mail.ru.

Заяц Сергей Михайлович – кандидат филологических наук; доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Республика Молдова. E-mail: smz67@mail.ru.

Золотарев Олег Васильевич – кандидат технических наук, доцент; заведующий кафедрой «Информационные системы в экономике и управлении», Российский новый университет, г. Москва. E-mail: olzotot@yandex.ru.

Ионова Анастасия Андреевна – студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ivanastas@gmail.com.

Лютикова Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; заведующий лабораторией общей лингвистики и теории грамматики, Институт современных лингвистических исследований МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: lyutikova2008@gmail.com

Попова Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт». E-mail: po.helga@yandex.ru.

Протасов Владислав Иванович – кандидат технических наук; доцент, Институт физико-технической информатики, г. Протвино. E-mail: protv-lad@gmail.com.

Родина Ирина Вениаминовна – директор центра мониторинга качества знаний и инновационных технологий; Камский институт, г. Набережные Челны. E-mail: i@keywen.com.

Соколова Вера Александровна – преподаватель кафедры журналистики и связей с общественностью, Российский православный университет, г. Москва. E-mail: sokolova-vera@yandex.ru.

Терешкина Дарья Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом, Российская академия народного хозяйства и государственной службы Администрации Президента РФ (филиал в г. Великий Новгород). E-mail: terdb@mail.ru.

Шагаев Игорь – кандидат технических наук; профессор, Лондонский Метрополитан Университет, Великобритания. E-mail: i.schagaev@london-met.ac.uk.

Шарнин Михаил Михайлович – кандидат технических наук; старший научный сотрудник лаборатории компьютерной лингвистики и когнитивных технологий обработки текстов, доцент базовой кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка, Институт проблем информатики РАН. E-mail: mc@keywen.com.

O. Barabash

Differentiation between homonymy and polysemy of law terms

The article identifies structural and semantic features of law terms, analyzes mechanism of emerging homonymy and polysemy in the terminological system of the legal language, points out criteria for differentiating these phenomena. The article gives proof to the idea that specific behaviour of a word in terms of stylistic restrictions of legal sub-language is determined, on the one hand, by the tendency to terminologyzation, specification of lexemes according to the law branch, to their semantic stability, and on the other hand, by the impact of general linguistic processes which cause variability.

Key words: law term, homonymy, polysemy, terminological system of the law language.

**M. Charnine, I. Schagaev, V. Protasov, I. Rodina,
O. Zolotarev, O. Popova**WEB semantics for improving the educational programs
of universities

The paper presents a methodology of the formation of educational programs, automation of their development using semantic analysis of online texts. It is shown how the semantics of the study of texts helps in generating curriculum and alternative options for improvement in determining the structure of hierarchical relationships between sections of knowledge and changes in the state of knowledge in the monitoring of domain knowledge. The methods of the optimal combination of experts' solutions to ensure the highest quality of educational programs is presented. Questions of formation of educational programs and teaching schemes implemented using web semantic approach, supplemented by models of perception, knowledge transfer and pedagogical testing. Structure of further research is suggested.

Key words: curriculum, semantic analysis of online texts, automatic processing of text corpora, competency assessment, methods of optimal

combination of experts solutions, perception of educational material, methods and testing tools, crowdsourcing.

O. Davydova

The maidan and skhod as Cossack ethnographisms

This paper deals with the dialectal words *maidan* and *skhod* forming an important part of the language picture of the Cossack world. They denote the assembly taking such vital decisions as choosing the ataman, distributing allotments, punishing the transgressors, etc. The pertinent entries must be added to the dictionary of Sholokhov's language.

Key words: M. Sholokhov, Cossack, dictionary of Sholokhov's language, ethnographism, maidan, skhod.

G. Garipova

The paradigm of value concepts of Russian classical literature in the axiological system of the literary process of XX century

The article considers the problem of the most inconsistent questions to identifications of value ontological and anthropocentric constants in the Russian literature; problem issues of reception of the axiological problems in the contemporary Russian literature. The article analyzes the axiological moduses of the artistic thanatology in detail; subject of freedom in the system of artistic interpretation in the Russian literature of XX century.

Key words: value concept, artistic axiology, modern Russian literature, thanatology, existence, catharsis, L. Tolstoy's "The Death of Ivan Ilych", A. Platonov, A. Bitov.

A. Ionova, E. Lyutikova

The scope of adjectival operators and the syntax of the Russian noun phrase

The paper provides a novel argument in favour of the universality of noun phrase structure in languages with and without articles. The paper focuses on the interpretational ambiguity of Russian utterances containing adjectival operators – superlatives and ordinals – depending on the structural position of the operator within the noun phrase. The ban on the wide scope of adjectival operators in Russian is observed in the same range of contexts as in languages with articles, and the peculiarity of these contexts is due to the functional projection dominating the lexical noun phrase.

Key words: noun phrase, superlatives, ordinals, scope of operators, island conditions, the Russian language.

V. Sokolova

Irina Knorring Poetry Images

The article is devoted to the main images of Irina Knorring poetry. Mrs. Irina Knorring (1906–1943) represents younger generation of the first wave of the Russian immigration. Research is based on her older writings of 1930's where images of darkness, night, silence, pain and melancholy are widely used. The analysis builds an understanding of Knorring's last writing period, which shows stronger tragic attitude. Individual specifics of Knorring's lyric images are in the focus of this article.

Key words: Irina Knorring, diary lyrics, poetry images, image of darkness, image of pain, image of melancholy.

D. Tereshkina

The intertext of the "Chetji-Minei" in the story by Leo Tolstoy "Alyosha-the-Pot"

The article discusses the intertext of the "Chetji-Minei" in the story by Leo Tolstoy "Alyosha-the-Pot". The author depicts the character's life from birth till death with the help of hagiographic topoi. Allusions to the "Chetji-Minei" in the story (names of minor characters, coincidences in the plot line and motifs) make the story more intricate, expand its ideological value.

Key words: "Chetji-Minei", intertextuality, hagiographic topoi, Holiness, context.

T. Voiteleva

Research of the functional peculiarities of the language means in the process of learning morphology at school

The article is focused on the study of peculiarities of teaching nouns, adjectives, verb forms and adverbs from the standpoint of functional approach.

Key words: speech, speech development, speech activity, functional approach, expressive means, synonymic constructions.

Wang Cui, T. Bochina

The comitative constructions in Chinese and Russian

This paper analyzes the comitative constructions in Chinese and Russian. The subject of the study is the comitative construction marker, its location, the word order in the comitative construction, as well as the reasons for polysemy of the comitative constructions in two languages. On the basis of differences between comitative and coordinative constructions in Russian and Chinese, the authors sort out the features of the comitative constructions. By analyzing Chinese data, the authors propose that the location of the comitative marker in Chinese does not correspond to the language universals. The comitative marker in Russian has more meanings than in Chinese. The reason is that the investigated languages belong to different types (the type *with*, the type *and*).

Key words: the comitative construction, the language universals, the Chinese language, the Russian language, word order, polysemy.

S. Zayats

Maximillian Voloshin. The beginning of the way:

"To be imprisoned in the dungeon of the moment"

The article highlights the beginning of the way of the Russian poet and philosopher of the Silver Age Maximillian Voloshin who was trying to create a special myth-poetry in his writing, the base of which was the image of a creative person able to change the world, being incarnated in the moment that shifts into eternity. This inevitably put the issue of finding the right way and spiritual development for the creative person that is characteristic for the time of change – the turn of the centuries.

Key words: Maximillian Voloshin, poetry of the Silver Age, myth-poetical world outlook of M. Voloshin, creative individuality of M. Voloshin, time comprehension in the writing of M. Voloshin, myth about the poet in M. Voloshin's writing.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет
М.В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
Ю.В. Балашова

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2015.2

Электронная версия журнала: www.mggu-sh.ru

Сдано в набор 15.06.2015 г.
Подписано в печать 22.06.2015 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.